

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

220-летие КФУ

Том 166

Книга 3

2024

Ученые записки Казанского университета.

Серия Гуманитарные науки

рецензуемый научный журнал

2024

Т. 166,
кн. 3

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОСНОВАНЫ В 1834 ГОДУ

Редакционный совет

- Д.А. Таюрский* (председатель редакционного совета, главный редактор) – первый проректор – проректор по научной деятельности, д-р физ.-мат. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- А.И. Алиев* – д-р юрид. наук, проф., Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджанская Республика
- Й. Баберовски* – д-р наук, проф., Берлинский университет имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия
- Б.А. Байтанаев* – д-р ист. наук, проф., Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки МОН, г. Алматы, Республика Казахстан
- Б.М. Гонгало* – д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия
- Л.П. Грамова* – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
- А. Квятковская* – д-р психол. наук, Институт психологии, Польская академия наук, г. Варшава, Польша
- В.М. Мокиенко* – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; Университет им. Эрнста Морица Арндта, г. Грайфсвальд, Германия
- М.М. Мюллер* – д-р наук, проф., Лейпцигский университет, г. Лейпциг, Германия
- Л.П. Репина* – д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия
- Л. Росси* – проф. по рус. лит., Миланский государственный университет, г. Милан, Италия
- А.Г. Ситдинов* – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- И.А. Тарханов* – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Д.В. Ушаков* – д-р психол. наук, акад. РАН, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия
- Т.Я. Хабриева* – д-р юрид. наук, акад. РАН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия
- А.Н. Чумаков* – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
- М.Д. Щелкунов* – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редакционная коллегия

- Е.А. Горобец* (зам. гл. редактора) – канд. филол. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Л.Р. Ахмерова* (секретарь) – канд. филол. наук, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Е.М. Абайдельдинов* – д-р юрид. наук, проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан
- Н.Ф. Алефиренко* – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
- Б.С. Алишев* – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- С.А. Балащенко* – д-р юрид. наук, проф., Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
- Д.Х. Валеев* – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Г.А. Волков* – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
- Г.Х. Гилязетдинова* – д-р филол. наук, проф., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия
- С.Ю. Головина* – д-р юрид. наук, проф., Уральская государственная юридическая академия, г. Екатеринбург, Россия
- О.Ф. Жолобов* – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

А.М. Лушников – д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия
Н.Л. Лютлов – д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Д.Е. Мартынов – д-р ист. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
О.М. Мельникова – д-р ист. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия
Г.П. Мягков – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
И.А. Невская – д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия
Е.М. Николаева – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
В. Норман – д-р наук, проф., Университет Потсдама, г. Потсдам, Германия
Ф.Ш. Нуриева – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Паикуров – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.О. Прохоров – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Рарог – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Й. Ситко – д-р наук, проф., Прешовский университет в Прешове, г. Прешов, Словакия
М.В. Талан – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Ю Хаймей – д-р права, Нанкинский педагогический университет, Институт правовой модернизации Китая, г. Нанкин, Китай
Й. Эккенга – д-р юрид. наук, проф., Университет имени Юстуса Либига, г. Гиссен, Германия
Р. Ястиембски – д-р права, проф., Варшавский университет, г. Варшава, Польша

Научный редактор *Д.Х. Валеев* – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редактор *Л.Р. Ахмерова*
Редактор английского текста *А.О. Кармазина*

Учредитель и издатель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41876 от 27 августа 2010 г.

Журнал реферируется/индексируется в DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, КиберЛенинка.
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс 19421. Цена свободная

Адрес издателя и редакции «Ученые записки Казанского университета»: 420008, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Кремлевская, д. 18
Телефон: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-rus/gum>

Дата выхода в свет 13.09.2024.
Формат 70х 108/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 20,38. Уч.-изд. л. 18,15.
Тираж 300 экз. Заказ 23/9.

Отпечатано в типографии Издательства
Казанского университета
420008, Республика Татарстан, Казань,
ул. проф. Нужина, д. 1/37

Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta.

Seriya Gumanitarnye Nauki

(Proceedings of Kazan University. Humanities Sciences Series)

Peer-Reviewed Scientific Journal

2024

Vol. 166,

no. 3

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA FOUNDED IN 1834

Editorial Council

- D.A. Tayurskii* (Chairman of the Editorial Council, Editor-in-Chief) – First Vice-Rector – Vice-Rector for Scientific Activities, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.I. Aliiev – Doctor of Law, Professor, Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan
J. Baberowski – Doctor of History, Professor, Humboldt University of Berlin, Berlin, Germany
B.A. Baitanaev – Doctor of History, Professor, A.Kh. Margulan Institute of Archeology, Almaty, Republic of Kazakhstan
B.M. Gongalo – Doctor of Law, Professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
L.P. Gromova – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
A. Kwiatkowska – Doctor of Psychology, Institute of Psychology of Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
V.M. Mokienko – Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; University of Greifswald, Greifswald, Germany
M.M. Muller – Professor of Psychology, University of Leipzig, Leipzig, Germany
L.P. Repina – Doctor of History, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Universal History, Moscow, Russia
L. Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan, Milan, Italy
A.G. Sitdikov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
I.A. Tarkhanov – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
D.V. Ushakov – Doctor of Psychology, Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology, Moscow, Russia
T.Ya. Khabrieva – Doctor of Law, Member of Russian Academy of Sciences, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
A.N. Chumakov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia
M.D. Schelkunov – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editorial Board of Humanities Sciences

- E.A. Gorobets* (Deputy Editor-in-Chief) – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
L.R. Akhmerova (Secretary) – PhD in Philology, Kazan Federal University, Kazan, Russia
E.M. Abaidel'dinov – Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan
N.F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State University, Belgorod, Russia
B.S. Alishev – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
S.A. Balashenko – Doctor of Law, Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
D.Kh. Valeev – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
G.A. Volkov – Doctor of Law, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia
G.Kh. Gilazetdinova – Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
S.Yu. Golovina – Doctor of Law, Professor, Ural State Law Academy, Yekaterinburg, Russia
O.F. Zholobov – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.M. Lushnikov – Doctor of Law, Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
N.L. Lyutov – Doctor of Law, Associate Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
D.E. Martynov – Doctor of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
O.M. Mel'nikova – Doctor of History, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia

G.P. Myagkov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
I.A. Nevskaya – Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
E.M. Nikolaeva – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
W. Norman – Doctor of Science, Professor, University of Potsdam, Potsdam, Germany
F.Sh. Nurieva – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.N. Pashkurov – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.O. Prokhorov – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.N. Rarog – Doctor of Law, Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
J. Sipko – Doctor of Science, Professor, University of Presov, Presov, Slovakia
M.V. Talan – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
Yu Haimei – Doctor of Law, Nanjing Normal University, Institute for Chinese Legal Modernization Studies, Nanjing, China
J. Ekkenga – Doctor of Law, Professor, Justus Liebig University Giessen, Giessen, Germany
R. Yastshembski – Doctor of Law, Professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Science Editor: *D. Kh. Valeev* – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editors: *L.R. Akhmerova*
English Editor: *A.O. Karmazina*

Founder and Publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

“Kazan (Volga Region) Federal University”.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technologies and Mass Media

Registration certificate PI No. FS77-41876 dated August 27, 2010.

The journal is abstracted and/or indexed in DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Cyberleninka, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat.

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main results
of dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees.

Subscription index: 19421. Free price

Contacts: Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta, ul. Kremlevskaya 18, Kazan, Republic of Tatarstan, 420008 Russia
Phone: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-eng/hum>

Date of publication: September 13, 2024.
Page size: 70*108/16. Offset printing. Conventional
printing sheet: 20,38. Publisher's signature: 18,15.
Circulation: 300 copies. Order: 23/9.

Printed in KFU Publishing House
ul. Prof. Nuzhina 1/37, Kazan, Republic of Tatarstan,
420008 Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

<i>Гильмуллин А.Р.</i> Учения о правовых законах в трудах представителей российской доктринально-правовой мысли XIX века	7
<i>Губайдуллин А.Р.</i> К вопросу об отдельных факторах правопреемственности в эпоху Просвещения	18
<i>Исаев Э.Е.</i> Ценность правовой процессуальной политики: аксиологические и общеправовые аспекты	30

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

<i>Хурматуллина А.М.</i> Конституционная ценность «здоровье человека» в приоритетных направлениях государственной политики	40
<i>Колоткина О.А., Ягофарова И.Д.</i> Ограничение прав и свобод человека в условиях новых глобальных вызовов (обобщение опыта пандемии)	55
<i>Курочкин А.В.</i> Соотношение методов правового регулирования в российском партийном законодательстве	69

Частноправовые науки

<i>Курочкин С.А.</i> Конституционализация третьейского разбирательства	81
<i>Волова Л.Т., Максименко Н.А., Левина М.В.</i> Проблемы правового регулирования отношений в сфере медицинских тканевых технологий в Российской Федерации	97
<i>Николаев Д.О.</i> Институт возмещения вреда, причиненного Федеральной службой судебных приставов	110

Уголовно-правовые науки

<i>Бакулин В.К.</i> Правовой мониторинг современного пенитенциарного процесса в российской и зарубежных правовых системах	122
---	-----

CONTENTS

Theory and History of Law Sciences

- Gilmullin A.R.* Just Law Theories Developed by Prominent Representatives of Russian
Doctrinal Legal Research in the 19th Century 7
- Gubaidullin A.R.* Some Factors Influencing Legal Continuity in the Age of Enlightenment 18
- Isaev E.E.* The Value of Procedural Policy: Axiological and General Legal Aspects 30

Public Law Sciences

- Khurmatullina A.M.* Human Health as a Constitutional Value in Priority Areas
of the State Policy 40
- Kolotkina O.A., Yagofarova I.D.* Limitation of Human Rights and Freedoms amid
New Global Challenges (Lessons from the Pandemic) 55
- Kurochkin A.V.* Correlation between the Methods of Legal Regulation
in the Political Party Legislation of Russia 69

Private Law Sciences

- Kurochkin S.A.* Constitutionalization of Arbitration 81
- Volova L.T., Maksimenko N.A., Levina M.V.* Some Problems with the Legal Regulation
of the Relations in the Field of Medical Tissue Technologies
in the Russian Federation 97
- Nikolaev D.O.* The Institution of Compensation for Harm Caused
by the Russian Federal Bailiff Service 110

Criminal Law Sciences

- Bakulin V.K.* Legal Monitoring of the Modern Penitentiary Process
in Russian and Foreign Legal Systems 122

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.01

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.7-17

УЧЕНИЯ О ПРАВОВЫХ ЗАКОНАХ В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ДОКТРИНАЛЬНО- ПРАВОВОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА

А.Р. Гильмуллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье предпринята попытка теоретического осмысления противоречий и закономерностей развития представлений о правовых законах в российской доктринально-правовой мысли XIX в. Изучены труды таких исторических деятелей и мыслителей, как М.М. Сперанский, Н.М. Карамзин, П.И. Пестель, Н.М. Муравьев, К.А. Неволин, Б.Н. Чичерин, В.С. Соловьев, С.А. Муромцев, в которых можно обнаружить теоретические подходы к решению сущностных проблем соотношения права и закона. Сделан вывод о том, что в изучаемый период были продолжены концептуальная проработка и осмысление содержательных критериев позитивного права с позиции либеральных (естественно-правовых) и этических убеждений, коррелирующих с духовными (христианскими) началами, что в определенной степени укрепило гуманистические и морально-нравственные основы отечественного правопонимания. Кроме того, проведенный анализ позволил установить преемственность и закономерную связь философско-правовых доктрин XVIII и XIX вв., а также подтвердить наличие общего (абстрактного, то есть до конца не осмысленного) мотивационного основания и логики развития правовых свобод человека.

Ключевые слова: правопонимание, правовой закон, правовая доктрина, естественное право, позитивное право, императив сохранения природы человека

Настоящее исследование является продолжением цикла научных работ, посвященных изучению закономерностей развития научных представлений о правовых законах в российской доктринально-правовой мысли. Так, в соответствии с ранее проведенным анализом воззрений отечественных мыслителей XVIII в. на правовые законы были выявлены их общие закономерности [1]. Кроме того, был сделан вывод о том, что представления о правовых законах, построенные на естественно-правовой традиции, являлись результатом разумного выбора свобод и ответственности и в целом могут считаться достижением отечественной правовой доктрины на пути к созданию правовых оснований, призванных обеспечить устойчивые процессы жизнедеятельности и развития каждого человека.

В рамках настоящего исследования продолжен анализ трудов и идей отечественных мыслителей XIX в., связанных с поисками объективного базиса

официальных установлений государства; определены преемственность и закономерные связи философско-правовых доктрин двух рассмотренных периодов; выявлены и сформулированы их общие фундаментальные основания и закономерности формирования и развития.

Так, к первой половине XIX в. не решенной в России проблемой оставались крепостное право и, следовательно, вытекающие из его сути произвол и социальное расслоение в обществе, которые сопровождались эксплуатацией крестьян-земледельцев со стороны привилегированного господствующего класса помещиков (дворянства и чиновников). Вследствие этого Российская империя существенно отставала от развитых стран Европы во многих сферах: экономике, промышленности (гражданской, военной), образовании, обеспечении прав человека, культуре, формировании гражданского общества и т. д.

В российской философско-правовой доктрине рассматриваемого периода, все больше вбиравшей в себя зарубежный опыт и постепенно переосмысливавшей отечественные научные достижения прошлых лет, постепенно начали появляться представления о необходимости активизации реформаторских процессов, связанных с кардинальными изменениями в государственном устройстве, институтах власти, правовой системе, что в конечном итоге привело, как отмечает О.Э. Лейст, к столкновению либеральных и охранительных (консервативных) идеологий в гуманитарной сфере, в том числе в видении проблем правопонимания [2, с. 399].

Как русский реформатор, законотворец, основоположник конституционализма и правового государства в России вошел в историю **Михаил Михайлович Сперанский** (1772–1839), политико-правовые воззрения которого также касались вопросов содержания законов и их сущностных сторон.

Выстраивая теоретическую основу будущих реформ, М.М. Сперанский ссылаясь на западноевропейские философско-правовые представления об общественном договоре и естественном праве (Ш.Л. Монтескье, У. Блекстона, Ж.Ж. Руссо) и был твердо убежден в том, что несправедливость и произвол в обществе и государстве, являющиеся в целом результатом неэффективного государственного регулирования, можно нивелировать путем разумного нравственного законодательства, просвещения народа и власти [3, с. 85].

М.М. Сперанский различал законы государственные, призванные определять отношения частных лиц с государством, и гражданские, регулирующие отношения между лицами. При этом государственные законы разделялись на преходящие и коренные (неподвижные, конституционные), «с коими все другие законы должны быть сообразаемы» [4, с. 3]. Иными словами, принимаемые правовые акты не должны были противоречить конституционным (то есть коренным) законам, являющимся творением народа и содержащим положения об образе правления, государственного устройства и самодержавной воли.

М.М. Сперанский отмечает, что предметом всех законов должно быть формирование «отношения людей к общей безопасности лиц и имуществ» [5, с. 144]. При этом относительно существа законов реформатор указывает: «... законы без нравов не могут иметь полного действия...» [5, с. 81]; всякое право (в том числе и право самодержавное) должно исходить из правды как основы для права

(закона), являющейся проявлением божественной воли. Он также пишет: «Там, где кончится правда и где начинается неправда, кончится право и начинается самовластие» [6, с. 57]. Из изложенного следовало, что все законы государства должны были исходить из нравственных положений о правде, основанной на православном христианстве.

В духе охранительной идеологии, а также в качестве критика либеральных реформ М.М. Сперанского, направленных на изменение общественно-политического устройства Российской империи, выступал историк **Николай Михайлович Карамзин** (1766–1826). В основе философско-правовых идей ученого лежали убеждения о сохранении привилегий дворянства и недопустимости конституционного ограничения власти государя (в том числе и самим государем), находящегося, по его мнению, выше законов. Н.М. Карамзин считал, что законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств [7, с. 91]. По убеждению историка, законы и учреждения складываются веками и, следовательно, власть должна сохранять их и не учреждать новых. Тем самым Н.М. Карамзин оправдывал крепостное право и указывал на то, что в «государственном общежитии право естественное уступает гражданскому» [7, с. 72].

В среде декабристов также выдвигались положения, связанные с содержательными критериями законов. В частности, **Павел Иванович Пестель** (1793–1826) в духе естественно-правовых учений высказывал общедемократические идеи о равенстве всех людей перед законом, свободе слова, совести и собраний, свободе промысла, а также о народном самоуправлении [8, с. 222]. В своем труде «Русская Правда» П.И. Пестель выделяет следующие виды законов: духовные (известные из Священного Писания), естественные (известные из законов природы и естественных нужд) и государственные, гражданские («государственные постановления» как способ достижения общего Благоденствия). При этом государственные (гражданские) законы, как отмечает П.И. Пестель, должны быть в согласии «с Законами Духовными и законами Естественными» [9], исходя из чего следовало, что духовные и естественные законы являлись основополагающими по отношению к законам гражданским (то есть позитивному праву) и их наличие в содержании последних выступало свидетельством справедливого (правового) характера закона.

Другой декабрист, **Никита Михайлович Муравьев** (1795–1843), также считал неприемлемой неограниченную власть самодержавия и настаивал на конституционной монархии, основанной на разделении власти, призванном не допустить нахождения всех прав у одной стороны, а всех обязанностей – у другой. Ссылаясь на философские воззрения как русских, так и западноевропейских авторов о принятии и содержании конституций, а также на убежденность в том, что русский народ как источник власти в значительной степени заслуживает законности и свободы [10], Н.М. Муравьев ратовал за отмену крепостного права и достижение равноправия между всеми жителями страны. Стоит отметить, что в его работах выражены взгляды философа на правовые принципы, выступающие олицетворением неотчуждаемых прав и свобод человека и являющиеся актуальными в наши дни, среди них: право на труд, свобода передвижения, свобо-

да деятельности организаций, презумпция невиновности, равенство всех перед законом, разделение ветвей власти, принятие законов простым большинством, доступность органов власти для граждан. Так, оппонируя Ш. Монтескье в вопросе о свободе, Н.М. Муравьев в духе Дж. Локка указывает: «Свобода заключается... в том, чтобы иметь законы, соответствующие неотчуждаемым правам человека» [11, с. 561–562], тем самым подтверждая необходимость соответствия законов государства естественно-правовым ценностям.

Одним из родоначальников отечественной философско-правовой школы и ее системной проработки выступал профессор **Константин Алексеевич Неволлин** (1806–1855). Важно отметить, что заслуги К.А. Неволлина перед российской юридической наукой, в том числе теорией и философией права, неоспоримы, и его исследования являются актуальными по сей день. Будучи глубоким знатоком немецкой классической философии права, ученый прекрасно знал труды таких мыслителей, как И. Фихте, Ф. Шеллинг, И. Кант, Г. Гегель, за что его нередко относили к сторонникам гегельянства. Среди целого ряда общественно-политических проблем, выступающих предметом философско-правовых исследований юриста, особое место занимали вопросы законотворчества и правопонимания.

В своем концептуальном труде под названием «Энциклопедия законоведения» (1840 г.) К.А. Неволлин рассматривает последнее как юридическую науку. Иными словами, по его мнению, предметом исследования законоведения и, следовательно, юриспруденции являются законы, которые делятся на две группы: естественные, или естественное право (разумные, вечные идеи законов, сформулированные исходя из познавательной деятельности и свободные от чьей-либо воли, то есть подлинное право), и положительные, или позитивное право (законодательство, принятое в государстве и имеющее общеобязательную силу) [12, с. 42]. При этом важно обратить внимание на то, что К.А. Неволлин, как и Г. Гегель, различал право и закон. Кроме того, ученый допускал возможность существования противоречий между ними, рассматривая естественное и позитивное право не как антитезу, а как неотделимые друг от друга и связанные со всеобщностью (как философско-правовая сущность – естественное право) и формой (как законодательное выражение – позитивный закон) явления [12, с. 42]. По логике К.А. Неволлина, в действительности ни одна из поименованных частей не может существовать отдельно от другой и без другой, то есть соединение всеобщности и формы выступает воплощением разумных, вечных идей законов в реальное эмпирическое состояние.

При этом содержание позитивного права, согласно К.А. Неволлину, зависит от различных особенностей, в частности от характера народа и уровня его развития, местности, круга рассматриваемых лиц и т. д. В отличие от естественно-правового подхода, мыслитель придерживался мнения о том, что человек приобретает нравственную свободу не с момента его рождения, а лишь с появлением государственной формы организации общества. Следовательно, именно государство дарует и способно обеспечить человеку нравственную свободу [12, с. 42].

Важные для отечественной научной мысли XIX–XX вв. поиски оснований для позитивного права были напрямую связаны с воззрениями отечественного философа, основателя русского конституционализма **Бориса Николаевича**

Чичерина (1828–1904), в работах которого особое внимание было уделено вопросам свободы личности.

В своем труде под названием «Философия права» (1900 г.) Б.Н. Чичерин раскрывает свое метафизическое и этическое видение содержания позитивного (положительного) законодательства, а также места и роли философии права в целом. Ученый представил подробный анализ исторических аспектов, связанных с развитием политико-правовых взглядов как западной, так и отечественной философской мысли, а также раскрыл свое, авторское понимание права. Ключевую роль в теории Б.Н. Чичерина играли представители немецкой классической философии, в особенности Г. Гегель, который, по мнению российского мыслителя, «выяснил и развил объективные начала человеческой жизни» [13, с. 228]. Согласно Б.Н. Чичерину, право – это «внешняя свобода человека, определяемая общим законом» [13, с. 84]. Философ выделяет субъективное и объективное право, где под первым понимается «законная свобода что-либо делать или требовать», а под последним – «закон, определяющий эту свободу» [13, с. 84].

Намекая на высокую значимость метафизики для юриспруденции, Б.Н. Чичерин указывал на то, что предметом юридической науки не должно являться только законодательство, поскольку позитивное право, так же как и природа, не является неизменным и вечным явлением. Содержание позитивного права, по мнению философа, подлежит анализу по причине того, что, являясь творением человека (и, соответственно, находясь в зависимости от его потребностей и взглядов), может выражать как хорошее, так и дурное содержание. По мысли Б.Н. Чичерина, в процессе правового регулирования было бы нелогично ссылаться на основополагающие начала, исходящие из того же самого позитивного права, а следовало бы обращаться к высшим соображениям (то есть к метафизике). По этой же причине негативно высказывался Б.Н. Чичерин и о возможности полагаться на «жизненную практику», указывая на ее неопределенность и хаотичность различных интересов и требований. Для рационального установления прав и обязанностей необходимо ответить на вопросы о том, «что такое право, где его источник и какие из него вытекают требования» [13, с. 2]. При этом ученый подчеркивал близость вопросов права и проблем человеческой личности, тем самым настаивая на необходимости глубокого и основательного изучения природы человека. Б.Н. Чичерин, по аналогии с римскими юристами, при разработке своей концепции придерживался позиции, согласно которой положительному праву противостоит право естественное, представляющее собой систему общих юридических норм, которые вытекают из человеческих (естественных) разумных начал, призванных «служить мерилom и руководством для положительного законодательства» [13, с. 94]. К разумным началам философ предлагает относить *правду* (справедливость), имеющую единый с *правом* корень. Правда (справедливость), согласно Б.Н. Чичерину, связана с высшим началом равенства, которое вытекает из самой человеческой природы (то есть естественного права) и является уравнивающей: «Справедливым считается то, что одинаково прилагается ко всем» [13, с. 96].

Отдельным пунктом в учении Б.Н. Чичерина выступает разделение права и нравственности, где под правом философ понимает формальную, принудитель-

ную справедливость (позитивное право), требующую равного воздаяния и регулирующую внешнюю свободу человека; а под нравственностью – «закон любви» [13, с. 173], предписывающий человеку жертвовать собой во имя ближнего и регулирующий внутреннюю свободу человека.

Следующим мыслителем, чьи философско-правовые воззрения также содержали идеи о правовой свободе и достоинстве личности, равенстве, связи права с нравственностью, правовой законности основ христианского государства, являлся философ **Владимир Сергеевич Соловьев** (1853–1900).

Рассматривая в рамках настоящего исследования исключительно вопросы, относящиеся к теории правовой законности, обусловленной различием или же сходством между правом как сущностной характеристикой и законом (позитивным правом) как эмпирической, властно-императивной характеристикой, остановимся на тех основаниях учения философа, предметом которых выступают философско-правовые аспекты сущности и содержания права и законов.

В своих диалектических рассуждениях мыслитель развивает идею о последовательном стремлении человечества к «свободному союзу лиц» [14, с. 524]. Согласно В.С. Соловьеву, духовно-исторический процесс шел в следующем направлении: изначально деятельность отдельного человека являлась частью деятельности целого народа (духовного организма), тогда как по мере дальнейшего развития на первое место стали выходить деятельность отдельного человека, его стремление к высвобождению из-под власти общества и самоутверждению. Реализацию аналогичного сценария В.С. Соловьев видит и в области права как необходимой формы человеческого общежития, где, по его мнению, право должно испытать влияние обособленной личности, вытекающей «из глубины родового духа» [14, с. 525]. Исходя из обозначенных позиций, философ формулирует свою сущность права, основанную на христианско-философском базисе.

В.С. Соловьев специально выделяет два основных источника права: стихийное творчество народного духа и свободную волю отдельных лиц [14, с. 529], которые, по его мнению, в историческом процессе правовых отношений часто видоизменяются, то есть являются непостоянными, зависящими от различных условий, и поэтому несколько не решают «вопрос о сущности самого права» [14, с. 530]. Таким образом, мыслитель подходит к вопросу о сущности права, его «образующей (формальной) причине». Согласно позиции философа, субъектом права является исключительно лицо (в том смысле, что вещи не могут быть субъектами прав), которое существует «как цель в себе и для себя» и обладает способностью сопротивляться, то есть лицо автономное и самостоятельное. Обладание обозначенными характеристиками образует основу права – свободу как признак личности. Однако в подобном случае наличие свободы является свидетельством обладания только исключительно внешним образом права как проявление фактической силы личности, но не самого права. Так, согласно позиции В.С. Соловьева, свобода (право, а не сила) каждого лица (субъекта прав) «зависит от признания равного права всех других» [14, с. 531]. Отсюда философ выводит свое определение права: право есть свобода, обусловленная равенством [14, с. 531]. Именно свобода является субстратом права (как противоположность насилию), а равенство – необходимой формой, указы-

вающей не только на утверждение своей свободы, но и на признание в качестве обязательной свободы других лиц.

Именно личность, свобода и равенство, согласно В.С. Соловьеву, являются неизменной сущностью естественного (рационального) права [14, с. 532]. Естественное право, по его мнению, есть не что иное, как общий разум, то есть всего лишь смысл всякого права, идеальное условие, а не что-то исторически предшествующее позитивному (положительному) праву. Но так как естественное право является общим разумом и в своей сущности состоит из свободы и равенства, то, следовательно, положительное право обязано признавать требования разума, то есть позитивное право должно исходить из права естественного. Только свобода как базис для человеческого существования и равенство как форма общественной организации, согласно В.С. Соловьеву, образуют правомерный порядок.

Естественное право (рациональный элемент) и позитивное право (положительный элемент) не рассматриваются В.С. Соловьевым как два раздельно существующих феномена: наоборот, по его мнению, рациональный и положительный элементы вместе образуют действительное право. При этом мыслитель отдельно рассматривает связь между правом и нравственностью по причине того, что такое «общее формальное определение права» (где основанием свободы является равенство) не является действительным содержанием юридических отношений, то есть самого равенства, и не обладает собственным качеством. Равенство, по его мнению, имеет слишком абстрактный характер, тем самым требуя более точного обозначения. Иными словами, «кривда, равно применяемая ко всем, не становится от этого правдой» [14, с. 535]. В своем системном философско-правовом учении В.С. Соловьев, указывая на «важную разницу» между правом и нравственностью, в конечном итоге приходит к выводу о том, что «право есть низший предел или определенный минимум нравственности», «право есть обеспеченное осуществление в действительности определенного минимального добра», а «прямое или косвенное принуждение допустимо»; все вышеперечисленное находит свое воплощение в еще одном его определении права: «...право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла» [14, с. 543]. Отдельно философ замечает, что задачей правового государства, правового закона (права) является вовсе не материальное уравнивание частных лиц, а рациональное равновесие между индивидуальной свободой и благом общества, являющихся чисто нравственными интересами.

Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910) являлся сторонником социологического подхода к праву [15, с. 5], противником превращения правоповедения в формально-догматическую дисциплину [16, с. 181]. В своем труде под названием «Определение и основное разделение права» (1879 г.) С.А. Муромцев в духе социологического позитивизма приводит новую для российской юридической науки теорию и методологию права, где под правом вместо позитивного права (юридических норм) предлагается понимать юридические отношения (правовой порядок) [15, с. 43] и где позитивное право выступает лишь атрибутом по отношению к правовому порядку, то есть правовой порядок не зависит от веления верховной власти, так как сама верховная власть не может формировать нормы абсолютно [16, с. 182].

Основой права, по мнению С.А. Муромцева, являются вовсе не законодательство (позитивное право), а интересы общественных союзов всех видов (семья, сословия, партии и т. д.) [15, с. 82], на основании которых возникают общественные отношения, могущие быть причиной санкций: моральных, юридических, а также обычаев и приличий. Под юридические санкции и так называемые правовые отношения, по мнению ученого, должны подпадать только те общественные отношения, которые являются недостаточно прочными и требующими дополнительных гарантий со стороны государства, то есть отношения, которые не соблюдаются исходя из приличий, нравственности, привычек, чувства долга и т. д. Таким образом, под правом ученый понимает защищенный порядок общественных отношений.

Допуская возможность несоответствия позитивного права существующему правовому порядку, С.А. Муромцев особое значение в исправлении этих противоречий придавал судебным органам: «В здоровой государственной жизни, отмечает он, суд творит так же, как законодатель, только при помощи иных приемов... Судья – законодатель, он проводник в жизнь тех начал, которые сознание общества объявляет справедливыми и естественными» [17, с. 258–259]. По мнению ученого, именно суд, а также другие правительственные органы, способны привести правовой порядок в соответствие со справедливостью и придать позитивному праву «живой» характер.

Таким образом, в начальный период золотого века отечественной философии права доминировали убеждения о необходимости перемен в политико-правовой жизни общества в пользу признания и расширения политических, социальных и экономических прав и признания равенства граждан. В частности, были продолжены концептуальная проработка и осмысление содержательных критериев позитивного права с позиции либеральных (естественно-правовых) и этических убеждений, коррелирующих с духовными (христианскими) началами, что в определенной степени укрепило гуманистические и морально-нравственные основы отечественного правопонимания. Индивидуальная свобода человека и равенство между людьми стали рассматриваться как ценности, в первую очередь направленные на достижение общего блага, безопасности и общественной пользы. В качестве характерной особенности отечественной философии права изучаемого периода можно отметить убежденность в том, что правовые законы должны были быть основаны либо на правде, которая понималась как эквивалент права и справедливости, либо на добре, для достижения которого и предполагалось создание права (как минимума добра).

При этом анализ трудов мыслителей рассматриваемого периода отечественной философии права с позиции метатеоретического уровня познания позволяет констатировать, что для человека как разумного, социального и деятельного существа было характерно избирательное регулирование общественных отношений (разумный отбор свобод и ответственности), основанное на постоянном концептуальном и системном изыскании, призванном определенным образом моделировать и организовывать свободу и ответственность человека. И в этом смысле отечественная философско-правовая мысль, базирующаяся на синтезе естественного права с христианскими канонами (морально-нравственными принципами), не являлась исключением.

В фундаментальном смысле проведенный анализ позволил установить преемственную и закономерную связь философско-правовых доктрин XVIII и XIX вв. и подтвердить наличие общего (абстрактного) мотивационного основания и логики развития правовых свобод человека – императива сохранения природы человека, выражающего требования по обеспечению устойчивых процессов жизнедеятельности и развития каждого индивида и реализуемого в условиях государственного регулирования общественных отношений [18, с. 164].

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Гильмуллин А.Р. Закономерности развития представлений о правовых законах в российской доктринально-правовой мысли XVIII века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2022. Т. 164, кн. 4. С. 7–17. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.4.7-17>.
2. История политических и правовых учений / Отв. ред. О.Э. Лейст. М.: Зерцало, 2006. 556 с.
3. Стрелецкий Я.И. Философия права в России // Общество и право. 2005. № 4 (10). С. 83–90.
4. Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского: (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М.: Русская мысль, 1905. VI, 359 с.
5. Сперанский М.М. Записка «О силе общего мнения» // Сперанский М.М. Проекты и записки / Подгот. к печати А.И. Копанев и М.В. Кукушкина; под ред. [и с предисл.] С.Н. Валка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 244 с.
6. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов / Сочинение графа Сперанского. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1845. 171 с.
7. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Предисл., подгот. текста и примеч. Ю.С. Пивоварова. М.: Наука, 1991. 125 с.
8. Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений XI–XX вв. М.: Юрист, 1995. 378 с.
9. Пестель П.И. Русская правда [Электронный ресурс]. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/VV_PES_W.HTM, свободный.
10. Муравьев Н. М. Конституция [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/?ysclid=lp5djrmgvm581200738>, свободный.
11. История политических и правовых учений / Под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М.: Норма, 2004. 944 с.
12. Неволин К.А. Энциклопедия законоведения. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 399 с.
13. Чичерин Б.Н. Философия права. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1900. 337 с.
14. Соловьев В.С. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: в 10 т. СПб.: Просвещение, 1914. Т. 8. 722 с.
15. Зорькин В.Д. Муромцев. М.: Юрид. лит., 1979. 127 с.
16. Голиков А.К. Основы законности и защита прав и свобод личности в социально-философских и политико-правовых концепциях русских либералов конца XIX–начала XX века (С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов) // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2006. № 16. С. 179–189.

17. Муромцев С.А. Право и справедливость. Северный Вестник. 1892. № 2, отд. 1. С. 251–260.
18. Гильмуллин А.Р. Гипотеза о разумном равенстве в свободе: основные положения // Государство и право. 2023. № 1. С. 162–167. <https://doi.org/10.31857/S102694520024141-6>.

Поступила в редакцию 15.12.2023

Принята к публикации 15.02.2024

Гильмуллин Айну́р Разифович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Gilmullinainur@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 3, pp. 7–17

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.7-17

Just Law Theories Developed by Prominent Representatives of Russian Doctrinal Legal Research in the 19th Century

A.R. Gilmullin

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: Gilmullinainur@yandex.ru

Received December 15, 2023; Accepted February 15, 2024

Abstract

This article theoretically examines some contradictions and major milestones in the development of the doctrines of just laws as laid out by prominent Russian scholars during the 19th century. It analyzes the problems surrounding different theoretical approaches and conceptions regarding the connection between justice and law through the works of M.M. Speransky, N.M. Karamzin, P.I. Pestel, N.M. Muravyov, K.A. Nevolin, B.N. Chicherin, V.S. Solovyov, and S.A. Muromtsev. The results obtained show that the period under study was marked by the elaboration of a conceptual framework and basic criteria of positive law from the perspectives of liberal (natural law) and ethical beliefs, which align with spiritual (Christian) principles. This strengthened the humanistic and moral foundations of Russian legal understanding. Additionally, a continuing and stable connection is revealed between the philosophical and legal doctrines of the 18th and 19th centuries, indicating the common (abstract, not fully comprehended) motivational grounds and logic in the establishment of legal freedoms.

Keywords: legal understanding, just law, legal doctrine, natural law, positive law, the imperative of preserving human nature

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Gilmullin A.R. Trends in the development of ideas about just laws in Russian legal doctrines of the 18th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 4, pp. 7–17. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.4.7-17>. (In Russian)

2. Leist O.E. (Ed.) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [The History of Political and Legal Doctrines]. Moscow, Zertsalo, 2006. 556 p. (In Russian)
3. Streletskii Ya.I. Philosophy of law in Russia. *Obshchestvo i Pravo*, 2005, no. 4 (10), pp. 83–90. (In Russian)
4. Speransky M.M. *Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M.M. Speranskogo: (Vvedenie k Ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.)* [A Plan for State Transformation by Count M.M. Speransky: (Introduction to the 1809 Code of State Laws)]. Moscow, Russ. Mysl', 1905. vi, 359 p. (In Russian)
5. Speransky M.M. A memoir “on the power of public opinion”. In: Speransky M.M. *Proekty i zapiski* [Projects and Memoirs]. Valk S.N. (Ed.). Moscow, Leningrad, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1961. 244 p. (In Russian)
6. Speransky M.M. A guide to learning the laws. In: *Sochinenie grafa Speranskogo* [An Essay by Count Speransky]. St. Petersburg, Tip. Vtorogo Otd. Sobstv. E. I. Vel. Kantselyarii, 1845. 171 p. (In Russian)
7. Karamzin N.M. *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskoi i grazhdanskoi otnosheniyakh* [A Memoir on Ancient and Modern Russia in Its Political and Civil Relations]. Moscow, Nauka, 1991. 125 p. (In Russian)
8. Isaev I.A., Zolotukhina N.M. *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii XI–XX vv.* [The History of Political and Legal Doctrines from the 11th to the 20th Century]. Moscow, Yurist, 1995. 378 p. (In Russian)
9. Pestel P.I. Russian Truth. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/VV_PES_W.HTM. (In Russian)
10. Muravyov N.M. Constitution. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/?ysclid=lp5djrmgvm581200738>. (In Russian)
11. Nersesyants V.S. (Ed.) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [The History of Political and Legal Doctrines]. Moscow, Norma, 2004. 944 p. (In Russian)
12. Nevolin K.A. *Entsiklopediya zakonovedeniya* [Encyclopedia of Law]. St. Petersburg, Izd. S.-Peterb. Univ., 1997. 399 p. (In Russian)
13. Chicherin B.N. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Tipo-Lit. I.N. Kushnerev & Co., 1900. 337 p. (In Russian)
14. Solovyov V.S. *Sobranie sochinenii Vladimira Sergeevicha Solov'eva* [Collected Writings of Vladimir Sergeevich Solovyov]. Vol. 8. St. Petersburg, Prosveshchenie, 1914. 722 p. (In Russian)
15. Zor'kin V.D. *Muromtsev* [Muromtsev]. Moscow, Yurid. Lit., 1979. 127 p. (In Russian)
16. Golikov A.K. The basics of law and the defense of human rights and civil liberties in the socio-philosophical and politico-legal concepts of Russian liberals from the late 19th to the early 20th century (S.A. Muromtsev, N.M. Korkunov). *Izvestiya RGPU imeni A.I. Gertsena*, 2006, no. 16, pp. 179–189. (In Russian)
17. Muromtsev S.A. Law and justice. *Severnyi Vestnik*, 1892, no. 2, sect. 1, pp. 251–260. (In Russian)
18. Gilmullin A.R. The hypothesis of reasonable equality in freedom: Basic provisions. *Gosudarstvo i Pravo*, 2023, no. 1, pp. 162–167. <https://doi.org/10.31857/S102694520024141-6>. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Гильмуллин А.Р. Учения о правовых законах в трудах представителей российской доктринально-правовой мысли XIX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 7–17. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.7-17>. ⟩

⟨ **For citation:** Gilmullin A.R. Just law theories developed by prominent representatives of Russian doctrinal legal research in the 19th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 3, pp. 7–17. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.7-17>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.18-29

К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ФАКТОРАХ ПРАВОПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

А.Р. Губайдуллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена значимости отдельных факторов, оказавших влияние на феномен правопреемственности в эпоху Просвещения. Описаны особенности обозначенных явлений и показана специфика правовых традиций как объектов правопреемственности. Раскрываются характерные региональные черты эпохи Просвещения в различных странах: Англии и, позднее, Великобритании, германских и итальянских государствах, Франции, России, США. Проанализированы различные группы факторов: первую представляют общие условия, обстоятельства и предпосылки, которые делятся на естественные и социальные факторы. Вторая группа включает те факторы, которые непосредственно связаны с эпохой Просвещения. Сделаны выводы об их непосредственном и опосредованном влиянии на изучаемые процессы. Также отмечается, что факторы правопреемственности образовали уникальную комбинацию в каждом обществе, их влияние было заметно и после эпохи Просвещения.

Ключевые слова: приемственность, фактор, правовая традиция, эпоха Просвещения, правовое мышление, философия права, правовое учение, правосознание, буржуазная революция, правовая культура

Исследование феномена правопреемственности в конце XVII – XVIII в. неизбежно предполагает обращение к особенностям эпохи Просвещения в целом. Окончательный переход от позднего Средневековья к Новому времени, закрепление достижений Реформации, Нидерландской и Английской буржуазных революций, осознание итогов Тридцатилетней войны и значения Вестфальского мира, развитие колоний Англии (а с 1707 г. – Великобритании) в Северной Америке, установление просвещенного абсолютизма в России, Австрии, Пруссии и иные события требовали глубокой трансформации на правовой карте мира того времени.

Обозначенный процесс был реализован в рамках эпохи Просвещения, значение которой переоценить сложно. В этот период происходили секуляризация общества, развитие наук, понимание значимости свободы вероисповедания. Политико-правовая мысль была «насыщена» концепциями естественного права и договорного происхождения государства, доктриной разделения властей и размышлениями о форме государства и т. д. Очевидно, что без внимания не осталась ни одна сфера жизнедеятельности общества, что заложило основу для будущих фундаментальных преобразований.

К тому же нужно учитывать, что указанные изменения происходили в самых разных странах. В связи с этим можно говорить об английском, французском, итальянском, немецком, американском, российском и других направлениях в эпохе Просвещения. Подобная широта также свидетельствует о глубинных социальных трансформациях. Безусловно, в географическом плане они отличались по масштабу, глубине воздействия, что не умаляет их значимости для конкретного государства.

Наконец, стоит учесть, что Просвещение длилось не одно десятилетие, затронув несколько поколений и оказав влияние на развитие правовой культуры разных стран. Относительно каждой из них необходимо говорить о своей системе временных координат, но в целом целесообразно учитывать период с конца XVII до конца XVIII в.

Целью настоящего исследования является выявление специфики правопреемственности и правовой традиции, а также раскрытие системы и особенностей воздействия отдельных факторов правопреемственности в эпоху Просвещения. Для реализации поставленной цели были сформулированы следующие задачи: определение отдельных характерных черт правопреемственности, правовой традиции и эпохи Просвещения; выделение системы общих факторов правопреемственности; выявление специфики факторов правопреемственности, имманентных рассматриваемому времени.

Методология исследования основывается на диалектике и связанном с ней системном подходе, который задействуется тогда, «когда предметом познания оказываются системные объекты» [1, с. 17]. Также были использованы структурно-функциональный, историко-правовой, сравнительно-правовой методы научного познания. Предмет данной работы связан с широким спектром государств, поэтому мы не ставили задачу детального погружения в специфику Просвещения в каждом из них. Это требует проведения отдельных изысканий по заявленной проблематике.

Далее стоит рассмотреть характерные черты правопреемственности, правовой традиции и эпохи Просвещения.

В юридической литературе уже выработано определение преемственности в праве. Например, В.А. Рыбаков пишет о том, что «это объективно существующая связь между различными этапами его развития, направленная на обеспечение непрерывности развития национального права, сохранения прошлого в настоящем» [2, с. 13]. Принимая данную дефиницию в качестве рабочей модели, отметим, что для преемственности характерны универсальность, объективность, историчность, ее связь с прогрессом.

Первая из указанных черт иллюстрирует присутствие преемственности в эволюции самых различных явлений. Благодаря этому мы можем говорить о ней как о связи, выходящей за пределы развития позитивного права и проявляющейся в рамках всей правовой традиции.

Объективность предполагает двойную природу преемственности. С одной стороны, она зависит от общих социальных закономерностей. С другой – феномен преемственности испытывает влияние со стороны отдельных личностей, что представляется чрезвычайно важным в контексте эпохи Просвещения, известной обилием не только правителей, но и философов, мыслителей, оказав-

ших воздействие на существовавшую политико-правовую практику. Например, Декларация прав человека и гражданина и Конституция Франции 1793 г. были составлены с учетом взглядов Ж.Ж. Руссо [3, с. 179].

Историчность преемственности характеризует ее обусловленность характерными чертами определенного этапа развития общества. В контексте настоящего исследования речь идет об эпохе Просвещения.

Что касается связи с прогрессом, то здесь стоит отметить следующее. Несмотря на неоднородность и цикличность развития, данный процесс в целом имеет поступательный характер, применительно к которому преемственность выступает в качестве своеобразного условия, обеспечивающего ход эволюции [4, с. 8].

Эпоха Просвещения, помимо всего прочего, отличалась активным развитием политико-правовой мысли, повлиявшим не только на позитивное право, но и на юридическую практику, юридическое образование, правосознание и правовую культуру в целом. Поэтому в данном случае необходимо говорить о правопреимственности, находящейся на другом системном уровне. А в качестве ее объекта выступает правовая традиция, о которой пойдет речь дальше.

Почему именно она? На наш взгляд, правовая традиция отвечает критериям правопреимственности, поскольку, с одной стороны, для нее характерно нормативно-ценностное измерение, с другой – правовая традиция обуславливает связь правовой материи с культурой общества [5, с. 77]. По мнению Х. Патрика Гленна, правовые традиции вообще выходят за пределы отдельно взятой правовой системы [6, р. 15]. Кроме того, в литературе традицию предлагают рассматривать как «нерефлектируемый процесс исторической преемственности» и отмечают, что ее невозможно понять «вне эволюции правовой мысли и анализа ее состояния в конкретном обществе» [7, с. 7–10].

Правовая традиция в конце XVII – XVIII в. была тесно связана с одной из ключевых особенностей эпохи Просвещения – развитием политико-правовой мысли того времени. Сразу стоит обратить внимание на то, что рассматриваемый термин («правовая традиция») часто используется в форме единственного числа. Однако думается, что порой стоит говорить о «правовых традициях», например, если речь идет о смешанных правовых системах. Тем не менее все вышеизложенное свидетельствует о том, что традиция представляет собой нечто большее, чем форму развития позитивного права. Налицо взаимосвязь с самыми различными (не только правовыми, но и общесоциальными) явлениями.

Далее вновь необходимо упомянуть одну из сущностных черт правопреимственности. Дело в том, что она присутствует в эволюции не только позитивного права, но и правовой материи в целом во всем ее многообразии. В частности, речь стоит вести о правосознании, правовой науке и правовом мышлении, юридической практике. В контексте рассматриваемой темы это позволяет говорить о внутренних факторах, носящих правовой характер, и внешних факторах, предполагающих воздействие на преемственность со стороны различных социальных феноменов.

Предлагаемое в научной литературе понимание правовой традиции является плюралистичным. Например, ее предлагается трактовать в контексте

передачи элементов культуры, наследия или присутствия прошлого, особого рода ценностей, нормативно-ценностного правообразования и т. д. [5, с. 77]. Интересна также позиция, согласно которой правовая традиция олицетворяет систему «связей настоящего с прошлым», обеспечивающих отбор и передачу юридического опыта для его последующего воспроизведения в рамках соответствующей правовой культуры [8, с. 20].

Не вдаваясь в детали относительно разных способов понимания указанного явления, обозначим свою точку зрения. Во-первых, еще раз подчеркнем, что использование термина «правовая традиция» вполне допустимо во множественном числе. Даже одна правовая система предполагает порой разные традиции, а в условиях конвергенции на правовой карте мира феномен многообразия традиций приобретает все большую выраженность. Упомянутый факт весьма важно рассматривать с позиции правопреемственности, поскольку правовая динамика носит неравномерный характер и развитие позитивного права вкупе с юридической практикой порой опережают эволюцию правосознания и правовой культуры. Иными словами, каждая правовая традиция в этом случае связана лишь с частью правового пространства, что может быть хорошо проиллюстрировано процессами вестернизации незападных правовых систем.

Во-вторых, отметим, что одним из аспектов, важных для определения подходов к пониманию правовой традиции, является разграничение статики и динамики. Можем ли мы говорить о некой системе ценностей, знаний из прошлого или это механизм их трансляции в настоящее? Думается, что любое рассматриваемое явление обладает амбивалентной природой и предполагает как статические, так и динамические аспекты своего существования. Например, ключевые свойства права в романо-германской правовой семье в основном складывались в Новое время, а их эволюция на современном этапе развития стала более медленной. Так, сейчас уже нет интенсивной рецепции римского частного права, более уместно говорить о нем как об элементе романо-германской и общемировой правовой культуры.

Наконец, стоит отметить еще одно обстоятельство. В отличие от правовой системы, носящей более абстрактный характер и выступающей, скорее, в качестве своеобразного инструмента или шаблона познания правовой реальности, правовая традиция уникальна. По существу, она представляет собой сочетание правовых явлений, особенностей их развития и специфики правовой эволюции в целом, общих правовых черт, характерных для конкретного общества. И в этом плане российская правовая традиция отличается от германской, хотя обе правовые системы относятся к романо-германской правовой семье.

Выступая в роли объекта правопреемственности, правовая традиция используется частично, поскольку наиболее активно переносятся письменные источники позитивного права, элементы его содержания, юридическая практика. Особенностью эпохи Просвещения было активное распространение политико-правовых учений. Однако применительно к правопреемственности можно говорить именно о комбинации правовых явлений и процессов, а не об отдельно взятых составляющих позитивного права. Если вести речь только о последнем, то более уместно рассуждать о преемственности в праве.

На наш взгляд, под правовой традицией стоит понимать исторически сложившуюся и обусловленную внутренними и внешними факторами уникальную комбинацию характеристик правовой системы, ее подсистем и компонентов, а также особенностей правовой эволюции конкретного общества. В зависимости от предмета исследования можно вести речь как об одной правовой традиции, так и об их совокупности. Каждая правовая традиция имеет ценностное измерение, отражая содержание существующей в обществе правовой культуры.

Рассматривая эпоху Просвещения, стоит отметить, что она характеризовалась весьма широким временным и географическим охватом, что сказалось на содержании самой идеологии. Так, английское Просвещение, представленное в политико-правовой плоскости прежде всего Джоном Локком, стало определенным итогом Английской буржуазной революции. Примерно в это же время, в конце XVII в., зарождается германское Просвещение, отличавшееся зависимостью буржуазии от власти удельных князей, ее нерешительностью, склонностью к соглашениям с властями и умозрительностью [9, с. 341–342]. В начале XVIII в. начинает развиваться итальянское Просвещение, также характеризовавшееся компромиссами просветителей с феодально-клерикальными кругами [10, с. 154]. Что касается Франции, то здесь просветительство активно эволюционировало в XVIII в. и выступило в роли идеологии третьего сословия, отличавшейся смелыми и порой радикальными для того времени идеями [10, с. 168–169]. В Северной Америке, переработавшей многие достижения английской и французской политико-правовой мысли и реализовавшей их в конституционной практике, аналогичные процессы имели место в рамках войны за независимость от Великобритании [11, с. 103–104]. Российское Просвещение получило развитие преимущественно во второй половине XVIII в., следуя традициям прежде всего французских просветителей [10, с. 234–239].

При этом в Пруссии, Австрии и России (время правления Фридриха II Великого, Иосифа II, Екатерины II соответственно) отдельные идеи просветителей были «усвоены» абсолютными монархиями, приняв во второй половине XVIII в. форму просвещенного абсолютизма [12, с. 35–38].

И все же, при всех географических отличиях, эпоха Просвещения имеет некоторые общие черты, по-разному проявившиеся в тех или иных странах. Прежде всего, стоит отметить, что с точки зрения правопреемственности Просвещение выступило в роли своеобразного катализатора эволюции западной политико-правовой культуры. Поясним свою мысль подробнее.

Идеология Просвещения первоначально интенсивно развивалась в Западной Европе, это очевидно исходя хотя бы из имен и мест проживания видных представителей названной эпохи. Но что же собой представляли западноевропейские общества?

Западный мир – понятие не столько географическое, сколько общекультурное, основанное на более или менее схожих системах ценностей. Его исторической основой стала античная цивилизация, представленная прежде всего Древним Римом [13, с. 37]. Эпоха Просвещения выступила в роли того временного периода, в рамках которого была зафиксирована новая волна эволюции конституционализма и таких доминант западной традиции, как рационализм,

политичность, свобода, гражданское общество, правовое государство, закон, естественные права [13, с. 40].

Правопреемственность предполагает, что все упомянутые явления не могли возникнуть из ниоткуда, их предпосылками стали достижения античной культуры в области философии, логики, юриспруденции, политических доктрин и т. д. Однако в той или иной степени все они были известны и в эпоху Средневековья: например, Фома Аквинский опирался на учение Аристотеля [9, с. 120], а глоссаторы заимствовали «конструкции римского правового мышления» [7, с. 10].

Катализирующая роль эпохи Просвещения проявилась в том, что переработка античного наследия вышла на новый уровень в самых различных странах западного мира, при этом сформировались предпосылки для дальнейшего «внедрения» западной политико-правовой культуры в незападные общества. Во многом это произошло благодаря таким социальным и нравственным идеалам данного времени, как гуманизм, свобода, вера в человеческий разум [9, с. 340]. Именно они определили мировоззренческие контуры западного мира на последующие столетия. Неслучайно Макс Вебер уже в XX в. писал «о рациональности как основном признаке культуры западного общества» [14, с. 5].

Еще одной общей чертой, характерной для эпохи Просвещения, была специфика развития правовых традиций. Усиление ранее отмечавшейся рациональности привело к особой роли различных политико-правовых концепций, идей и представлений, некоторые из них закреплялись в документах Нового времени и воплощались в политико-правовой практике.

Все вышеперечисленное позволило сложиться уникальной комбинации факторов правопреемственности. Толковые словари русского языка определяют фактор как «существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении» [15, с. 845] или как «движущую силу какого-либо процесса» [16, с. 718]. Схожее понимание факторов отмечается и в юридической литературе. Например, А.В. Олефиренко, исследуя социальные факторы в контексте реализации права, предлагает рассматривать их как «объективные предпосылки, оказывающие влияние на функционирование и развитие механизма правореализации» [17, с. 12].

Таким образом, факторы правопреемственности – это различные природные и социальные явления, процессы, воздействующие в совокупности и с разной степенью интенсивности на правовое развитие. Учитывая их множество, следует провести определенную градацию.

Прежде всего, необходимо рассмотреть воздействие на правопреемственность в эпоху Просвещения общих факторов. При этом нужно отметить три обстоятельства. Во-первых, эти факторы характерны и для иных временных периодов. Во-вторых, они вместе с другими факторами образуют уникальную комбинацию (мозаику, палитру), отличающую именно конкретное общество. В-третьих, их можно условно поделить на две подгруппы.

Первую из них образуют те факторы правопреемственности, которые являются постоянными и практически не зависят от особенностей эпохи, хотя порой и испытывают антропогенное воздействие. В связи с этим интересны выводы, которые делаются в отраслевых юридических науках. Так, С.А. Боголюбов, изучая факторы и реализацию ограничений в экологическом праве, пишет о косми-

ческом, климатическом, геологическом факторах [18, с. 413]. И уже здесь видна их универсальность. Если отвлечься от одной из отраслей российского права и вернуться к эпохе Просвещения, то очевидно наличие перечисленных выше явлений окружающей среды и в тот период. Обозначенные факторы правопреемственности не зависят от специфики времени, но означает ли это, что их воздействие носило одинаковый характер? Думается, что нет.

География исследуемой эпохи весьма обширна, а это означает различное проявление упомянутых факторов правопреемственности, что было подчеркнуто одним из выдающихся представителей французского Просвещения – Ш.Л. де Монтескье, развивавшим идею географического детерминизма и отметившим в работе «О духе законов» корреляцию между робостью или отвагой с одной стороны и особенностями климата – с другой [19, с. 321].

Также в качестве примера подобного детерминизма стоит привести островное положение Великобритании, способствовавшее ее некоторому обособлению от континентальной Европы, что привело к большей сохранности ее традиций. Именно здесь получили свое развитие институт парламентаризма, общее право и право справедливости, судебные прецеденты и т. д.

И все же приведенные выше факторы проявляют себя преимущественно в комбинации со второй подгруппой общих факторов правопреемственности, которые носят социальный характер и прослеживаются в разные исторические периоды, но меняются в зависимости от конкретных условий. Безусловно, здесь можно выделять большое количество явлений и процессов, однако в первую очередь необходимо отметить следующие обстоятельства.

Во-первых, значительную часть из них целесообразно распределять по сферам жизнедеятельности общества. Исходя из этого, стоит говорить о политических, экономических, социальных и духовных факторах правопреемственности. Во-вторых, отдельные события, сыгравшие значимую роль в эпоху Просвещения, не могут быть отнесены лишь к одной из обозначенных сфер. Например, буржуазные революции затрагивали общество в целом, а не какую-то его часть. В-третьих, особое место в системе явлений, процессов и событий, влиявших на правопреемственность, занимало развитие международного права и международных отношений, сформировавшихся благодаря Вестфальскому миру 1648 г.

Взаимодействие общих факторов правопреемственности в эпоху Просвещения можно проиллюстрировать следующим примером. Просвещенный абсолютизм в Российской империи достиг своего апогея в период правления Екатерины II, когда стала очевидной безальтернативность самодержавия в огромной стране [20, с. 32]. Получается, что географический фактор вкупе с политическим, в роли которого выступила абсолютная монархия, а также существовавшие тогда политико-правовые воззрения привели к возникновению просвещенного абсолютизма, вошедшего в правовую традицию того времени.

Воздействие сложной комбинации факторов правопреемственности также прослеживается в развитии североамериканских колоний Великобритании. Различия между северными и южными штатами присутствовало еще в колониальный период: это и особенности климата, и специфика агрокультур Юга, то есть

факторы, связанные с окружающей средой. Но они при этом влияли на экономическую и политическую системы, к примеру, Виргинии, Мэриленда, Северной и Южной Каролины, Джорджии – южных колоний, а впоследствии – штатов.

Все вышеперечисленное обусловило наличие специфических черт североамериканской правовой традиции, поскольку в Декларации независимости США, содержащей такие неотчуждаемые права человека, как жизнь, свобода и стремление к счастью, отсутствовали осуждение или запрет рабства, что было обусловлено давлением Южной Каролины и Джорджии [3, с. 65–66]. Очевидно, что правопреемственность в данном случае была обусловлена как географической спецификой южных штатов, так и особенностями их плантационной экономики.

Еще раз подчеркнем, что эпоха Просвещения «богата» различными политическими и правовыми учениями, при этом их реализация в различных правовых традициях обладала уникальными характеристиками. Политико-правовые идеи порой оставались известными небольшому кругу лиц и не получали дальнейшего развития. Но в ряде случаев они все же воплощались в социальной практике своего времени. В немалой степени это было обусловлено таким фактором, как буржуазные революции, среди которых особое место занимает Французская революция XVIII в., «перетряхнувшая» французское общество и сопровождавшаяся изменением общественного сознания [3, с. 158–159].

Следующую большую группу факторов правопреемственности представляли явления и процессы, характерные только для изучаемой эпохи. Здесь необходимо учитывать, что Просвещение затрагивало все сферы социальной жизни, а не только правовую материю. Это означает, что данная группа факторов также может быть поделена на две подгруппы.

Первую из них представляют явления и процессы, не связанные непосредственно с правовой реальностью, хотя и воздействующие на нее. Например, здесь стоит отметить активное развитие философии и других наук, что способствовало усилению рациональности и секуляризации общества. Вторая подгруппа представлена факторами, напрямую связанными с политико-правовой мыслью того времени. Здесь стоит сказать о концепциях естественного права, общественного договора, суверенитета, разделения властей и т. д.

В связи с этим стоит вновь отметить, что все факторы правопреемственности в эпоху Просвещения образовывали уникальную мозаику в каждом обществе. Возьмем, например, концепции естественного права и общественного договора. Очевидно, что они были известны правовым традициям предшествовавших эпох. Но в условиях трансформации науки и философии, обновления гносеологии и методологии эти воззрения вышли на новый уровень своей эволюции. Обозначенные процессы протекали на фоне экономических и политических противоречий, поскольку буржуазия, будучи активной экономической силой в обществе, все сильнее чувствовала свое политическое бесправие.

Факторы правопреемственности воздействовали на изменение правовой традиции сложным образом. Например, развитие философии стимулировало эволюцию политико-правовой мысли, результаты чего варьировались в зависимости от специфики конкретного общества. Во Франции идеи Просвещения

явились катализатором революционных событий, а в России они легли в основу идеологии просвещенной монархии, при которой правитель способен проводить свою политику, основываясь на разумных началах [20, с. 31].

В завершение исследования подведем некоторые итоги.

Исследуя правовую специфику эпохи Просвещения, следует говорить о правопреемственности, объектом которой выступает правовая традиция или традиции, если речь идет о смешанных правовых системах. Правовая традиция понимается по-разному, поэтому можно выделить статический и динамический подходы к ее изучению. В первом случае стоит говорить о системе ценностей и комбинации правовых явлений, во втором – о ходе правовой эволюции.

Если правовая система является преимущественно абстрактным инструментом познания правовой реальности, то правовая традиция представляет собой уникальную характеристику каждого конкретного общества. Выступая в роли объекта правопреемственности, она используется частично, но и в этом случае речь идет о комбинации правовых явлений и процессов, а не об отдельно взятых составляющих позитивного права. Правовая традиция имеет ценностное измерение, развивается под воздействием различных факторов и представляет собой уникальную комбинацию характеристик правовой системы, ее подсистем и компонентов, а также особенностей правовой эволюции конкретного общества.

Просвещение, охватившее широкий спектр стран, характеризовалось своими региональными особенностями. При этом с точки зрения правопреемственности оно ускорило эволюцию западной политико-правовой культуры, создав условия для ее последующего развития и распространения за пределами обществ своего первоначального существования.

Факторы правопреемственности представляют собой различные природные и социальные явления, процессы, которые в совокупности и с разной степенью интенсивности воздействуют на правовое развитие. Их можно разделить на несколько групп.

Первую из них представляют общие факторы, также характерные для других временных периодов и образующие в совокупности с другими факторами уникальную комбинацию. Среди них стоит выделить факторы окружающей среды, которые практически не зависят от воли человека. К ним относятся особенности климата, геологического строения и т. д. К общим факторам также следует отнести социальные явления и процессы, значительную часть которых целесообразно распределять по сферам жизнедеятельности общества. Кроме того, в роли факторов выступали буржуазные революции, а также развитие международного права и международных отношений. Еще одну большую группу факторов правопреемственности составляют явления и процессы, характерные только для эпохи Просвещения, причем часть из них (развитие философии и других наук) не была напрямую связана с правовой реальностью, тогда как другая была представлена политико-правовой мыслью того времени.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. *Каган М.С.* Системный подход и гуманитарное знание. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 383 с.
2. *Рыбаков В.А.* Правовой менталитет и преемственность в праве // *Правоприменение*. 2017. Т. 1. № 2. С. 12–18. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1\(2\).12-18](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1(2).12-18).
3. История государства и права зарубежных стран: в 2 т. / Отв. ред. Н.А. Крашенинникова. Т. 2. Современная эпоха. М.: Норма, 2006. 815 с.
4. *Наконечная Т.В.* Преемственность в развитии советского права. Киев: Наук. думка, 1987. 102 с.
5. *Сонин В.В.* Правовая культура и правовая традиция в их соотношении // *Изв. вузов. Правоведение*. 2014. № 2 (313). С. 71–83.
6. *Patrick Glenn H.* Legal Traditions of the World: Sustainable Diversity in Law. Oxford, New York, NY: Oxford Univ. Press, 2004. xxvii, 401 p.
7. *Тарасов Н.Н.* Правовая традиция и преемственность в праве: методологические основания исследования // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2020. № 3. С. 5–14. <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-3-5-14>. URL: <https://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/Тарасов.pdf>, свободный.
8. *Сальников В.П., Сальников М.В.* Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // *Правовое государство: теория и практика*. 2014. № 3 (37). С. 14–20.
9. История политических и правовых учений / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. 944 с.
10. История политических учений: в 2 ч. Ч. I. / М.Н. Алискеров, Ю.А. Баскин, Л.В. Дюков, Г.З. Инцкирвели и др.; под ред. К.А. Мокичева. М.: Высш. школа, 1971. 392 с.
11. *Пугачёв А.Н.* Просвещение, права человека, конституционализм // *Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. Д. Экономические и юридические науки: научно-теоретический журнал*. 2014. № 5. С. 97–109.
12. *Боряева Я.Е., Малоземов С.И.* Просвещенный абсолютизм и европейские монархии второй половины XVIII века // *Контентус*. 2022. № 12. С. 34–42.
13. *Самигуллин В.К.* Западная правовая традиция // *Правовое государство: теория и практика*. 2016. № 1 (43). С. 36–42.
14. *Аубакирова И.У.* Юридический дискурс о правовой культуре и правовой традиции: некоторые актуальные аспекты // *Аграрное и земельное право*. 2017. № 8. С. 4–9.
15. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1990. 921 с.
16. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 799 с.
17. *Олефиренко А.В.* Социальные факторы реализации права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. 19 с.
18. *Боголюбов С.А.* Факторы и реализация ограничений в экологическом праве // *Юридическая техника*. 2018. № 12. С. 412–420.
19. *Монтескье Ш.Л.* Избранные произведения / Общая ред. и вступ. статья М.П. Баскина; примеч. Р.С. Миндлинной. М.: Госполитиздат, 1955. 800 с.
20. *Яшин А.Н.* Идеи просвещенного абсолютизма в философии русского правосудия второй половины XVIII века // *Символ науки*. 2016. № 11 (Ч. 4). С. 31–35.

Поступила в редакцию 20.04.2024

Принята к публикации 22.06.2024

Губайдуллин Айдар Рушанович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: aydar8118@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 3, pp. 18–29

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.18-29

Some Factors Influencing Legal Continuity in the Age of Enlightenment

A.R. Gubaidullin

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: aydar8118@gmail.com

Received April 20, 2024; Accepted June 22, 2024

Abstract

In this article, certain factors that influenced legal continuity during the Age of Enlightenment are discussed. The major processes of the period are analyzed, and the importance of legal traditions as the foundation of legal continuity is highlighted. A brief overview of the key approaches to understanding legal traditions is given. Particular attention is paid to the regional divergences of the Age of Enlightenment, with a focus on its specifics in England and later Great Britain, the German and Italian states, France, Russia, and the USA. It was revealed that all factors can be divided into two groups. The first group includes general conditions, circumstances, and prerequisites, which can be further classified into natural and social ones. Natural factors are largely unaffected by the landscape of the period, while social factors are closely tied to society. The factors pertaining to the Age of Enlightenment are part of the latter group. They are of two types. The first type is not actually related to the legal reality of the period. The second type reflects the Enlightenment political and legal doctrines. Conclusions are drawn about the direct and indirect impacts of these factors on the historical processes. It is also demonstrated that the factors of legal continuity formed a unique combination in each studied society, with their influence apparent even after the Age of Enlightenment.

Keywords: continuity, factor, legal tradition, Age of Enlightenment, legal thinking, philosophy of law, legal doctrine, legal consciousness, bourgeois revolution, legal culture

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Kagan M.S. *Sistemnyi podkhod i gumanitarnoe znanie* [The System Approach and Humanistic Knowledge]. Leningrad, Izd. LGU, 1991. 383 p. (In Russian)
2. Rybakov V.A. Legal mentality and continuity in law. *Pravoprimerenie*, 2017, vol. 1, no. 2, pp. 12–18. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1\(2\).12-18](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1(2).12-18). (In Russian)
3. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [The History of State and Law in Foreign Countries]. Krashenninnikova N.A. (Ed. in Chief). Vol. 2: The current epoch. Moscow, Norma, 2006. 815 p. (In Russian)
4. Nakonechnaya T.V. *Preemstvennost' v razvitii sovetskogo prava* [Continuity in the Development of Soviet Law]. Kyiv, Naukova Dumka, 1987. 102 p. (In Russian)
5. Sonin V.V. The relationship between legal culture and legal tradition. *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Pravovedenie*, 2014, no. 2 (313), pp. 71–83. (In Russian)

6. Patrick Glenn H. *Legal Traditions of the World: Sustainable Diversity in Law*. Oxford, New York, NY, Oxford Univ. Press, 2004. xxvii, 401 p.
7. Tarasov N.N. Legal tradition and continuity in law: Methodological foundations of research. *Elektronnoe Prilozhenie k "Rossiiskomu Yuridicheskomu Zhurnalu"*, 2020, no. 3, pp. 5–14. URL: <https://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/Tarasov.pdf>. <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-3-5-14>. (In Russian)
8. Sal'nikov V.P., Sal'nikov M.V. The categorical relationship and understanding of legal culture and legal tradition. *Pravovoe Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*, 2014, no. 3 (37), pp. 14–20. (In Russian)
9. *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [The History of Political and Legal Doctrines]. Nersesyants V.S. (Ed.). Moscow, Norma, 2004. 944 p. (In Russian)
10. Aliskerov M.N., Baskin Yu.A., Dyukov L.V., Intskirveli G.Z. et al. *Istoriya politicheskikh uchenii* [The History of Political Doctrines]. Mokichev K.A. (Ed.). Pt. I. Moscow, Vyssh. Shk., 1971. 392 p. (In Russian)
11. Pugachev A.N. Enlightenment, human rights, and constitutionalism. *Vestnik Polotskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya D. Ehkonomicheskie i Yuridicheskie Nauki: Nauchno-Teoreticheskii Zhurnal*, 2014, no. 5, pp. 97–109. (In Russian)
12. Boryaeva Ya.E., Malozemov S.I. Enlightened absolutism and European monarchies in the late 18th century. *Kontentus*, 2022, no. 12, pp. 34–42 (In Russian)
13. Samigullin V.K. Western legal tradition. *Pravovoe Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*, 2016, no. 1 (43), pp. 36–42. (In Russian)
14. Aubakirova I.U. Legal discourse about legal culture and legal tradition: Some key aspects. *Agrarnoe i Zemel'noe Pravo*, 2017, no. 8, pp. 4–9. (In Russian)
15. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka: 70 000 slov* [Dictionary of the Russian Language: 70 000 Words]. Shvedova N.Yu. (Ed.). Moscow, Russ. Yazyk, 1990. 921 p. (In Russian)
16. Ushakov D.N. *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Adelant, 2013. 799 p. (In Russian)
17. Olefirenko A.V. Social factors of law enforcement. *Extended Abstract of Cand. Law Diss.* Moscow, 1989. 19 p. (In Russian)
18. Bogolyubov S.A. Factors and implementation of restrictions in environmental law. *Yuridicheskaya Tekhnika*, 2018, no. 12, pp. 412–420 (In Russian)
19. Montesquieu Ch.L. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Writings]. Mindlina R.S. (Ed.). Moscow, Gospolitizdat, 1955. 800 p. (In Russian)
20. Yashin A.N. Ideas of the enlightened absolutism in the philosophy of Russian justice during the second half of the 18th century. *Simvol Nauki*, 2016, no. 11, pt. 4, pp. 31–35. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Губайдуллин А.Р. К вопросу об отдельных факторах правопреемственности в эпоху просвещения // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 18–29. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.18-29>. ⟩

⟨ **For citation:** Gubaidullin A.R. Some factors influencing legal continuity in the Age of Enlightenment. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 3, pp. 18–29. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.18-29>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.30-39

ЦЕННОСТЬ ПРАВОВОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И ОБЩЕПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Э.Е. Исаев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы ценностного измерения правовой процессуальной политики в общетеоретическом и прикладном аспектах. Ценности процессуального права, будучи редуцированными из сферы аксиологии права в целом, методологически ориентируют правоприменение на достижение позитивного результата в сфере эффективного разрешения конфликтов и споров участников процессуальных правоотношений. Отмечается, что аксиологический подход принимает на себя ведущую роль в раскрытии ценностей правовой процессуальной политики за счет выявления в ней смыслообразующих оснований, эффективных, рациональных, справедливых и разумных действий, отвечающих высокому предназначению и ценности самого права. Сделан вывод о том, что, следуя стратегиям аксиологии права, правовая процессуальная политика должна базироваться на доктринальных положениях юридической науки, что увеличит результативность правовой деятельности и подтвердит ценность законотворчества, правореализации, в том числе правоприменения, в условиях современного правопорядка.

Ключевые слова: ценность права, правовая процессуальная политика, аксиологический подход, эффективность права, результативность права

Изучая цели правовой процессуальной политики, следует обратиться к категории «ценность», которая в философском понимании означает совокупность всего того, что инициирует позитивное отношение к себе, воспринимается в качестве блага, пользы, добра и т. д. Приведенное понятие соотносится с культурной обусловленностью той социально-активной деятельности человека, при помощи которой его жизнь наделяется социальным значением и признанием, нравственным содержанием и смыслом, приобретает важность для общекультурного взаимодействия.

Ценности имеют особую значимость для целеполагания, обеспечивают преемственность и положительную векторность развития цивилизации. Они играют метафизическую роль индикатора человеческого бытия, имеют надысторическое значение и реализуются через общепринятые универсальные механизмы, сконцентрированные в социальных, в том числе правовых, нормах.

Изучением ценностей права и ценностей в самом праве занимается правовая аксиология, начало которой было положено в учении великого китайского философа Конфуция (551–479 гг. до н. э.): в нем были представлены морально-нравственные ценности права, способные служить государственно-правовому разви-

тию, упорядочению отношений между людьми и установлению правопорядка. Два основных принципа морально-этического учения Конфуция – космологический позитивизм и патриархальный традиционализм – означали необходимость следования всех граждан велениям Дао и неба. Соблюдение строгих ритуалов императорами постулировалось как пример для законопослушного поведения граждан, что должно было укрепить государственность и придать юридической деятельности духовную целесообразность.

Позднее ценностный категорический императив великого немецкого философа И. Канта: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели, и никогда – только как к средству» [1, с. 62] – в правовой аксиологии стал означать нормативное начало любой человеческой деятельности, образ и ценность долженствования, важность чувства ответственности и долга перед людьми, нравственный закон и основу всей социальной жизни и деятельности, в том числе и юридической.

Аксиология права (материального и процессуального) с позиций культурологического подхода и понимания самого права как магистрального элемента культуры на протяжении всего исторического периода развития юридической науки подтверждала и подтверждает востребованность ценностного начала права и его нормативности, остается тем фундаментальным основанием бытия человека и всего сообщества в потребности правового порядка как ценностного измерения жизнедеятельности в целом [2, с. 230].

Сочетание в процессуальном праве целей и средств, целей и интересов служит гуманистическому целеполаганию в государственно-властном и общественно-признаваемом правовом регулировании. Воля нормоустановителя, формулирующая правило поведения, также есть ценностно-организованная сфера по согласованию интересов общества и государства, личности и государства, в какой бы ипостаси эта личность (потерпевший и подозреваемый, истец и ответчик) ни выступала. Безусловно, ценности в праве и ценность самого права сопряжены, что выявляется и проявляется в процессе (процедурах) правореализации, в том числе – правоприменения.

В аксиологии права ценности типологически разделяются на а) ценности-цели; б) ценности-средства. Эти понятия могут использоваться применительно к индивидуальным субъектам, коллективным субъектам, к предмету конкретной деятельности, конкретных отношений. В зависимости от временного параметра это могут быть краткосрочные, долгосрочные и надвременные ценности. Соответственно, ценностные ориентации, например, конкретной личности, формируют структуру и качество ее сознания, структурируют тактику и стратегию деятельности и образ жизни, контролируют и мотивируют ее поведение, формы общения и оказывают на целеполагание личности в целом положительный эффект.

Многообразие ценностного мира позволяет выделить утилитарные (материальные, предметные) и духовные (идеальные) ценности. Как считает О.В. Мартышин, «предметные ценности коррелируют с субъективным интересом и не могут быть одобрены всем обществом с точки зрения их разности. Поэтому индивидуальные ценности должны быть “вписаны” в социальный контекст и, исходя из общих интересов, подчиняться общественным ценностям. Духовные ценности – это абстракции, идеи и принципы, воплощающиеся в реальных бла-

гах, к ним относятся моральные, этические, эстетические и научные ценности. Для юриспруденции, в диапазоне изучения правового поведения и его видов, ценности имеют общеобязательный характер, являются основой права. Каждая правовая норма, не носящая явно технического характера, служит воплощением, развитием, конкретизацией какой-то этической ценности. В первую очередь это относится к принципам права» [3, с. 75].

Ценность принципов права (материального и процессуального) безусловна, что объясняется его обоснованностью ценностями справедливости, равенства, свободы, верховенства закона, независимости судов и т. д. «Ценности являются отражением, продуктом мысли, порождаемым определенными потребностями и соответствующими им благами. Ценности – наиболее абстрактное выражение данной зависимости... являются частью духовного мира общества, идеальным первообразом принципов и мотивом их становления... В практическом плане ценности и идеи дают толчок развитию права. Во многих отношениях они являются его “душой”, без которой право – это лишь инструмент властного воздействия и технология социального управления» [4, с. 40–41], как справедливо подчеркивает Я. Стоилов.

Будучи духовными и интеллектуальными началами права и всего законодательного массива, принципы-ценности составляют фундамент права, правового сознания и правовой культуры как на обыденном, профессиональном, так и на доктринальном уровне. Очевидно, что на профессиональное правовое сознание юристов принципы оказывают особое влияние и отличаются не только силой юридического воздействия, но и квалифицирующим критерием ценности профессиональной юридической деятельности.

Если ценностный характер правовой деятельности, по мнению П.П. Ланга, представляет собой «способ продуктивного воспроизводства культуры через свойства нормативности, всеобщности, обязательности, вырабатываемые на коллективном уровне сознания и усваиваемые – на индивидуальном» [5, с. 15], то осуществление данного вида деятельности обязывает профессиональное правосознание (прежде всего – законодательствующего, а затем – правоприменяющего субъекта) осмыслить, усвоить и реализовать на практике комплекс иерархически выстроенных ценностей, а также ценностных ориентаций и установок.

При рассуждении об иерархии ценностей в праве обращение к аксиологическому подходу становится обязательным для объяснения социальной и личностной (в том числе профессиональной и доктринальной) структуры ценностей, последняя не умаляет социальной ценности правовой деятельности, так как она осуществляется прежде всего для упорядочивания всего комплекса общественных отношений, то есть отношений в социуме. Но особенностью личной профессиональной ценности юриста являются его зрелое правовое мировоззрение, правовая целеустремленность к справедливой и законной реализации профессиональных компетенций во имя общего блага. Социальная же ценность правовой деятельности заключается в способности и умении юриста эффективно разрешать возникающие конфликты и споры, находить компромиссные и сбалансированные решения с исполь-

зованием правового инструментария и механизмов, демонстрирующие ценность и права, и правореализации, в том числе правоприменения. Социальная ценность правоприменительной деятельности, собственно, в этом и состоит. Как отмечают Р.Ф. Степаненко и К.А. Лягин в работе «Социальное назначение правоприменения: актуальные вопросы теоретического правоведения» (2018), цели правоприменительной деятельности конституируются исходя из целеполагания социального государства (гарантирующего в соответствии с основным законом Российской Федерации «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»), чья политика направлена на соблюдение и охрану основных прав и свобод, являющихся неотчуждаемыми и непосредственно действующими, а право адекватно и эффективно обеспечивает гуманное и справедливое осуществление социальных функций государства [6, с. 139].

Между тем ценности права и правовой деятельности сопряжены и обосновываются, в первую очередь, в доктринальной политике права (правовой политики), которая формулирует тактические и стратегические цели совершенствования законодательной и правореализационной, в том числе правоприменительной, деятельности на научной и системной основе. Соответственно, правовая процессуальная политика, в нашем понимании представляющая собой «научно-обоснованную системную деятельность, направленную на всемерную охрану и защиту интересов личности, общества и государства» [7, с. 367], осуществляемую непосредственно в юридическом процессе посредством использования легитимных правовых средств и механизмов, опосредуется ценностными установками в той мере, в какой она соответствует ценностям права в целом.

Аксиологический подход выполняет ключевую роль в раскрытии ценностей правовой процессуальной политики, формируя ее смыслообразующие основания, мотивирующие, в частности, правоприменителя к совершению нравственно-этических, целесообразных, эффективных, разумных и справедливых действий, отвечающих высокому предназначению права. При этом ценности подобной деятельности носят как социальный (хотя и доминирующий для юриспруденции), так и общегуманитарный характер. Гуманизм правовой процессуальной политики проявляется не только в умении разрешать и находить компромиссы при решении спорных и конфликтных ситуаций, он совмещен с пространственной целостностью общечеловеческих ценностей; запросом на обеспечение правом безопасности, свобод; надеждами людей на своевременную и реальную защиту их прав. На этом же уровне ценности правовой процессуальной политики выступают как абсолютные, не подлежащие пересмотру и модификациям, особенно свойственным современному правопорядку, находящемуся в состоянии неопределенности и неустойчивости.

О различении абсолютных и относительных ценностей права, в том числе правовой процессуальной политики, пишут ученые в области философии, истории, социологии, психологии, теоретического правоведения. В частности, в работе «Ценность процессуального права: социально-философское измерение» (2022) Р.Ф. Степаненко и Г.Н. Степаненко подчеркивают важность применения к ценностям процессуального права многоуровневого подхода. Абсолютные ценности неизменны и инвариантны по отношению к конкретно-историческим условиям правовой реальности, а относительные ценности преобразуются в связи

с изменениями политико-правовых стратегий государства [8, с. 515], что можно наблюдать в историческом опыте имперской России или же в особенностях процессуального права, например, советского периода. Абсолютные ценности правовой процессуальной политики присущи различным правовым системам, тогда как относительные – характерны для конкретных правовых систем, базирующихся на собственных традиционных ценностях, культуре, ментальности и мировоззрении.

Описываемую иерархию ценностей можно наблюдать по наличию принципов, декларируемых в процессуальном законодательстве, и целей, устанавливаемых законодателем. Так, в качестве примера можно провести анализ КАС РФ, принятого Государственной Думой 20 февраля 2015 г. и одобренного Советом Федерации 25 февраля 2015 г. (КАС РФ). Ст. 6 данного кодекса в качестве принципов административного судопроизводства называет: «1) независимость судей; 2) равенство всех перед законом; 3) законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел; 4) осуществление административного судопроизводства в разумный срок и исполнение судебных актов по административным делам в разумный срок; 5) гласность и открытость судебного разбирательства; 6) непосредственность судебного разбирательства; 7) состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда».

С точки зрения правовой аналитики, являющейся методологической основой научной и практической юриспруденции, приведенный перечень принципов, используемых в административном судопроизводстве, не отличается логической последовательностью и стройностью суждений. Так, важные для процессуальной политики принципы «независимости судей» и «равенства всех перед законом», как видится, должны располагаться по степени важности – после принципа «справедливости и законности». Причем «справедливость» как общепризнанная ценность и универсалия должна быть указана до «законности». «Разумность» сроков административного судопроизводства и исполнения судебных актов по административным делам не конкретизирована законодателем, что означает неопределенность критериев выполнения целей и задач процесса административного судопроизводства и может нарушить тот же принцип «законности и справедливости» при вынесении несвоевременных решений. В пункте, в котором постулируется принцип «состязательности и равноправия сторон», сделан ненужный, на наш взгляд, акцент на активной роли суда, которая очевидным и аксиологическим образом не может быть пассивной по своей правовой природе и т. д. Иными словами, ценность принципов административного судопроизводства определенным образом формализована и не оказывает желаемого воздействия на правовое сознание и правовую культуру участников этого вида процессуальных правоотношений.

Аналогично обстоят дела с принципами процессуального права в ином кодифицированном законодательстве. Так, в гл. I «Основные положения» АПК РФ принципы независимости судей арбитражных судов (ст. 5), законности (ст. 6), разумных сроков (ст. 6.1) изложены до общеправовых принципов равенства всех перед законом и судом (ст. 7), равноправия сторон (ст. 8), что, как нам представляется, демонстрирует первостепенность ценностей процессуального права, располагая на последующих ступенях ценности права в общем, остав-

ляя им роль периферийных ценностей, что методологически, на наш взгляд, неоправданно. Как нами отмечено, ценности первого (абсолютные) и последующего (относительные) порядка имеют свою модальность в процессе их регламентации (АПК РФ).

По мнению известного французского правоведа Г.А. Шварц-Либермана фон Валендорфа, «чтобы не быть рабами юридических норм, мы должны научиться их правильно оценивать» [9, с. 9], что составляет объектно-предметную сферу исследований философии и аксиологии права, устанавливающих иерархию ценностей в правовой реальности на разных исторических этапах ее развития.

С позиций методологии юридической науки и практики как системы организации и построения эффективной юридической деятельности, о которой рассуждают ученые-правоведы, в том числе представители Казанской юридической научной школы [10], «наделение» первостепенной ролью юридической техники и технологий является необходимым условием достижения целевой и ценностной результативности правовой процессуальной политики. В подобном случае нельзя обойтись масштабированием законодательного массива, тем более что постоянный рост количества нормативных актов не оказывает должного влияния на эффективность осуществления правового процесса, что с тревогой отмечают правоведы-теоретики.

Как считает Ю.А. Тихомиров, «последние 50 лет характеризуются тем, что увеличивается количество нормативных правовых актов... Многослойное регулирование давит... Право должно предвидеть, как “встречаться” с этими нормами в процессе правотворчества и правоприменения» [11, с. 57]. Постоянное изменение законодательства также не способствует повышению результативности правового регулирования и, более того, может приводить к негативным для целей правоприменительной деятельности результатам.

Согласно мнению В.М. Баранова, изложенному в работе «Изменения законодательства как социальная травма» (2023), одной из сущностных характеристик современного законотворчества является его «травматичность», деформирующая экономические, социально-политические и духовные стороны правовых отношений. Постоянное увеличение законодательного массива негативно воздействует на личность и общество, нарушая либо разрушая «привычный уклад жизни» граждан и усиливая состояния «неопределенности и незащищенности будущего» [12, с. 40], что свидетельствует об оторванности положений материального и процессуального права от правовой реальности и демонстрирует нарушение взаимодействия юридической науки и процесса нормотворчества, что в конечном счете негативно сказывается на юридической практике.

Ценности правовой процессуальной политики транслируются в соответствующее законодательство в виде правовых гарантий, обеспечивающих реализацию целей и средств правоохранительной деятельности. «В исполнительном производстве существуют особые процессуальные гарантии реализации прав граждан и организаций. Это, прежде всего, пределы реализации прав граждан и организаций; конкретизация их прав в текущем законодательстве; юридические факты, с которыми связывается реализация прав; меры поощрения и льготы для стимулирования правомерной и инициативной реализации прав граждан и организаций в исполнительном производстве», что было отмечено Д.Х. Валеевым [13, с. 8]. Кроме

того, в соответствии со ст. 121 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ФЗ № 229) действия судебного пристава-исполнителя по исполнению исполнительного документа могут быть обжалованы сторонами исполнительного производства, иными лицами, чьи права и интересы нарушены такими действиями (бездействием), в порядке подчиненности и оспорены в суде, что представляет собой одну из упомянутых гарантий.

Между тем ценность правовой процессуальной политики, несмотря на отдельные несовершенства законодательной среды, приобретает новые аксиологические ориентиры, связанные прежде всего с динамичным развитием и внедрением в юридическую практику новых информационных технологий. Так, например, по мнению Н.Н. Маколкина, «интеграция аутентификации и верификации данных в современных условиях правовой реальности способна не только повысить качество реализации и практического применения существующих процессуальных гарантий доступности правосудия, но и обусловить возникновение ряда новых процессуальных гарантий... недопущением необоснованного возбуждения исполнительного производства и т. д.» [14, с. 11]. Активное внедрение и использование технологических способов и средств, с помощью которых экономится время, снижает материальные и другие сопутствующие судопроизводству затраты. Минимизация последних представляет собой ценность и для правоприменителя, и для иных участников процессуальных действий и обосновывается как отраслевой юридической наукой, так и представителями теоретико-исторических наук.

В завершение исследования необходимо отметить, что доктрина правовой политики России, в том числе правовой процессуальной политики, основывается на результатах научной деятельности ученых – теоретиков права, основные выводы и положения которых имеют принципиальное значение для повышения эффективности и результативности юридического процесса. Ценность правоведения неоспорима для систематизации законотворческого процесса и правореализации, в том числе правоприменения, в связи с чем аксиологические обоснования правовой процессуальной политики должны обрести подтверждение и пройти должную апробацию в ходе преобразования в позитивном ключе процессуального права на современном этапе.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 6 апр. 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/, свободный.

ФЗ № 229 – Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 6 апр. 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/, свободный.

КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 № 21-ФЗ (ред. от 6 апр. 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/, свободный.

Литература

1. *Кант И.* Критика практического разума / Пер. Н.М. Соколова. М.: Юрайт, 2024. 177 с.
2. *Рыбаков О.Ю.* Философия права. М.: Проспект, 2022. 320 с.
3. *Мартышин О.В.* Философия права. М.: Проспект, 2017. 352 с.
4. *Стоилов Я.* Принципы права: понятие и применение / Под. ред. Е.А. Фролова. М.: Проспект, 2023. 312 с.
5. *Ланг П.П.* Правовая деятельность: аксиологические и мировоззренческие основания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2022. 43 с.
6. *Степаненко Р.Ф., Лягин К.А.* Социальное назначение правоприменения: актуальные вопросы теоретического правоведения // Вестн. экономики, права и социологии. 2018. № 2. С. 137–141.
7. *Исаев Э.Е.* Современные тенденции правовой процессуальной политики России: актуальные вопросы теоретического правоведения // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 16 нояб. 2023 г.) / Редкол.: Ж.В. Мурзина [и др.]. Чебоксары: Среда, 2023. С. 363–366. <https://doi.org/10.31483/r-108754>.
8. *Степаненко Р.Ф., Степаненко Г.Н.* Ценность процессуального права: социально-философское измерение // Право. Порядок. Ценности. М.: Блок-Принт, 2022. С. 508–516.
9. *Schwarz-Liebermann von Wahlendorf H.A.* Éléments d'une introduction à la philosophie du droit. Collect.: Bibliothèque de philosophie du droit. V. 21 / Eisenmann Ch., Batiffol H., Villey M. (Dir.). Paris: Librairie gén. de droit et de jurisprudence, 1976. 101 p.
10. *Бакулина Л.Т., Степаненко Р.Ф.* Обзор материалов III Всероссийского «круглого стола» по общетеоретическим проблемам права «Современные тенденции в эволюции методологии правовых исследований» // Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 135–152.
11. *Тихомиров Ю.А.* Правоприменение: от эпизодичности к целевой результативности // Журн. рос. права. 2017. № 1 (141). С. 55–62. <https://doi.org/10.12737/23702>.
12. *Баранов В.М.* Изменение законодательства как социальная травма // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 40–58.
13. *Валеев Д.Х.* Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 52 с.
14. *Маколкин Н.Н.* Институт аутентификации и верификации в цивилистическом процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2023. 23 с.

Поступила в редакцию 10.04.2024

Принята к публикации 10.06.2024

Исаев Эдуард Евгеньевич, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: eee.isaev@gmail.com

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.30-39

**The Value of Procedural Policy:
Axiological and General Legal Aspects***E.E. Isaev**Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*E-mail: *eee.isaev@gmail.com*

Received April 10, 2024; Accepted June 10, 2024

Abstract

This article examines the problems of identifying the values of procedural policy from theoretical and applied perspectives. Rooted in the general axiological principles of law, the values of procedural law guide law enforcement toward achieving positive outcomes by effectively resolving conflicts and disputes among the parties of legal procedures. It was shown that the values of procedural policy are best described by the axiological approach, which highlights its focus on meaningful, effective, rational, fair, and reasonable actions that align with the higher purpose and value of law. The conclusion was made that, in accordance with the strategies of legal axiology, procedural policy should be based on the doctrinal principles of legal science to enhance the efficiency of legal activities and uphold the value of lawmaking and law enforcement, including the administration of law, within today's legal framework. The value of legal procedural policy was found to lie in setting new axiological standards, primarily associated with the dynamic development and use of new information technologies in legal practice. The value of jurisprudence in systematizing the legislative process and law enforcement was explored, thereby affirming the axiological nature of legal procedural policy.

Keywords: value of law, procedural policy, axiological approach, effectiveness of law, efficiency of law

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Kant I. *Kritika prakticheskogo razuma* [The Critique of Practical Reason]. Sokolov N.M. (Trans.). Moscow, Yurait, 2024. 177 p. (In Russian)
2. Rybakov O.Yu. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Prospekt, 2022. 320 p. (In Russian)
3. Martyshin O.V. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Prospekt, 2017. 352 p. (In Russian)
4. Stoilov Ya. *Printsiipy prava: ponyatie i primeneniye* [Legal Principles: The Concept and Use]. Frolov E.A. (Ed.). Moscow, Prospekt, 2023. 312 p. (In Russian)
5. Lang P.P. Legal affairs: Axiological and worldview foundations. *Extended Abstract of Doct. Law Diss.* Samara, 2022. 43 p. (In Russian)
6. Stepanenko R.F., Lyagin K.A. The social nature of law enforcement: Key issues of theoretical jurisprudence. *Vestnik Ekonomiki, Prava i Sotsiologii*, 2018, no. 2, pp. 137–141. (In Russian)
7. Isaev E.E. Current trends in the procedural policy of Russia: Key issues of theoretical jurisprudence. *Aktual'nye voprosy gumanitarnykh i sotsial'nykh nauk: ot teorii k praktike: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchast. (Cheboksary, 16 noyab. 2023 g.)* [The Topical Issues of the Humanities and Social Sciences: From Theory to Practice: Proc. III All-Russ. Sci.-Pract. Conf. with Int.

- Participation (Cheboksary, Nov. 16, 2023)]. Murzina Zh.V. et al. (Eds.). Cheboksary, ID “Sreda”, 2023, pp. 363–366. <https://doi.org/10.31483/r-108754>. (In Russian)
8. Stepanenko R.F., Stepanenko G.N. The value of procedural law: Social and philosophical insights. In: *Pravo. Poryadok. Tsennosti* [Law. Order. Values]. Moscow, Blok-Print, 2022, pp. 508–516. (In Russian)
 9. Schwarz-Liebermann von Wahlendorf H.A. *Éléments d’une introduction à la philosophie du droit*. Collect.: Bibliothèque de philosophie du droit. Vol. XXI. Eisenmann Ch., Batiffol H., Villey M. (Dir.). Paris, Librairie gén. de droit et de jurisprudence, 1976. 101 p. (In French)
 10. Bakulina L.T., Stepanenko R.F. A review of the proceedings of the III All-Russian “Round Table” Conference on General Theory of Law “Current Trends in the Evolution of Legal Research Methodology”. *Pravo i Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*, 2016, no. 7(139), pp. 135–152. (In Russian)
 11. Tikhomirov Yu.A. Law enforcement: From episodic to target performance. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2017, no. 1(141), pp. 55–62. <https://doi.org/10.12737/23702>. (In Russian)
 12. Baranov V.M. Changing legislation as a social trauma. *Yuridicheskaya Tekhnika*, 2023, no. 17, pp. 40–58. (In Russian)
 13. Valeev D.Kh. The system of procedural guarantees of the rights of citizens and organizations in court enforcement. *Extended Abstract of Doct. Law Diss.* Yekaterinburg, 2009. 52 p. (In Russian)
 14. Makolkin N.N. The institution of authentication and verification in civil process. *Extended Abstract of Cand. Law Diss.* Kazan, 2023. 23 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Исаев Э.Е. Ценность правовой процессуальной политики: аксиологические и общеправовые аспекты // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 30–39. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.30-39>. ⟩

⟨ **For citation:** Isaev E.E. The value of procedural policy: Axiological and general legal aspects. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 3, pp. 30–39. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.30-39>. (In Russian) ⟩

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.40-54

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ «ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА» В ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

А.М. Хурматуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В условиях проводимой реформы цифровизации в сфере здравоохранения возрастает интерес к конституционным ценностям здоровья, права на охрану здоровья и медицинскую помощь как ориентирам развития законодательства Российской Федерации и основных направлений государственной политики. В настоящей статье проанализировано нормативное содержание права на охрану здоровья в ретроспективном аспекте и современном представлении; исследованы положения конституций советского периода и Конституции 1993 г., нормативные правовые акты федеративной России, содержащие положения об охране здоровья при реализации приоритетных направлений государственной политики, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции. Рассмотрена роль ценности здоровья в развитии экономической, социальной, экологической, научно-технологической сфер жизнедеятельности человека. Проведен ретроспективный анализ конституционного регулирования социальной ценности здоровья в советский период; выявлены особенности нормативного содержания указанной ценности и ее составляющих в законодательстве современной России; определены гарантии, обеспечивающие осуществление права на охрану здоровья и медицинскую помощь при реализации приоритетных направлений государственной политики; предложены рекомендации, направленные на совершенствование установленных гарантий.

Ключевые слова: здоровье, ценность, конституционная ценность, право на охрану здоровья, правовое регулирование, защита, Конституция Российской Федерации, суд, охрана

В научной литературе здоровье рассматривается как духовно-нравственная ценность [1, с. 144] наряду с такими явлениями, как семья, любовь, дружба, доброта, порядочность, честность, трудолюбие. Исследователи А.А. Елистратова, И.А. Шарапова, Л.А. Павлова отмечают социальную значимость здоровья, трактуя его и как индивидуальную ценность, присущую каждой личности [2], и как ценность, от которой зависит научное, социально-экономическое развитие общества. М. Прокофьева, рассматривая сферу здравоохранения через призму корпоративных экономических отношений, пишет об экономической ценности здоровья [3]. Учитывая изменения здоровья человека в техногенном мире под

воздействием искусственных технологий, В.И. Кудашов отмечает трансформацию аксиологического аспекта жизни и здоровья [4, с. 90–91]. В этой связи можем говорить о многоаспектности содержания обозначенной ценности.

Относительно особенностей нормативного содержания понятия «здоровье» стоит заметить, что в действующей Конституции Российской Федерации соответствующее понятие упоминается 13 раз: при перечислении направлений социальной политики (ст. 7); закреплении прав человека (ч. 1 ст. 41); указании направлений принимаемых федеральных программ (ч. 2 ст. 41); провозглашении ответственности должностных лиц (ч. 3 ст. 41), ответственности за экологические правонарушения (ст. 42); установлении критериев для ограничения прав и свобод человека (ч. 3 ст. 55), вопросов совместного ведения России и ее субъектов, в частности профилактических мероприятий («укрепление общественного здоровья, формирование ответственного отношения граждан к своему здоровью» в соответствии с п. «ж» ст. 72), «критериев для ограничения перемещения товаров и услуг» согласно ст. 74, «оснований для прекращения полномочий Президента» в силу ч. 2 ст. 92, «гарантий в отношении Президента России, прекратившего исполнять полномочия досрочно» согласно ч. 1 и 2 ст. 92.1 (КРФ). При этом с момента внесения последней поправки можем отметить лишь тенденцию к увеличению значимости рассматриваемой ценности.

Что касается ретроспективного аспекта, в Конституции СССР 1936 г. упомянута «медицинская помощь» в контексте конституционного права трудящихся на бесплатную медицинскую помощь (ст. 120), однако понятие «здоровье» в документе отсутствует, упомянута сфера здравоохранения применительно к установлению ведения СССР (ст. 14) и закреплению министерства здравоохранения в перечне союзно-республиканских министерств (ст. 78 1936-КСССР).

В Конституции РСФСР 1978 г. понятие «здоровье» упоминалось пять раз: в контексте гарантий, предоставленных женщинам для уравнивания в правах с мужчинами (введено понятие «женское здоровье» согласно ст. 33), и права граждан на охрану здоровья, а также принимаемых государством профилактических мер (ст. 40), в качестве объекта посягательства (наряду с жизнью, честью и достоинством, личной свободой и имуществом) для обращения в суд (ст. 55 1978-КРСФСР).

Такое нормативное закрепление стало отправной точкой для формирования и развития того объема правомочий, который составляет нормативное содержание права на охрану здоровья и медицинскую помощь. Одним из подобных правомочий является право, которое также может рассматриваться в качестве самостоятельного института, – конституционное право на судебную защиту жизни и здоровья [5, с. 78]. При этом И.В. Тимофеев отмечает, что данная составная часть субъективного права человека на медицинскую помощь также подвержена изменению и с учетом нормативных положений действующей Конституции «представляет собой возможность обращения в уполномоченный орган (как судебный, так и внесудебный) и возможность задействовать государственно-принудительные меры в случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) этого права» [5, с. 79], о чем свидетельствуют положения Конституции 1978 г. в редакции с учетом внесенных 21 апреля 1992 г. поправок. Примечательно, что вышеозначенное право-

мочие не было закреплено в перечне прав человека, в то время как «конституционное право на бесплатную медицинскую помощь в государственной системе здравоохранения» впервые получило нормативное отражение в тексте Конституции (ЗРФ).

Приоритетный характер ценностей, провозглашенных в ст. 41, отмечает в своих решениях и Конституционный Суд, рассматривая их наряду с правом на жизнь в качестве источников других основных прав и свобод (816-ОКСРФ). В соответствии с Определением КС РФ № 115 здоровье человека также трактуется в качестве приоритетного высшего неотчуждаемого блага, утрата которого влечет за собой потерю значимости иных благ и ценностей (115-ОКСРФ). В своих постановлениях Суд приравнивает рассматриваемое право к праву на жизнь (31-ПКСРФ). С учетом положений ст. 2 Конституции России во взаимосвязи со ст. 17 и естественно-правовой концепции прав и свобод человека представляется целесообразным выделить среди ценностей, провозглашенных в гл. 2 Основного закона, конституционные ценности – источники иных ценностей – и иные ценности (например, труд, собственность, предпринимательская деятельность) [6, с. 21–22].

Пандемия, вызванная распространением Covid-19, обусловила необходимость предусмотрения определенных мер по охране жизни и здоровья населения, что повлекло за собой внесение существенных изменений в российское законодательство. Так, в Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ, регламентирующий порядок защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, были внесены изменения в части расширения перечня оснований для определения наличия чрезвычайной ситуации (68-ФЗ). С 2020 г. распространение заболевания, представляющего опасность для окружающих, является поводом для введения режима чрезвычайной ситуации или режима повышенной готовности. Указанные изменения затронули также институт избирательного права. Согласно ст. 10.1 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ были расширены полномочия избирательных комиссий в части самостоятельного принятия решения об отложении голосования при наступлении вышеназванной ситуации; при этом заметим, что точные сроки отложения законодательством не установлены (67-ФЗ). Несмотря на разумную целесообразность подобного регулятивного воздействия по минимизации ущерба для ценностей жизни и здоровья граждан, подобные решения избирательных комиссий не раз становились предметом для судебного разбирательства. В качестве примера приведем решение Новгородского областного суда от 22 июня 2020 г. по делу об оспаривании законности Постановления избирательной комиссии области № 105/4-6 «О переносе даты голосования на дополнительных выборах депутата Новгородской областной Думы шестого созыва по одномандатному избирательному округу № 9» (голосование было назначено на 12 апреля 2020 г.) (РНОС). В суд с административным иском обратился зарегистрированный для участия в голосовании кандидат, по мнению которого были нарушены его пассивные избирательные права и принцип равенства. Учитывая положения Конституции Российской Федерации о жизни и здоровье человека как высшем благе, конституционной обязанности государства о заботе об их сохранении

и укреплении, а также положения о разграничении полномочий между двумя уровнями публичной власти в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, Суд пришел к выводу о законности принятого избирательной комиссией решения (КОВСРФ). Таким образом, обеспечение провозглашенных в ст. 41 Конституции благ является первоочередной задачей в деятельности государственных органов, в том числе Центральной избирательной комиссии России и избирательных комиссий субъектов Российской Федерации.

Угроза жизни и здоровью избирателей, возникшая в связи с распространением инфекции, стала определяющей при принятии решения ЦИК России об отложении голосования на 7 региональных выборах (в Пермском, Красноярском краях, Новгородской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской областях, г. Санкт-Петербурге), первоначально назначенных на 28 июня 2020 г., и 102 местных выборов (ПЦИКРФ).

Приоритетность гарантирования обозначенных социальных благ можно выявить исходя из требований к организации публичных мероприятий (как ранее установленных, так и новых), предусмотренных в связи с пандемией. В дополнение к указанным в подп. 6 п. 3 ст. 7 Федерального закона № 54-ФЗ требованиям к «обязательному обеспечению организатором общественного порядка, организации медицинской помощи» были также обозначены формы и методы санитарного обслуживания (54-ФЗ). При этом на первый взгляд данное новшество может представляться инструментом, направленным на ограничение права на свободу мирных собраний. Позволим себе не согласиться с таким подходом. Напомним, что Конституционный Суд России относительно конституционности приведенного выше положения отметил: рассматриваемое требование 1) вовсе не означает «перекладывания» на организаторов публичных мероприятий обязанностей, которые возложены законами в сфере охраны здоровья граждан на органы публичной власти; 2) не предполагает, что указанные, по мнению организатора, целесообразные формы и методы обеспечения медицинской помощи (например, телефоны скорой помощи) являются основанием для отказа в согласовании проведения публичных мероприятий (24-ПКСРФ).

Нужно отметить, что постановления Конституционного Суда России весьма результативны в отличие от решений судов общей юрисдикции по делам об оспаривании решений органов местного самоуправления. В то же время на сегодняшний день положения законодательства, устанавливающие необходимость исчерпания внутригосударственных средств судебной защиты в качестве требования для допустимости жалобы (статья 97 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ), свидетельствуют о наличии дополнительного барьера для обращения гражданина в орган конституционного контроля при ограничении его прав и свобод правового регулирования.

Однако отсутствие конкретизации понятия «санитарное обеспечение» также может породить проблемы с реализацией права на мирные собрания. В этой связи представляется целесообразным сослаться на акты Главного государственного санитарного врача страны, в частности на Постановление от 16 октября 2020 г. № 31, в котором речь идет о следующих мерах, направленных на сниже-

ние риска заболеваний, отнесенных к числу «опасных для окружающих»: ношении гигиенических масок, дезинфекции, проведении исследований для выявления возбудителя вируса (ПГГСВРФ).

Ориентация на реализацию рассматриваемых нами конституционных ценностей (отраженных в ст. 41 Конституции РФ) прослеживается также в экономической сфере. В качестве примера можно привести положения Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 303-ФЗ (303-ФЗ), принятие которого было связано с необходимостью внесения изменений в законодательные акты в сфере охраны здоровья граждан в части утверждения дополнительных мер, направленных на формирование здорового образа жизни, а также в части установления запрета на потребление никотинсодержащей продукции и в части введения новой терминологии (ст. 2 ФЗ от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ) и дополнения перечня профилактических мер в области предупреждения возникновения заболеваний, связанных с воздействием окружающего табачного дыма (ст. 11 15-ФЗ).

Вместе с тем стоит отметить наличие ряда проблем, возникающих в сфере обеспечения конституционной ценности. Во-первых, это вопрос разграничения предметов ведения между разными уровнями публичной власти. В нарушение положений ст. 71 Конституции РФ органы государственной власти субъектов России осуществляют самостоятельное правовое регулирование в целях охраны жизни и здоровья как высших и наиболее значимых конституционных ценностей. В качестве примера можно отметить Закон Республики Хакасия № 11-ЗРХ от 6 марта 2020 г. «О запрете оборота на территории Республики Хакасия бестабачной никотинсодержащей продукции, электронных систем доставки никотина и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Хакасия в связи с установлением административной ответственности за нарушение данного запрета», принятый в нарушение п. «ж» ст. 71 и ч. 2 ст. 74 Конституции РФ (РВСРХ). Аналогичные законы были приняты в Ленинградской, Оренбургской областях, республиках Тыва, Ингушетия. В настоящее время указанные нормативные акты признаны судами недействующими (РВСРТ). В этой связи подача административных жалоб со стороны представителей федеральных органов государственной власти является эффективным инструментом в обеспечении соблюдения правил разграничения предметов ведения между уровнями публичной власти. Как отмечает А.В. Глодина, административное судопроизводство представляет собой разновидность государственного контроля, объектом которого выступает деятельность субъектов, наделенных публичными полномочиями [7, с. 142].

Во-вторых, нужно отметить несовершенство юридической техники при регулировании вопросов административной ответственности за нарушение реализации конституционной ценности – права на охрану здоровья. Федеральным законом от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ установлен запрет курения табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах и соответственно предусмотрена ответственность КоАП РФ по ст. 6.24 (КоАПРФ). Однако в настоящее время в связи с отсутствием механизмов выявления данные правонарушения продолжают носить латентный характер.

В условиях развития информационных технологий и внедрения цифровых технологий во многие сферы жизнедеятельности общества вопрос рассмо-

тения ценностного ориентира «здоровье» имеет важное методологическое значение, поскольку именно в рамках научно-технологического пространства с конституционной ценностью права на охрану здоровья обусловлено внедрение цифровых инноваций в медицинскую деятельность, которая обозначена в числе приоритетных направлений для разработки, апробации и внедрения цифровых технологий согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (258-ФЗ). Значимая роль в развитии рассматриваемого направления отведена телемедицине, ориентированной в основном на дистанционное наблюдение за здоровьем пациента. В этой связи отмечается присущий данной сфере персональный и прогностический характер: усиление профилактических возможностей, акцент на персонализацию пациента, то есть учет его индивидуальных особенностей и потребностей; усиление прогнозирующей функции, поскольку геномные исследования, использование результатов обработки больших данных позволяют предсказывать состояние здоровья пациента [8, с. 21].

Также стоит отметить установленную законодательно возможность использовать электронные документы при оказании медицинской помощи: «медицинские заключения», «медицинские справки», «листки нетрудоспособности», при этом нужно подчеркнуть тенденцию расширения использования электронной формы в области так называемого медицинского документооборота. Об указанной тенденции свидетельствуют изменения, внесенные в Федеральный закон № 323-ФЗ (323-ФЗ): в 2017 г. – Федеральным законом № 242-ФЗ, в 2021 г. – Федеральным законом № 126-ФЗ. В то же время не исключается возникновение проблем, связанных с обеспечением сохранности персональных данных, в том числе при внесении данных в единую государственную информационную систему в сфере здравоохранения, введенную в практику отечественного здравоохранения в 2017 г. Напомним: несмотря на то, что в целях обеспечения защиты персональных данных действуют положения Федерального закона № 152-ФЗ (152-ФЗ), медико-профилактические цели обозначены в качестве исключения из принципа конфиденциальности при обработке персональных данных пациентов. И здесь одним из эффективных инструментов защиты интересов граждан по-прежнему является судебная защита. В качестве примера можем привести 31-ПКСРФ. Наличие психологического дискомфорта бывшей пациентки психиатрического учреждения стало объектом для рассмотрения дела по жалобе гражданки А. В законодательстве Российской Федерации предусмотрена возможность обжалования действия по принудительной госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. В случае принятия решения о незаконной госпитализации отсутствовал механизм по удалению соответствующей записи из медицинской карты, что создавало определенный дискомфорт для пациента, а наличие доступа медицинских работников к информации, отражающей диагноз (пусть и ошибочный), могло в дальнейшем оказать нежелательный эффект на успешность реализации его прав.

Как отмечает Конституционный Суд России, негативное восприятие общественным сознанием информации, не соответствующей объективной реальности, способно серьезно препятствовать реализации прав и свобод пациента, через суд добившегося признания действий медицинской организации незаконными. Само знание пациента о наличии данной информации в медицинской документации, в электронном реестре способно оказывать неблагоприятное психологическое воздействие на человека и его достоинство. На основании приведенных доводов Судом было принято решение о признании оспариваемых нормативных положений неконституционными и необходимости на законодательном уровне определения конкретных механизмов, направленных на установление особенностей хранения медицинских документов рассматриваемой категории пациентов. Нужно отметить оперативность действий федерального парламента, урегулировавшего данный вопрос.

В августе 2023 г. были внесены изменения в 323-ФЗ, и в настоящее время действуют правила, регламентирующие порядок ведения и хранения «медицинской документации, оформляемой при оказании психиатрической помощи» (323-ФЗ). Следует отметить, что установленное Конституционным Судом «временное регулирование» действует до того момента, пока парламентом не будут внесены соответствующие изменения. В частности, им оговаривалась необходимость внесения корректирующей записи в медицинскую документацию пациента, а также устанавливалось требование к его внешней форме, отличающейся от документации, которую можно использовать в текущей деятельности. В то же время в законодательстве Российской Федерации понятие «временное регулирование» применительно к деятельности конституционной юстиции не встречается, несмотря на то что Конституционный Суд, выступая в роли «негативного законодателя», во исполнение принятого постановления устанавливает «временные» требования, действующие до внесения соответствующих изменений в законодательство. «Временное применение» в отечественном законодательстве упоминается лишь по отношению к нормам международного договора (ст. 23 Федерального закона № 101-ФЗ), в то время как в правоприменительной практике сфера действия временных правил расширена сферой конституционной юстиции при признании той или иной нормы неконституционной.

Примечательно, что в случае вступления в законную силу решения суда о признании незаконной принудительной госпитализации речь вовсе не идет об уничтожении медицинской документации, предусмотрено лишь внесение в нее соответствующих правок. В Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (3185-1-ЗРФ) были внесены соответствующие правки: в частности, добавлена статья 40.1, закрепившая не только особенности учета и хранения медицинских документов, сформированных в бумажном виде, но и требования к использованию медицинской документации в электронной форме (так, речь идет об обеспечении ограниченного доступа к указанным документам). Однако для того, чтобы субъекты беспрекословно подчинялись указанным выше требованиям, должен быть также определен на законодательном уровне механизм их реализации, в обратном случае существует риск того, что требования так и не будут исполнены.

В этой связи возникает вопрос о целесообразности установления механизма исполнения субъектами, оказывающими психиатрическую помощь, содержащихся в законе требований. На сегодняшний день соответствующие указания со стороны федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики в сфере здравоохранения, отсутствуют; очевидно, что решение данного вопроса прорабатывается исключительно на локальном уровне. С учетом вышеизложенного представляется, что в целях установления единообразия необходимо на федеральном уровне также предусмотреть механизм исполнения установленных требований медицинскими организациями, оказывающими психиатрическую помощь.

Безусловно, благодаря внедрению цифровых технологий становится легче процесс реализации рассматриваемой категории конституционных прав, тесно связанных с ценностью «здоровье», однако возникают проблемы из-за сложности минимизации риска утечки персональных данных и отсутствия ответственности за ошибки, возникающие в связи с использованием технологии искусственного интеллекта. Вместе с тем обозначенные трудности вовсе не должны становиться преградой для развития медицинской деятельности; напротив, накопленный практический опыт мог бы стать основой для решения данных вопросов. Государство, в свою очередь, посредством введения специального правового регулирования в рамках экспериментального правового режима (как известно, при реализации конституционного права, предусмотренного ст. 41 Конституции России, предусмотрено введение двух ЭПР: в сфере телемедицины (1164-ППРФ) и сфере, связанной с медицинской диагностикой пациента (2276-ППРФ)) стимулирует развитие условий и введение гарантий обеспечения рассматриваемых конституционных ценностей.

В научной литературе ценность «здоровье» также рассматривают в системе семейных ценностей [9, с. 426]. Охрана здоровья детей как приоритетное направление государственной политики обозначена в ст. 7 Федерального закона № 323-ФЗ. В целях реализуемой демографической политики в Российской Федерации Правительством предусмотрены «мероприятия по снижению материнской и младенческой смертности, улучшению репродуктивного здоровья» (2580-РПРФ). Примером тесной связи семейных ценностей и ценности здоровья является рассмотренное в Конституционном Суде России дело по жалобе гражданки С. (1-ПКСРФ). Вынося решение о признании неконституционными положений 323-ФЗ, которые не позволяют определить механизм «доступа членов семьи умершего к его медицинской документации», Суд трактовал медицинскую информацию об умершем родственнике как «память для членов семьи о дорогом и близком человеке», а также учитывал наличие «реальных страданий членов его семьи».

Рассматривая развитие нашего законодательства в сфере регулирования врачебной тайны, можем отметить, что учет семейных интересов, обеспечение семейных ценностей, права на уважение частной и семейной жизни становятся определяющим фактором при обеспечении доступа членов семьи к медицинской информации умершего родственника. В обозначенной

связи рассматривая ценность здоровья в рамках государственной семейной политики, стоит говорить о необходимости государственной защиты личных неимущественных прав супруга, родственника умершего пациента и о возложении дополнительных обязательств на субъектов, оказывающих медицинскую помощь.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о наличии весьма эффективного инструмента защиты конституционных ценностей в лице Конституционного Суда России, однако не стоит забывать, что на сегодняшний день существуют определенные барьеры для обращения в данный судебный орган. Введенное в связи с принятой в 2020 г. поправкой в Конституцию условие о необходимости исчерпания имеющихся средств судебной защиты приводит к тому, что лицо вынуждено долгие годы претерпевать нарушение своих интересов, пребывать в состоянии страдания, ощущать психологический дискомфорт, априори зная, что кто-то из недобросовестных сотрудников медицинского учреждения способен причинить ему вред, создать препятствия в реализации иных прав и свобод. В этой связи представляется необходимым отметить развивающееся административное судопроизводство в качестве альтернативы конституционному, также направленному на защиту интересов граждан, связанных с их здоровьем.

Рассматриваемые ценности выступают также ориентиром государственной политики в области экологического развития страны. В принятой Президентом России в 2017 г. программе стратегического планирования в области экологической безопасности установлены приоритеты развития экологического законодательства, предопределенные прежде всего необходимостью сохранения здоровья населения страны. Обеспечение благоприятной окружающей среды обусловлено первоочередной задачей сохранения здоровья граждан; в частности, отмечено, что «неблагоприятная окружающая среда является причиной ухудшения здоровья и повышения смертности населения, особенно той его части, которая проживает в промышленных центрах и вблизи производственных объектов» (УПРФ). Таким образом государство содействует реализации одновременно нескольких конституционных ценностей, установленных в ст. 7, 41 и 42 Конституции РФ: «права граждан на благоприятную окружающую природную среду», «права на сохранение здоровья нации в целом» [10, с. 71].

Рассмотрев право на охрану здоровья в ретроспективном аспекте и современной реальности, можно сделать вывод о наличии тесной взаимосвязи его нормативного содержания с развитием политических, экономических, идеологических, научно-технологических сфер нашего общества. Данная обусловленность определяет необходимость рассмотрения здоровья и права на охрану здоровья и медицинскую помощь как приоритетных благ в иерархии конституционных ценностей. Отмечая особенности их нормативного закрепления в федеральном и региональном законодательстве, можно указать на присущую им динамичность, системность, структурированность, преемственность. При этом необходимость сохранения здоровья населения является ориентиром развития государственной политики в разных сферах жизнедеятельности: экономической, социальной, экологической, научно-технологической. Учитывая усиление позиций рассма-

триваемых конституционных ценностей во многих сферах жизнедеятельности, можно заключить, что по-прежнему актуальными остаются вопросы привлечения субъектов к ответственности за утечку персональных данных; проблемы, связанные с реализацией неимущественных прав при получении медицинской помощи; отсутствие механизмов по исполнению законодательно установленных требований, по привлечению к ответственности за их нарушения. Очевидно, декларативный характер рассмотренных положений будет становиться барьером на пути обеспечения приоритетности ценности здоровья.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- КРФ – Конституция Российской Федерации (ред. от 6 окт. 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>, свободный
- 1978-КРСФСР – Конституция (Основной закон) Российской Федерации – России (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апр. 1978 г.) // Вед. Верховного Совета РСФСР. 1978. 13 апр. № 15. Ст. 407.
- 1936-КСССР – Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 дек. 1936 г.) // Изв. ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6. дек. (№ 283).
- 1-ФКЗ – Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31 июля 2023 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Рос. газ. 1994. 23 июля (№ 138-139).
- 258-ФЗ – Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Рос. газ. 2020. 6 авг. (№ 173).
- 303-ФЗ – Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 303-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу охраны здоровья граждан от последствий потребления никотинсодержащей продукции» // Рос. газ. 2020. 7 авг. (№ 174).
- 15-ФЗ – Федеральный закон от 23 февр. 2013 г. № 15-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» // Рос. газ. 2013. 26 февр. (№ 41).
- 323-ФЗ – Федеральный закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2024 г.) // Рос. газ. 2013. 26 февр. (№ 41).
- 54-ФЗ – Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Рос. газ. 2004. 23 июня (№ 131).
- 68-ФЗ – Федеральный закон от 21 дек. 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Рос. газ. 1994. 24 дек. (№ 250).
- 67-ФЗ – Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Рос. газ. 2002. 15 июня (№ 106).

- 152-ФЗ – Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Парлам. газ. 2006. 3 авг. (№ 126-127).
- КоАПРФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 8 июля 2024 г., с изм. от 18 июля 2024 г.) // Рос. газ. 2001. 31 дек. (№ 256).
- 101-ФЗ – Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (ред. от 8 дек. 2020 г.) «О международных договорах Российской Федерации» // Рос. газ. 1995. 21 июля (№ 140).
- 3185-1-ЗРФ – Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Вед. СНД и ВС РФ. 1992. 20 авг. (№ 33). Ст. 1913.
- ЗРФ – Закон РФ от 21 апр. 1992 г. № 2708-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Рос. газ. 1992. 16 мая (№ 111).
- УПРФ – Указ Президента РФ от 19 апр. 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собр. законодательства РФ (СЗ РФ). 2017. № 17. Ст. 2546.
- 1164-ППРФ – Постановление Правительства РФ от 18 июля 2023 г. № 1164 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан» / СЗ РФ. 2023. № 30. Ст. 5693.
- 2276-ППРФ – Постановление Правительства Российской Федерации от 9 дек. 2022 г. № 2276 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности с применением технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозов граждан в отношении реализации инициативы социально-экономического развития Российской Федерации “Персональные медицинские помощники”» // СЗ РФ. 2022. № 51. Ст. 9237.
- 2580-РПРФ – Распоряжение Правительства РФ от 16 сент. 2021 г. № 2580-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2021. № 39. Ст. 6751.
- 1-ПКСРФ – Постановление Конституционного Суда РФ от 13 янв. 2020 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” в связи с жалобой гражданки Р.Д. Свечниковой» // Рос. газ. 2020. 24 янв. (№ 14).
- 24-ПКСРФ – Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июня 2019 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях” в связи с жалобой гражданина В.А. Тетерина» // Рос. газ. 2019. 26 июня (№ 136).
- 31-ПКСРФ – Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2022 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности пунктов 11 и 12 части 1 статьи 79 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” в связи с жалобой гражданки Ф.» // Рос. газ. 2022. 22 июля (№ 160).

- 115-ОКСРФ – Определение Конституционного Суда РФ от 6 июня 2002 г. № 115-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 779 и пунктом 2 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестн. Конституц. Суда РФ. 2003. № 1.
- 816-ОКСРФ – Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 816-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевченко Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 и абзацем вторым статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестн. Конституц. Суда РФ. 2010. № 1.
- КОВСРФ – Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 марта 2021 г. № 84-ИКАД21-1-А1 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1983680, свободный.
- ПЦИКРФ – Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 3 апр. 2020 г. № 246/1820-7 «Об отложении голосования на выборах, референдумах на территории ряда субъектов Российской Федерации» // Вестн. Центризбиркома РФ. 2020. № 4.
- ПГГСВРФ – Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 16 окт. 2020 г. № 31 (ред. от 22 мая 2023 г.) «О дополнительных мерах по снижению рисков распространения COVID-19 в период сезонного подъема заболеваемости острыми респираторными вирусными инфекциями и гриппом» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010270001>, свободный.
- РНОС – Решение Новгородского областного суда от 22 июня 2020 г. по административному делу № 03а-69/2020 по административному исковому заявлению Черепановой К.Ф. к Избирательной комиссии Новгородской области о признании недействующим постановления Избирательной комиссии Новгородской области от 30 марта 2020 года № 105/4-6 «О переносе даты голосования на дополнительных выборах депутата Новгородской областной Думы шестого созыва по одномандатному избирательному округу № 9» // Официальный сайт Новгородского областного суда. URL: https://oblsud--nvg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=5040163&case_uid=56d104a1-5058-49a4-8512-ee2c4fd73282&delo_id=41&new=0, свободный.
- РВСРХ – Решение Верховного Суда Республики Хакасия от 30 июня 2020 г. № А-67/20 о признании недействующим Закона Республики Хакасия от 6 марта 2020 г. № 11-ЗРХ «О запрете оборота на территории Республики Хакасия бестабачной никотинсодержащей продукции, электронных систем доставки никотина и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Хакасия в связи с установлением административной ответственности за нарушение данного запрета» // Верховный Суд Республики Хакасия. URL: https://vs--hak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=9468681&case_uid=f4835827-a4df-4fb9-9952-1acb3d875ca6&delo_id=41&new=0, свободный.
- РВСРТ – Решение Верховного суда (ВС) Республики Тыва от 19 окт. 2020 г. № 3а-38/2020 «О признании недействующим Закона Республики Тыва от 06.04.2020 № 583-ЗРТ “О запрете оборота на территории Республики Тыва бестабачной никотинсодержащей продукции, предназначенной для потребления никотина способами, отличными от курения табака”» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=287318#4KILrJUyqfKQ7sVX2/>, свободный.

Литература

1. Бояк Т.Н. Здоровье как ценность // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. № 9. С. 142–146.
2. Елистратова А.А., Шаранова И.А., Павлова Л.А. Социальная ценность здоровья // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2016. Т. 6, № 5. С. 555. URL: <https://medconfer.com/files/archive/2016-05/2016-05-231-T-6376.pdf>, свободный.
3. Прокофьева М. Здоровье – экономическая ценность // Высшее образование в России. 2004. № 4. С. 174–176.
4. Кудашов В.И. Ценности здоровья в техногенном мире // Сибирское медицинское обозрение. 2007. Т. 43, № 2. С. 89–91.
5. Тимофеев И.В. Развитие конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь, его судебную и внесудебную защиту: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4 (59). С. 77–81. <https://doi.org/10.12737/21250>.
6. Хурматуллина А.М. Проблемы реализации конституционной ценности – права на труд // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 20–24.
7. Глодина А.В. О понимании административного судопроизводства // Вестн. ВГУ. Сер.: Право. 2016. № 2. С. 137–144.
8. Карпов О.Э., Храмов А.Е. Прогностическая медицина // Врач и информационные технологии. 2021. № 3. С. 20–37. https://doi.org/10.25881/18110193_2021_3_20.
9. Юшачкова Т.Б. Ценность здоровья в семье // Учен. зап. ун-та им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 11 (165). С. 425–429.
10. Листопад О.Ф. Основные направления развития экологического законодательства Российской Федерации в сфере обеспечения благоприятной окружающей среды в населенных пунктах // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 1 (103). С. 68–72.

Поступила в редакцию 20.05.2024

Принята к публикации 15.07.2024

Хурматуллина Алсу Махмутовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: akm551@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.40-54

Human Health as a Constitutional Value in Priority Areas of the State Policy

A.M. Khurmatullina

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *akm551@mail.ru*

Received May 20, 2024; Accepted July 15, 2024

Abstract

The health and well-being of the population are two core values that underpin the Russian state policy. With digitizing healthcare, a growing interest has been witnessed in the constitutional value of health, as well as the right to healthcare and medical assistance. This focus is essential for the development of the Russian healthcare legislation and state policy strategies. Here, the normative content of the right to healthcare was explored from historical and current perspectives. The study used both standard (analysis and synthesis) and some specific (historical, statistical, logical and comparative legal) methods. The analysis was based on the constitutional provisions of the Soviet era and the Constitution of 1993; the laws and regulations of the federal Russia that concern healthcare and define the priority areas of the Russian state policy; and the legal interpretations from the Constitutional Court of the Russian Federation and general jurisdiction courts. Particular attention was given to the role of health in different areas of life, such as the economy, society, environment, science, and technology. The retrospective research on the constitutional regulation of the social value of health during the Soviet era was performed. The normative content of this value and its components in the current Russian legislation was identified. Guarantees for the right to healthcare and medical assistance in the priority areas of the Russian state policy were considered. Recommendations to improve these established guarantees were designed.

Keywords: health, value, constitutional value, right to healthcare, legal regulation, protection, the Constitution of the Russian Federation, court, security

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Boyak T.N. Health as a value. *Zdorov'e i Obrazovanie v XXI Veke*, 2016, no. 9, pp. 142–146. (In Russian)
2. Elistratova A.A., Sharapova I.A., Pavlova L.A. The social value of health. *Byulleten' Meditsinskikh Internet-Konferentsii*, 2016, vol. 6, no. 5, p. 555. URL: <https://medconfer.com/files/archive/2016-05/2016-05-231-T-6376.pdf>. (In Russian)
3. Prokof'eva M. Health as an economic value. *Vyshee Obrazovanie v Rossii*, 2004, no. 4, pp. 174–165. (In Russian)
4. Kudashov V.I. Health values in the technogenic world. *Sibirskoe Meditsinskoe Obozrenie*, 2007, vol. 43, no. 2, pp. 89–91. (In Russian)
5. Timofeev I.V. Development of the constitutional right to healthcare and medical assistance, its judicial and extrajudicial protection: A comparative legal research. *Zhurnal Zarubezhnogo Zakonodatel'stva i Sravnitel'nogo Pravovedeniya*, 2016, no. 4 (59), pp. 77–81. <https://doi.org/10.12737/21250>. (In Russian)

6. Khurmatullina A.M. The problems of realization of the constitutional value – right to labor. “*Chernye Dyry*” v Rossiiskom Zakonodatel'stve, 2013, no. 6, pp. 20–24. (In Russian)
7. Glodina A.V. On the understanding of administrative proceedings. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo*, 2016, no. 2, pp. 137–144. (In Russian)
8. Karpov O.E., Khramov A.E. Predictive medicine. *Vrach i Informatsionnye Tekhnologii*, 2021, no. 3, pp. 20–37. https://doi.org/10.25881/18110193_2021_3_20. (In Russian)
9. Yushachkova T.B. The value of family health. *Uchenye Zapiski Universiteta imeni P.V. Lesgafta*, 2018, no. 11 (165), pp. 425–429. (In Russian)
10. Listopad O.F. Main directions in the development of the Russian environmental legislation to ensure a favorable environment in residential areas. *Rossiiskoe Pravo: Obrazovanie, Praktika, Nauka*, 2018, no. 1 (103), pp. 68–72. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Хурматуллина А.М. Конституционная ценность «здоровье человека» в приоритетных направлениях государственной политики // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 40–54. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.40-54>. ⟩

⟨ **For citation:** Khurmatullina A.M. Human health as a constitutional value in priority areas of the state policy. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 3, pp. 40–54. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.40-54>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.76

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.55-68

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ (ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА ПАНДЕМИИ)

О.А. Колоткина, И.Д. Ягофарова

*Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург,
620144, Россия*

Аннотация

Процессы глобализации охватили все сферы общественной жизни и придали многим явлениям современности как положительные, так и отрицательные черты. Одной из новых мировых тенденций стало масштабное распространение вирусных инфекций, которые оказали прямое воздействие на экономику, политику, систему управления большинства государств. Отмечается, что в период пандемии многие страны, включая Россию, вводили жесткие ограничения права на передвижения, свободу слова и т. д. с целью предотвращения дальнейшего распространения инфекции и этот факт активно дискутировался как в научном сообществе, так и среди юристов-практиков. Проведенный анализ зарубежного и российского опыта пандемийного периода дает основания говорить о необходимости нормативного закрепления нового понятийного аппарата, а также формирования перечня возможных и необходимых мер, которые могут вводить органы государственной власти в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Сделан вывод о необходимости конкретизации определенных положений законодательства в части уточнения оснований для ограничений прав и свобод человека в период эпидемий вирусного характера.

Ключевые слова: ограничения прав и свобод человека, правовой статус, пандемия, национальная безопасность, основания ограничения прав и свобод человека

Провозглашение и закрепление прав и свобод человека, вне всякого сомнения, являются неотъемлемым условием правопорядка и торжества демократических устоев современного мироустройства. Дискуссионным остается лишь вопрос содержания базового перечня прав и свобод. Также общепризнанными представляются необходимость и целесообразность ограничительных мер в отношении некоторых прав и свобод человека. Сущностные характеристики, цель и пределы ограничений прав и свобод предметно анализируются в правовой литературе. Их ограничение преимущественно рассматривается как экстраординарная мера, результатом применения которой является временное приостановление возможности субъекта пользоваться своими правами в целях обеспечения защиты интересов общества и государства [1, с. 13].

В современной юридической науке и практике отсутствует единое и универсальное понимание ограничения прав и свобод человека. Исследователи рассматривают обозначенную категорию с различных позиций, пытаясь выработать

наиболее подходящее определение, но так или иначе все позиции опираются на значение, которое содержится в Конституции РФ. Это в большой степени ограничивает понимание философской сущности изучаемой категории.

По мнению В.И. Гоймана, ограничение права представляет собой значительное сокращение его объема в соответствии с положениями законодательства [2, с. 26–27]. Но в данном случае не предусмотрены варианты умаления определенных возможностей человека, что предполагает не просто сокращение объема права, но и его полное лишение. Также дискуссионной является трактовка ограничения прав и свобод, предложенная А.С. Мордовцем, который видит в ограничении стимул к реализации социально-полезного поведения. Однако и приведенное понимание представляется узким, поскольку акцент делается на субъективной стороне поведения субъекта без учета иных факторов [3, с. 17]. Более того, стоит признать, что не все субъекты воспринимают ограничения как основание для положительного поведения, о чем красноречиво свидетельствует правоприменительная практика.

Важно отметить, что значительная часть теоретиков рассматривает ограничение права как реализацию охранительной функции. К примеру, Н.В. Макарейко считает, что степень ограничений прав человека является наиболее ярким показателем правовой государственности [4, с. 8]. А.В. Малько видит в ограничении оборотную сторону стимулов, которые могут быть эффективными только в результате установления их баланса с ограничениями [5, с. 39–40].

Также надо указать на то, что некоторые исследователи считают ограничения прав обязательным и неотъемлемым элементом правоприменительной практики административных органов [6, с. 74] и даже отдельно выделяют административно-правовые ограничения в отдельную отраслевую группу в силу их значимости и используемости в административной практике [7, с. 127].

Ограничение как особое средство воздействия на общественные отношения может выполнять несколько функций. Прежде всего, оно является основной формой государственного принуждения, в силу чего возможна реализация юридической ответственности, которая также представляет собой ограничение основных прав человека, в чем проявляется карательная функция ограничений. Кроме того, ограничения могут выполнять превентивную функцию, направленную на сдерживание распространения определенных угроз или неправомерного поведения субъектов. Помимо этого, ограничение носит стимулирующий характер, заставляя государства разрабатывать меры реагирования на нестандартные ситуации, которые могут появиться в будущем. Но при этом надо учитывать положения конституционного законодательства, которое четко устанавливает предельность ограничений путем обозначения целей его введения, принципов установления и т. д. Также в Конституции РФ определен перечень прав человека, которые не подлежат ограничениям ни при каких ситуациях, они носят абсолютный характер, что в полной мере соответствует международным стандартам защиты прав и свобод.

Конституционные права и свободы человека представляют собой незыблемую основу правопорядка, о чем постоянно упоминает Президент РФ В. Путин в своих выступлениях. Признавая права и свободы человека высшей ценностью

(ст. 2 КРФ), государство признает и примат личных интересов над государственными [1, с. 13]. Именно поэтому любое ограничение рассматривается как исключительная мера, которая влечет за собой временное лишение субъекта возможности пользоваться своими правами.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что ограничения прав и свобод человека имеют своими пределами цели, направленные на соблюдение и обеспечение оптимума между интересами государства и личности. Кроме того, любое ограничение прав и свобод – это, скорее, исключение, чем правило.

В условиях глобализации государствам приходится отвечать на новые вызовы, представляющие угрозу для национальных интересов страны в целом и правового статуса личности в частности. В последние несколько лет мир столкнулся с вирусными инфекциями, которые отличаются от иных своей скоростью, масштабами и последствиями распространения.

Пандемия, по мнению многих специалистов [8, с. 70], встала в один ряд с наиболее страшными испытаниями. Однако если к техногенным, климатическим катастрофам мир уже «привык», то вирусная пандемия «открыла» новые грани бедствия, для противодействия которому нет определенных инструментов, несмотря на то что она охватила практически все страны мира. Особенность угроз, связанных с вирусными инфекциями, заключается в том, что они затрагивают в первую очередь здравоохранение, но далее распространяются на социально-экономическую, политическую, идеологическую сферы жизнедеятельности. Г.В. Романовский относит пандемию к «гибридным угрозам», представляющим собой комплексное явление, сопряженное с рядом проблемных вопросов в различных сферах деятельности и охватывающее обширную часть земного шара. Гибридная угроза приводит к негативным изменениям в экономике государства (к примеру, в Китае в результате ковидной инфекции впервые за долгое время был зафиксирован спад экономического развития), политике (можно вспомнить массовые забастовки в Европе в результате ограничительных мер со стороны государства), сфере управления (переход на дистанционные формы взаимодействия граждан и государственных органов) и т. д. [9, с. 35].

Именно в пандемийный период актуализировалась проблема законности ограничения прав и свобод человека. Анализ этого сложного для многих стран периода показал, что большинству из них пришлось отступить от устоявшейся модели либерального государства, где интересы и потребности личности находились на первом плане. Государства были вынуждены использовать авторитарные методы правового воздействия, в результате которых на определенные права и свободы налагались существенные ограничения. Ограничениям подверглись право на передвижение, право на труд, право на получение достоверной информации, право на образование и многие другие. Упомянутый факт вызвал волну возмущения среди населения и привлек внимание научного сообщества и юристов-практиков, поскольку обнаружились абсолютно новые обстоятельства, требовавшие введения ограничительных мер, и сложился новый механизм ограничительного воздействия, что до сих пор является дискуссионным [10, с. 4–6; 11]. Специалисты обсуждают вопрос законности подобных действий и приоритета ценностей: можно ли было обойтись без вышеупомянутых мер или же это было

необходимо в целях обеспечения общественной безопасности? Единообразия при ответе на этот вопрос не существует.

Закрытия границ, введения карантинных мер по ограничению социальных контактов и даже объявления локдаунов (то есть национальной изоляции) не избежали многие страны мира. Наиболее строгими ограничения были в Италии, Франции, Германии, Индии, Китае и др., менее строгими – в Великобритании, России, Беларуси и др. [12, с. 6]. Общей тенденцией для большинства государств стало перераспределение баланса сил в пользу исполнительной власти, что довольно закономерно. Быстро меняющаяся ситуация с пандемией требовала срочных ответных мер, которые часто были бы невозможны в рамках «традиционных» (более длительных) законодательных процессов [13, с. 20].

В России также рассматривались различные варианты введения ограничительных мер в связи с пандемией. Положения Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (3-ФКЗ) содержат четкий алгоритм действий, разрешающих вводить ограничения прав и свобод человека в условиях чрезвычайного положения, что вполне соответствовало ситуации 2020 г. Однако, по мнению ряда исследователей [14, с. 33], власти отказались от применения упомянутого закона в силу его негибкости. Особенностью распространения инфекции по территории России была ее неравномерность, что требовало введения ограничительных мер различного уровня и жесткости с учетом сложившейся ситуации в регионах. Стоит отметить, что в литературе велись дискуссии относительно сложности применения положения 3-ФКЗ в ситуациях, возникших в силу эпидемий, вирусных инфекций и т. п. [15, с. 56].

За минимально короткий промежуток времени в России был выработан абсолютно новый правовой режим – режим повышенной готовности. Для этого были внесены изменения в ФЗ от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (68-ФЗ). Внесенные изменения предоставили органам государственной власти всех уровней широкий объем полномочий в целях принятия локальных мер ограничительного характера. Помимо этого, согласно Указу Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 (УП 239), главы субъектов РФ были наделены комплексом прав на разработку и внедрение ряда ограничительных мер, виды которых зависели от ситуации в каждом конкретном регионе, менялись и дополнялись по мере необходимости. Но практически везде был введен особый порядок передвижения по территории конкретного субъекта РФ с учетом санитарно-эпидемиологической ситуации, что и вызвало массу сложностей и недовольства со стороны населения.

Режим повышенной готовности был введен в преобладающем большинстве субъектов России к середине марта 2020 г. Если изначально в условиях режима повышенной готовности населению лишь рекомендовалось оставаться дома, то в течение всего нескольких недель рекомендация стала обязанностью, за невыполнение которой следовало наложение санкций, в первую очередь – штрафов. Некоторые субъекты РФ, где действовала наиболее жесткая «антиковидная» политика, пошли даже на введение системы контроля за перемещениями граждан. Так, к примеру, в Татарстане действовала пропускная система «Цифровой гвар-

деец»; в Москве, Московской и Нижегородской областях – коды, состоящие из цифр и букв (QR-коды); в Липецкой области – телеграм-бот [16, с. 63].

В целом законодательство, вводившее ограничительные меры, направленные на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, вызвало неоднозначную реакцию. Некоторые граждане посчитали, что проводимые государством мероприятия незаконно ограничивают права и свободы, гарантированные им Конституцией РФ. Это привело к большому количеству судебных обращений, направленных против органов исполнительной власти субъектов с намерением запретить им ограничивать права и свободы человека и гражданина [17, с. 55]. Практика решения подобных дел неоднозначна.

Стоит подчеркнуть, что подобные ситуации имели место не только в России. Многие европейские государства, относящиеся к высокоразвитым и демократическим, в условиях распространения пандемии столкнулись с беспрецедентной «атакой» на выработанные многолетней практикой ценности, закрепленные в многочисленных актах о защите прав и свобод человека. И если сначала казалось, что меры борьбы с коронавирусом носят временный характер и далее все вернется в привычные рамки, то спустя год стало понятно, что традиционная система устоявшихся прав и свобод человека, а также признанные основания и цели их ограничений стали претерпевать существенные изменения.

Справедливость вышеизложенного подтверждает также и практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Там можно выделить новую категорию дел, которые массово рассматривались во время пандемии и касались ограничений прав и свобод именно в обозначенный период. Исследователи, занимающиеся анализом практики Европейского суда, отмечают, что в пандемию было подано рекордное количество жалоб. В большинстве своем заявители требовали признать действия властей нарушающими их права, что было связано, к примеру, с закрытием фитнес-клубов, ресторанов, запретом посещения государственных учреждений и т. д., требуя в связи с вышеизложенным возмещения морального вреда и компенсации затраченных средств.

Некоторые специалисты объясняют увеличение количества жалоб тем, что мировое сообщество давно не сталкивалось с эпидемиологической угрозой масштабного характера, поэтому многие государства, будучи не готовыми к такому повороту событий, стали спешно принимать законы, направленные на ограничение основных прав человека, касающихся передвижения, трудовых отношений, образования, медицинской помощи и т. д. Это было связано с «благим намерением» государств остановить распространение угрозы, пусть даже с помощью в определенной степени агрессивных методов.

Стоит отметить, что до сих пор ЕСПЧ не торопится выносить решения о признании действий правительства многих государств неправомерными. Однако определенная правовая позиция суда уже сложилась, что явно следует из решения дела «Фенек против Мальты», где заявителю было отказано в принятии жалобы по причине ее неприемлемости (Реш.ЕСПЧ1). Обосновывая свою позицию, суд исходил из того, что меры, предпринятые государством, были единственно возможными в условиях чрезвычайной ситуации и имели своей целью обеспечение защиты здоровья и интересов всего общества. Пандемия стала рассматриваться как осо-

бый случай, который в перспективе мог иметь непредсказуемые последствия, в силу чего требовалось принятие таких же исключительных мер временного характера. Таким образом, суд встал на позицию, согласно которой государством был предотвращен большой вред за счет минимальных потерь. Аналогичным является и решение ЕСПЧ по делу «Замбрано против Франции» (Реш.ЕСПЧ2). Принятые меры ограничительного характера были соразмерны возможным последствиям. Необходимо отметить, что принципы соразмерности, пропорциональности и обоснованности являются наиболее часто используемыми в практике установления ограничений прав и свобод для предотвращения угрозы государству и обществу.

На экспертном уровне выработана достаточно справедливая точка зрения по обозначенному вопросу. Дж. Гроган настаивает на том, что пандемия выявила острые проблемы с реальным действием принципа верховенства права. Многие меры по борьбе с коронавирусной инфекцией были неопределенными в своем значении, произвольными в своем применении и имели сомнительную правовую основу [18, р. 365]. В целом ряде государств специализированный надзор за действиями властей был ограничен или вовсе отсутствовал, притом что принимаемые законы создавали опасность необратимого сдвига баланса сил в сторону исполнительной власти. Н.Т. Казальс констатирует, что, с одной стороны, законодательные инициативы соответствовали остроте ситуации, требуя немедленных действий для сохранения жизни и здоровья граждан, а с другой – риски злоупотребления чрезвычайными полномочиями со стороны правительств становились все более очевидными [19]. Можно заключить, что в условиях столь кризисной ситуации вопрос ограничения основных прав и свобод человека стал объектом пристального внимания, не имеющим однозначной оценки.

В России пандемия также вызвала необходимость применения комплекса принудительных мер ограничительного характера, использованных в отношении конституционных прав и свобод, что обоснованно поставило вопрос об их правомерности. Т.Я. Хабриева однозначно говорит о том, что в Российской Федерации, как и в зарубежных странах, меры борьбы с пандемией затронули, наряду с индивидуальными, и коллективные права человека. В той или иной степени были ограничены все категории прав – экономические, политические, социальные, личные, культурные [20, с. 7]. Не мог остаться в стороне от данной проблемы Конституционный суд РФ, Постановление которого от 25 декабря 2020 г. № 49-П стало знаковым (49-П). Основанием рассмотрения были меры, принятые Правительством Московской области и направленные на ограничение свободы передвижения граждан. Анализируя все обстоятельства, Конституционный суд РФ не нашел нарушений, поскольку введенные меры носили временный характер, предусматривали гарантии и всяческие компенсации. Суд исходил из того, что наиболее ценными являются жизнь и здоровье человека и для их обеспечения и защиты (а это является обязанностью государства) могут ограничиваться иные права и свободы. Иными словами, Конституционный суд РФ признал обоснованность и целесообразность «опережающего регулирования» ситуации с учетом приоритетности обеспечения безопасности и благополучия населения. Но потребовалось определенное время для осознания того, что упомянутые меры стали «барьером» для более пагубных последствий.

Многие исследователи поддерживают обозначенную позицию Конституционного Суда РФ, обосновывая это тем, что подобное «опережающее правовое регулирование» впоследствии было легитимировано правовыми актами федерального уровня и позволило избежать «драконовских» мер, направленных на более жесткие ограничения прав и свобод человека [21, с. 45; 2, с. 20]. По мнению Е.А. Соболевой, губернатором Московской области в подобной нестандартной ситуации было принято абсолютно верное, оправданное решение; оно обосновано намерением предотвратить больший вред, что впоследствии было признано судом правомерным в силу позитивной мотивации. Это решение не может расцениваться как нарушение или противоречие положениям Конституции РФ.

Согласно мнению М.Н. Шалберкиной, подобное решение Конституционного суда РФ выглядело как средство, направленное на усиление гарантий права на охрану здоровья, что, в свою очередь, ущемляло иные права человека [22, с. 84]. Однако стоит признать, что ограничения, введенные государством в 2020 г., носили характер вынужденных и неизбежных, но именно они смогли предотвратить более серьезные последствия. Население со временем осознало опасность происходящего, и со временем был достигнут определенный компромисс с административной властью, что позволило ввести в ежедневную практику требуемые административные предписания.

Что же касается режима чрезвычайного положения, то государство не стало его вводить, дабы не применять более жесткие меры, направленные не только на ограничение прав и свобод граждан, но и на их нарушение.

Но есть и иная позиция по оценке подхода, предложенного Конституционным Судом РФ. Так, ряд авторов отмечает, что правовое признание ситуативного нормотворчества органов публичной власти, получившего название «вируспруденция», опасно. В данном случае критерием его правомерности стало соответствие не действующему законодательству, а будущему закону, который должен будет появиться через неопределенное время. Тем самым создается абсолютно легальное основание для осуществления любых иных действий, направленных в том числе и на ограничение прав и свобод человека [23, с. 22]. Таким образом создан прецедент, дающий возможность использовать подобную практику в будущем. Ключевая проблема кроется в том, что судьи стали оценивать не факт пригодности данных мер в конкретной ситуации, а их соразмерность в узком смысле, что и вызвало дискуссии в правовом сообществе.

Таким образом, пандемия стала серьезной проверкой действия механизма ограничений прав и свобод человека. Это стало хорошим практическим опытом для оценки эффективности и реальности законодательства.

Для правильного и быстрого реагирования на подобные ситуации в будущем необходима трансформация правовой базы в сторону специализации законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», являющийся базовым в данном случае, не в полной мере соответствует целям противодействия вирусным эпидемиям. Он имеет массу преимуществ, но они в своем большинстве связаны с борьбой с природными и техногенными катастрофами.

Полученный во время пандемии опыт необходимо использовать уже сейчас, не дожидаясь повторения аналогичных ситуаций, путем закрепления на федеральном уровне понятий «карантин», «масочный режим», «режим самоизоляции»; указания того, кто, как и на какой период может вводить необходимые ограничения. Стоит подчеркнуть, что все упомянутые термины довольно активно употребляются на законодательном и подзаконном уровне, но при этом своего легального определения они не имеют. Это объясняется в том числе и тем, что по мере стабилизации ситуации стал постепенно снижаться интерес к обозначенной теме, многие меры стали для населения привычными. Мы все же считаем, что соответствующие нормы о «самоизоляции», «социальной дистанции» и т. д. должны появиться также и в тексте Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (52-ФЗ), поскольку в нем говорится о возможных мерах ограничительного характера. При этом необходимо помнить, что основания, условия введения ограничений прав и свобод установлены ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, где четко указано, что ограничения могут вводиться только федеральным законом, что полностью согласуется с п. «в» ст. 71, относящей регулирование таких прав и свобод к исключительному ведению Российской Федерации.

Стоит согласиться с Н.В. Варламовой, которая отмечает, что наделение чрезвычайными полномочиями является стандартным механизмом преодоления кризисных ситуаций, однако это должно быть направлено на защиту Конституции РФ, а не на подрыв ее основополагающих принципов. Для сохранения устойчивости всей правовой системы государства концептуальным основам права следует оставаться неизменными [24, с. 28].

Кроме того, проблемой является также и правовая неопределенность, касающаяся законодательной и правоприменительной практики, что выражается в нечеткой формулировке норм и неверной их интерпретации, а также, соответственно, и в применении. Отсутствие необходимой информации о вирусной инфекции не позволяло сформировать четкий план борьбы, поэтому предпринимавшиеся тогда действия носили в большинстве своем непредсказуемый и непоследовательный характер. Многие меры борьбы становились известны уже после их принятия, что не давало возможности к ним подготовиться. Для предотвращения подобных ситуаций в будущем необходимо обеспечить слаженность процесса взаимодействия органов власти. Прежде всего это касается правотворческой деятельности федеральной и региональных властей, поскольку разобщенность действий привела к слабому контролю за ситуацией во многих регионах. Выразилось это, к примеру, в отсутствии единого подхода к необходимости перевода работы компаний на удаленный режим, каждый субъект устанавливал собственные правила, что вызывало массу вопросов к целесообразности и обоснованности подобных мер.

В рассматриваемый период расширились полномочия исполнительной власти в сфере ограничений прав и свобод человека, что стало возможным на основе коллизионного законодательства. Это проявлялось в осуществлении контрольных мероприятий, привлечении граждан к мерам ответственности. Указанных действий возможно избежать путем обеспечения соответствия действий

исполнительных органов власти требованиям законности, пропорциональности и целесообразности, что будет способствовать укреплению доверия населения. Содержание указанных принципов также должно быть детализировано в законодательстве и правоприменительной практике.

Для противодействия популистским решениям и чрезмерным ограничениям необходимо установление контакта властей с представителями общественности. Диалог с гражданами поможет избежать многих ошибок, недоработок при создании нормативных актов и в практике их реализации.

Подобные кризисные ситуации являются проверкой эффективности законодательства, выявляя в нем пробелы и коллизии. В посткризисные ситуации государству важно переосмыслить полученный опыт, трансформировать собственное законодательство с учетом имеющихся обстоятельств и приобретенных знаний. Сравнение с зарубежной практикой преодоления пандемии также является основанием для обсуждения и возможного заимствования положительного опыта.

Для внесения необходимых изменений в законодательство требуется правовая определенность в вопросах разработки нормативной базы для взаимодействия органов власти, обеспечения их единообразия с учетом особенностей структуры законодательства. Важно закрепить правила и условия информирования населения, что будет способствовать координации совместных усилий. Полезным также является и зарубежный опыт, заключающийся в создании координационного органа для решения стратегических вопросов и принятия универсальных решений. Это сможет нивелировать противоречия между федеральными и региональными властями, будет способствовать предотвращению безосновательных и чрезмерных ограничений и разработке опережающего законодательства.

Современные процессы глобализации динамичны и связаны с массой положительных и негативных последствий, что отражается на правовом статусе субъектов. Государства должны быть готовы к чрезвычайным ситуациям различного рода и способны разработать методику оперативного реагирования законодательных и исполнительных органов власти на имеющиеся обстоятельства. Действиям органов власти необходимо быть согласованными и направленными на достижение баланса между публичными и частными интересами, что является условием прогрессивного развития государства в целом.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

КРФ – Конституция Российской Федерации (ред. от 6 окт. 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>, свободный.

Реш.ЕСПЧ1 – Информация о Решении ЕСПЧ от 23 марта 2021 г. по делу «Фенек (Fenech) против Мальты» (жалоба № 19090/20) // Кодексы онлайн. URL: <https://apkrfkod.ru/pract/informatsiia-o-reshenii-espch-ot-23032021-po-delu-fenek-fenech-protiv-malty-zhaloba-n-1909020/>, свободный.

Реш.ЕСПЧ2 – ЕСПЧ и ковид. Судебные споры из-за пандемии и ограничений. URL: <https://european-court-help.ru/espch-i-kovid-sudebnye-spory-iz-za-pandemii-i-ogranichenij/>, свободный.

49-П – Постановление Конституционного Суда РФ от 25 дек. 2020 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области”» // Рос. газ. 2021. 15 янв. (№ 6).

УП 239 – Указ Президента РФ от 2 апр. 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Рос. газ. 2020. 3 апр. (№ 72).

68-ФЗ – Федеральный закон от 21 дек. 1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собр. законодательства РФ (СЗ РФ). 1994. № 35. Ст. 3648.

52-ФЗ – Федеральный закон от 30 мар. 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

3-ФКЗ – Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

Литература

1. Агапов А.Б. Гуманизация, или Апология публичного принуждения // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 11–17. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-5-11-17>.
2. Гойман В.И. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. 1998. № 7. С. 20–43.
3. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина: теорет.-правовое исслед.: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997. 384 с.
4. Макарейко Н.В. Административная ответственность в системе юридической ответственности // Административное право и процесс. 2019. № 12. С. 5–11.
5. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Юрист, 2004. 248 с.
6. Ярковой С.В. Понятие и основные черты административной правоприменительной деятельности // Административное право и процесс. 2017. № 4. С. 73–76.
7. Кононов П.И. Современное административное право России: опыт системно-правовой характеристики // Рос. юрид. журн. 2018. № 1. С. 122–136.
8. Егорова М.А., Дюфло А., Шпаковский Ю.Г. Современные проблемы правового регулирования смягчения угроз для населения и бизнеса последствий пандемии коронавируса COVID-19 // Юрист. 2020. № 11. С. 69–74. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-11-69-74>.
9. Романовский Г.Б. 2019-nCoV как гибридная угроза системе прав человека // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 34–37. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-7-34-38>.
10. Гриценко Т.А., Козут В.Г. Соотношение понятий «право» и «свобода» в контексте исследования механизмов ограничения конституционных прав в период пан-

- демии // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 3–7. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2022-1-3-7>.
11. *Poorhashemi A.* How the Covid-19 crisis affects individual rights and freedoms. A New Crisis in International Law? // Global Research. 2021. Aug. 14. URL: <https://www.globalresearch.ca/global-decline-human-rights-conditions-new-crisis-international-law/5721095>, свободный.
 12. *Лунгу Е.В.* Влияние пандемии коронавируса на конституционные правоотношения // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 5. С. 3–7.
 13. *Денисова Е.Л., Борисова И.Д.* Ограничение принципа неприкосновенности частной собственности в период пандемии: сравнительный анализ // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1. С. 17–22. <https://doi.org/10.24412/2073-3305-2024-1-17-22>.
 14. *Брежнев О.В.* Проблема «антиковидных» правоограничений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы рос. права. 2022. Т. 17, № 2. С. 32–39. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.135.2.032-039>.
 15. *Пьянкова А.Ф.* Правовые основания введения в регионах России мер, препятствующих распространению новой коронавирусной инфекции // Закон. 2020. № 5. С. 53–59.
 16. *Агальцова М.В., Иманова Т.В. кызы.* Самоизоляция: анализ законности и конституционности антивирусных мер // Закон. 2020. № 5. С. 60–70.
 17. *Павликов С.Г.* К вопросу об ограничении конституционных прав (на примере предпринимательской деятельности в сфере цифровых технологий) // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 54–55. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-8-54-55>.
 18. *Grogan J.* COVID-19, the rule of law and democracy. Analysis of legal responses to a global health crisis // Hague J. Rule Law. 2022. V. 14, No 2. P. 349–369. <https://doi.org/10.1007/s40803-022-00168-8>.
 19. *Casals N.T.* Covid-19 and states of emergency // Global Challenges. 2020. No 1 (Spec. Issue: Politics of the coronavirus pandemic). Art. 4. URL: https://globalchallenges.ch/issue/special_1/covid-19-and-states-of-emergency, свободный.
 20. *Хабриева Т.Я.* Управление пандемическим кризисом на основе права: мировой и российский опыт // Журн. рос. права. 2021. Т. 25, № 2. С. 5–16. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.015>.
 21. *Соболева Е.А.* Региональное правотворчество в сфере защиты политических прав и свобод: возможности и пределы // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 43–49. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-2-43-49>.
 22. *Шалберкина М.Н.* Правовые проблемы разработки и внедрения механизмов защиты конституционных прав граждан в условиях пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы рос. права. 2022. Т. 17, № 10. С. 83–89. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.143.10.083-089>.
 23. Правовые итоги – 2020 / Алебастрова И., Рассказова Н., Савельев А. [и др.] // Закон. 2021. № 1. С. 19–40.
 24. *Варламова Н.В.* Пандемия COVID-19 как вызов конституционному правопорядку // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6 (139). С. 17–30. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2020-6-17-30>.

Поступила в редакцию 20.04.2024

Принята к публикации 25.06.2024

Колоткина Оксана Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования

Уральский государственный экономический университет

ул. 8 Марта, д. 62, г. Екатеринбург, 620144, Россия

E-mail: oks-kolotkina@yandex.ru

Ягофарова Инара Дамировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования

Уральский государственный экономический университет

ул. 8 Марта, д. 62, г. Екатеринбург, 620144, Россия

E-mail: vaina3@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 3, pp. 55–68

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.55-68

Limitation of Human Rights and Freedoms amid New Global Challenges (Lessons from the Pandemic)

O.A. Kolotkina, I.D. Yagofarova***

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, 620144 Russia

E-mail: *oks-kolotkina@yandex.ru, **vaina3@yandex.ru

Received April 20, 2024; Accepted June 25, 2024

Abstract

Globalization has had far-reaching effects on all key spheres of public life, leading to mixed outcomes, both positive and negative. One of the recent global trends is the fast and large-scale spread of viral infections, which has profoundly reshaped the economic landscapes, political environments, and government systems of most states. As the COVID-19 pandemic progressed, governments worldwide were forced to impose unprecedented restrictions that interfered with fundamental human rights, such as the freedom of movement and speech, to curb the virus spread. It sparked rigorous debate among the academic community and practicing lawyers. This article overviews the measures taken by Russia and other states in response to the COVID-19 pandemic. The obtained results highlight the need to legally establish new conceptual frameworks related to disease control, as well as to develop clear legal guidelines on optional and mandatory steps that public authorities should take in order to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population. Therefore, it was concluded that certain legal provisions must be specified to define the grounds and extent to which the rights and freedoms of citizens can be limited in case of viral epidemics.

Keywords: limitation of human rights and freedoms, legal status, pandemic, national security, grounds for limitation of human rights and freedoms

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Agapov A.B. Humanization, or the apology of public coercion. *Administrativnoe Pravo i Protssess*, 2023, no. 5, pp. 11–17. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-5-11-17>. (In Russian)
2. Goiman V.I. Principles, limits, and grounds for limiting human rights and freedoms under Russian legislation and international law. *Gosudarstvo i Pravo*, 1998, no. 7, pp. 20–43. (In Russian)

3. Mordovets A.S. Socio-legal mechanism for ensuring human and civil rights. *Doct. Law Diss.* Saratov, 1997. 384 p. (In Russian)
4. Makareiko N.V. Administrative liability in the system of legal liability. *Administrativnoe Pravo i Protssess*, 2019, no. 12, pp. 5–11. (In Russian)
5. Mal'ko A.V. *Stimuly i ogranicheniya v prave* [Incentives and Restrictions in Law]. Moscow, Yurist", 2004. 248 p. (In Russian)
6. Yarkovoi S.V. The concept and main features of administrative law enforcement. *Administrativnoe Pravo i Protssess*, 2017, no. 4, pp. 73–76. (In Russian)
7. Kononov P.I. Modern administrative law in Russia: A systemic and legal assessment. *Rossiiskii Yuridicheskii Zhurnal*, 2018, no. 1, pp. 122–136. (In Russian)
8. Egorova M.A., Duflo A., Shpakovskii Yu.G. Current problems of legal regulation for mitigating the threats posed by the COVID-19 pandemic to the population and business. *Yurist*, 2020, no. 11, pp. 69–74. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-11-69-74>. (In Russian)
9. Romanovskii G.B. 2019-nCoV as a hybrid threat to the human rights system. *Konstitutsionnoe i Munitsipal'noe Pravo*, 2020, no. 7, pp. 34–37. (In Russian)
10. Grishchenko T.A., Kogut V.G. Correlation of the concepts of “law” and “freedom” in the context of the study of mechanisms of limitation of constitutional rights during the pandemic. *Gosudarstvennaya Vlast' i Mestnoe Samoupravlenie*, 2022, no. 1, pp. 3–7. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2022-1-3-7>. (In Russian)
11. Poorhashemi A. How the Covid-19 crisis affects individual rights and freedoms. A new crisis in international law? *Global Research*. 2021, Aug. 14. URL: <https://www.globalresearch.ca/global-decline-human-rights-conditions-new-crisis-international-law/5721095>.
12. Lungu E.V. The impact of the coronavirus pandemic on constitutional relations. *Gosudarstvennaya Vlast' i Mestnoe Samoupravlenie*, 2022, no. 5, pp. 3–7. (In Russian)
13. Denisova E.L., Borisova I.D. Limitation of the principle of inviolability of private property during the pandemic: A comparative analysis. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye Kadry*, 2024, no. 1, pp. 17–22. (In Russian)
14. Brezhnev O.V. The issue of “anti-COVID” legal limitations in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Aktual'nye Problemy Rossiiskogo Prava*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 32–39. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.135.2.032-039>. (In Russian)
15. Pyankova A.F. Legal grounds for the introduction of measures to prevent the spread of the new coronavirus infection in Russian regions. *Zakon*, 2020, no. 5, pp. 53–59. (In Russian)
16. Agal'tsova M.V., Imanova T.V. kyzy. Self-isolation: Insights into the legality and constitutionality of anti-virus measures. *Zakon*, 2020, no. 5, pp. 60–70. (In Russian)
17. Pavlikov S.G. On limitation of constitutional rights (based on the entrepreneurial activity in the field of digital technologies). *Konstitutsionnoe i Munitsipal'noe Pravo*, 2020, no. 8, pp. 54–55. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-8-54-55>. (In Russian)
18. Grogan J. COVID-19, the rule of law and democracy. Analysis of legal responses to a global health crisis. *Hague Journal on the Rule of Law*, 2022, vol. 14, no. 2, pp. 349–369. <https://doi.org/10.1007/s40803-022-00168-8>.
19. Casals N.T. Covid-19 and states of emergency. *Global Challenges*, 2020, no. 1 (spec. issue: Politics of the coronavirus pandemic), art. 4. URL: https://globalchallenges.ch/issue/special_1/covid-19-and-states-of-emergency.
20. Khabrieva T.Ya. Managing the pandemic crisis using law: The world and Russian experience. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2021, vol. 25, no. 2, pp. 5–16. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.015>. (In Russian)
21. Soboleva E.A. Regional lawmaking in the field of protection of political rights and freedoms: Opportunities and limits. *Konstitutsionnoe i Munitsipal'noe Pravo*, 2022, no. 2, pp. 43–49. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-2-43-49>. (In Russian)
22. Shal'berkina M.N. Legal problems with developing and implementing the mechanisms for protection of the constitutional rights of citizens during the COVID-19 pan-

- demic. *Aktual'nye Problemy Rossiiskogo Prava*, 2022, vol. 17, no. 10, pp. 83–89. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.143.10.083-089> (In Russian)
23. Alebastrova I., Rasskazova N., Savel'ev A. et al. Legal results – 2020. *Zakon*, 2021, no. 1, pp. 19–40. (In Russian)
24. Varlamova N.V. The COVID-19 pandemic as a challenge to the constitutional rule of law. *Sravnitel'noe Konstitutsionnoe Obozrenie*, 2020, no. 6 (139), pp. 17–30. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2020-6-17-30>. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Колоткина О.А., Ягофарова И.Д. Ограничение прав и свобод человека в условиях новых глобальных вызовов (обобщение опыта пандемии) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 55–68. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.55-68>. ⟩

⟨ **For citation:** Kolotkina M.I., Yagofarova I.D. Limitation of human rights and freedoms amid new global challenges (lessons from the pandemic). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 3, pp. 55–68. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.55-68>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.571

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.69-80

СООТНОШЕНИЕ МЕТОДОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ПАРТИЙНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

А.В. Курочкин

*Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального
университета, г. Набережные Челны, 423812, Россия*

Аннотация

В статье проанализированы методы правового регулирования партийных отношений в законодательстве Российской Федерации, для чего был задействован комплекс следующих методов исследования: формально-логического, системного, институционального и герменевтического. Акцент сделан на смешанном методе правового регулирования, применяемом в конституционном праве как элементе конституционализации политических партий. Также отмечается, что преобладание императивного метода в действующем партийном законодательстве, напротив, свидетельствует об административно-правовом характере норм, определяющих основные права и обязанности партийных организаций. В свою очередь, соотношение императивного и смешанного методов правового регулирования привело к формированию завуалированных обязанностей политических партий, обозначенных в качестве субъективных прав. Исходя из этого констатируется, что не все партийные права соответствуют смыслу субъективного права, сложившемуся в конституционно-правовой доктрине, поскольку выступают мерами должного, а не возможного поведения политических партий.

Ключевые слова: политическая партия, партийное право, партийное законодательство, конституционное право, конституционализация, методы правового регулирования

Особенности правового регулирования, заложенные в нормативно-правовой базе партийных отношений, являются основополагающим критерием формализации прав и обязанностей [1, с. 188; 2, с. 119]. Прямая связь между содержанием партийных возможностей и механизмом их правового регулирования отмечается в научных исследованиях по публичному праву в качестве главенствующего критерия институционализации политических партий [3, с. 32; 4, с. 31].

Вместе с тем в противовес указанному подходу сложились альтернативные теоретические направления, которые позволяют кардинально по-другому воспринимать конституционализацию партийных правоотношений. В частности, социологическая концепция ставит во главу угла предмет правового регулирования – общественные отношения, возникающие по поводу партийной деятельности [5, с. 26; 6, с. 37]. Таким образом не правовая форма, а содержание выступает определяющим критерием конституционализации партийных прав и обязанностей [7, с. 38].

Социологический подход в теории конституционализации партийных отношений построен на историко-правовых особенностях их формализации. Длительное отсутствие в России законодательного акта, посвященного исключительно политическим партиям, привело к пониманию партийных организаций как особого вида общественных объединений. Последние традиционно рассматриваются в плоскости организационно-правовой формы юридических лиц, что выводит их из сугубо конституционно-правового уровня в гражданско-правовой режим некоммерческих организаций. Подобный вариант наблюдался в законодательных нормах, действовавших на протяжении 90-х годов XX в., где основное внимание уделялось лишь финансово-хозяйственным аспектам партийной деятельности и в меньшей степени затрагивались политические вопросы.

В действующем федеральном законодательстве прослеживаются отдельные проявления названного выше механизма регулирования. Например, на фоне сформулированных в Федеральном законе № 95-ФЗ «О политических партиях» (ФЗ № 95) задач и функций политических партий установлен специальный порядок возникновения и прекращения имущественных правоотношений с их участием. Это выражается, в частности, в системе имущественных объектов, которые потенциально могут являться партийной собственностью. Также российское законодательство очерчивает строго целевую направленность существования имущественной базы политических партий, которая в целом соответствует традиции хозяйственно-правового статуса некоммерческих организаций. Помимо прочего, Федеральный закон № 95-ФЗ ранжирует не только партийные доходы, но и расходы, которые может нести партийная организация. В конечном итоге подобным механизмом правового регулирования закладывается модель ограниченной имущественной ответственности политических партий в гражданско-правовом значении, что компенсируется полной юридической ответственностью, наступающей за совершение публичных правонарушений и выражающейся в принудительной ликвидации партийной организации.

В указанном механизме правового регулирования прослеживается доминирование административно-правовых норм, основанных на конституционных принципах и ценностях, которые не столь широко распространены в гражданско-правовых нормах. Обозначенный факт наглядно демонстрируется специальным правовым статусом партийных организаций, во многом создающим большинство коллизий между законодательством о политических партиях и гражданским законодательством. Впрочем, все они обосновываются особой правовой природой партийных отношений.

Восприятие политической партии в качестве специфической организационно-правовой формы позволяет отчасти говорить о диспозитивном методе регулирования, который, в свою очередь, вытекает из сущности любого юридического лица. Так, партия обладает:

- организационным единством;
- структурой управления;
- официальным наименованием;

- собственным именем при вступлении во все правоотношения;
- самостоятельным имущественным балансом;
- самостоятельной ответственностью.

Вместе с тем для политической партии характерен комплекс отличительных качеств, к числу которых относятся:

- эксклюзивное право на участие в выборах всех уровней;
- отдельные парламентские права (поставленные в зависимость от достижения избирательного порога или иного электорального показателя);
- возникновение политической ответственности, во многом вытекающей из мер конституционно-правовой ответственности;
- правовые особенности партийного членства;
- обязанность открытия региональных отделений;
- обязанность по дополнительной отчетности.

Исходя из вышеперечисленного, следует констатировать, что у политических партий имеются специальные права и обязанности, которые отсутствуют у других организационно-правовых форм юридических лиц. Таким образом, партийные организации обладают особым правовым статусом, который предполагает применение специального метода правового регулирования.

Так, у большинства юридических лиц правосубъектность возникает с момента их государственной регистрации. Однако для политических партий в п. 1 ст. 11 Федерального закона № 95-ФЗ сделана специальная оговорка, согласно которой юридическим фактом их создания является не акт государственной регистрации, а проведение партийного учредительного съезда. При этом в п. 1 ст. 15 подчеркивается, что партия, не имеющая государственной регистрации, обладает фрагментарным набором прав и обязанностей, закрепленных федеральным законодательством (не может осуществлять хозяйственную деятельность, не может напрямую участвовать в выборах, а равно пользоваться льготами в проведении общественных мероприятий и получении финансирования).

Таким образом, отождествление партии только с определенной корпоративной формой или с конкретным видом юридического лица размывает политико-правовое содержание ее основной деятельности. В русле теории конституционализации партийные организации всегда отграничиваются от других некоммерческих юридических лиц, что обосновывает межотраслевую трансграничность термина «политическая партия».

Механизм правового регулирования применительно к институту политических партий показывает не только особенности нормативного материала, но и тенденции в области правовой политики. Примечательно, что в демократических политических системах партии являются одновременно и объектом, и субъектом правового регулирования, составляя основу для парламентской деятельности. Тем самым содержание норм партийного права выражает интересы доминирующей политической силы, а сформировавшийся в результате обозначенного процесса правовой режим политических партий демонстрирует выбор модели правового воздействия.

При этом в современной литературе слабо разработаны вопросы взаимосвязи конституционализации как процесса по обретению партийными отношениями определенной конституционной реальности с методами правового регулирования. В целом можно обнаружить попытки выделения преобладающего метода и определения его влияния на отраслевую принадлежность партийного права [8, с. 13].

В действующем конституционном законодательстве различие методов правового регулирования нивелировано абстрактными нормами, затрагивающими партийные права и обязанности. По мнению отдельных авторов, специфика подобных методов выявляется посредством установления того интереса, который охраняется анализируемыми правовыми нормами, что позволяет, в свою очередь, разграничить частноправовые и публично-правовые методы [9, с. 157; 10, с. 36; 11, с. 19].

На примере института политических партий прослеживается комплексный характер большинства правовых норм, в которых нашли выражение разные методы регулирования. Из этой особенности выводится межотраслевой характер партийных правоотношений, содержанием которых выступают преимущественно субъективные конституционные права, свободы и обязанности. Приведенный тезис базируется на таком конституционно-правовом принципе, как свобода общественных объединений (ч. 1 ст. 30 Конституции РФ), специфической разновидностью которых являются политические партии.

Вместе с тем обозначенная свобода в партийно-правовой плоскости детализирована в п. 1 ст. 8 Федерального закона № 95-ФЗ. В частности, она выражается в праве политических партий устанавливать собственную внутреннюю структуру одновременно с необходимостью создания обязательных партийных подразделений, указанных в других нормах анализируемого закона. Кроме того, партия вправе определять цели, формы и методы своей основной политической деятельности, что очерчивается в Федеральном законе № 95-ФЗ соответствующими возможностями, но не конкретизируется. Исходя из изложенного, можно предположить, что в этом заключается смысл рассматриваемой свободы, являющейся неограниченным набором возможностей, гарантированных конституционным правом.

Примечательно, что содержание свободы объединения в политические партии сформулировано рамочным образом, при котором положения Федерального закона № 95-ФЗ и других источников правового регулирования партийных отношений могут определять запреты и ограничения, выступающие пределами реализации партийных возможностей. Например, подобные рамки сформулированы в гл. IV Федерального закона № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (ФЗ № 19) и в гл. 5 Федерального закона № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ФЗ № 20).

В частности, в ст. 33 Федерального закона № 19-ФЗ закреплена гарантия равноправия политических партий, участвующих в президентских выборах. При этом в данной норме подчеркивается, что основания и порядок вступления партийных организаций в избирательные правоотношения определяются ис-

ключительно положениями рассматриваемого закона. Вместе с тем в п. 1 ст. 29 говорится о преемственности норм сразу двух законов: Федерального закона № 19-ФЗ и Федерального закона № 95-ФЗ. Тем самым прослеживается определенная коллизия между названными нормативными формулировками, которая, в свою очередь, не позволяет определить, какой из этих законодательных актов имеет общий, а какой – специальный характер.

Решение поставленного вопроса может показаться на первый взгляд казуистичным, ведь в сложившемся механизме правового регулирования значение имеет отраслевая принадлежность отношений. Если речь идет о выборах Президента Российской Федерации, то приоритетом обладают нормы Федерального закона № 19-ФЗ. Напротив, сугубо партийные правоотношения подчинены требованиям и условиям, сформулированным преимущественно в нормах Федерального закона № 95-ФЗ.

Однако комплексный подход к правам и обязанностям политических партий уверенно демонстрирует смещение норм партийного и избирательного права до такой степени, что критерий источника правового регулирования не позволяет четко установить их отраслевую принадлежность. При этом, согласно теоретико-правовой традиции, при коллизии общей и специальной нормы применению подлежит последняя. Данный вывод предопределяет выбор метода правового регулирования, который в межотраслевом (комплексном) значении может приводить к дублирующим нормам.

Так, согласно п. 3.1 ст. 36 Федерального закона № 95-ФЗ партиям запрещено выдвигать кандидата на участие в президентских выборах, если он состоит в членстве другой политической партии. В п. 3 ст. 35 Федерального закона № 19-ФЗ содержится аналогичный запрет. Впрочем, при сопоставлении указанных норм из разных законов прослеживается умеренное соотношение общего и специального правового регулирования:

1) в ст. 36 Федерального закона № 95-ФЗ упоминаются различные выборные должности и органы публичной власти (органы местного самоуправления), на выборы в которые политические партии вправе выдвигать своих кандидатов с соблюдением обозначенного запрета;

2) в ст. 35 Федерального закона № 18-ФЗ указанный запрет детализируется применительно к выборам Президента Российской Федерации.

Частичное дублирование приведенных норм обосновывается совпадением их отраслевой принадлежности к избирательному праву. Примечательно, что подобный подход реализован во многих федеральных законах, обладающих пограничным юридическим действием. В своем обобщенном виде описанный механизм регулирования называется «правовой конкретизацией», свойственной императивному и смешанному методам правового регулирования.

Вместе с тем выдвижение кандидатов на участие в президентских выборах обосновывается логикой сохранения данного эксклюзивного права только за политическими партиями (на фоне других общественно-политических объединений). Этот тезис прямо закреплен в п. 1 ст. 36 Федерального закона № 95-ФЗ за тем лишь исключением, что он ограничивает механизм осуществления рассматриваемого партийного права до федеральных территорий.

В то же время в ст. 35 Федерального закона № 19-ФЗ содержится комплекс иных запретов и ограничений, связанных с участием политических партий в президентских выборах посредством выдвижения своего кандидата. Так, в соответствии с п. 2 ст. 35 допустимо выдвинуть лишь одного кандидата. При наличии статуса иностранного агента или аффилированности с лицом, обладающим статусом иностранного агента, требуется отразить данное обстоятельство в заявлении, которое подается кандидатом в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации (п. 11.1 ст. 35). Кроме того, Федеральный закон № 19-ФЗ допускает баллотирование кандидата только от одной политической партии, что исключает возможность выдвижения одного кандидата от разных партийных организаций (п. 14 ст. 35). Схожий запрет действует при самовыдвижении кандидата на выборы Президента Российской Федерации, что на практике не позволяет однозначно ответить на вопрос о возможности выдвижения такого кандидата от политической партии при отказе Центральной избирательной комиссии в его регистрации как кандидата-самовыдвиженца. Предполагается, что обозначенный запрет действует при одновременном совпадении двух статусов: кандидата, выдвинутого партией, и кандидата, подавшего заявление на регистрацию в порядке своего самовыдвижения¹.

В результате можно констатировать, что соотношение методов партийного и избирательного права демонстрирует доминирование комплексных норм, распределенных по разным федеральным законам, но направленных на достижение совпадающих целей и задач. В сформулированном понимании партийной свободы прослеживается главное предназначение конституционно-правовых принципов – определять пределы правового и государственного вмешательства в партийные отношения, что, в свою очередь, должно гарантировать невозможность частого изменения партийного законодательства.

Принятие Федерального закона № 95-ФЗ продемонстрировало курс на доминирование императивных норм, имеющих административно-правовой характер, с незначительным сочетанием других методов регулирования. Изначальная комплексность правового института политических партий была трансформирована в такой механизм правового регулирования, при котором приоритет имеют положения Федерального закона № 95-ФЗ над всеми другими законодательными актами применительно к партийным правоотношениям.

Действительно, ст. 4 Федерального закона № 95-ФЗ установила определенную систему источников партийного права, которая включает в себя другие нормативно-правовые акты. При этом нормы гл. X подтверждают исключительность положений Федерального закона № 95-ФЗ перед всеми другими законами, то есть придают последним дополнительный характер. Аналогичным образом

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 05 июня 2012 г. № 1058-О «По жалобе гражданки Пеуновой Светланы Михайловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 36 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации»» (Опр. КС); Решение Верховного Суда РФ от 25 янв. 2018 г. № АКПИ18-79 «Об отказе в удовлетворении административного искового заявления об оспаривании Постановления ЦИК России от 10.01.2018 N 125/1052-7 «Об отказе в регистрации группы избирателей, созданной для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации Василия Владимировича Пугачева, и ее уполномоченных представителей»» (Реш. ВС).

первостепенность Федерального закона № 95-ФЗ рассматривается в судебной практике².

Вместе с тем механизм правового регулирования характеризуется не только сочетанием императивных (ограничительных и запретительных) норм с диспозитивными. В плоскости партийных правоотношений значение имеет объем требований, соблюдение которых поставлено в зависимость от государственной регистрации политической партии. В действующей редакции Федерального закона № 95-ФЗ очевидным образом прослеживается смешанный метод регулирования данных правоотношений: при наличии формальных критериев партийная организация может получить зарегистрированный статус, однако он не гарантирует ее участия в выборах. Смягчение в 2012 г. требований, предъявляемых при регистрации политической партии, привело к усложнению регистрационного порядка для партий (и выдвигаемых ими кандидатов) на федеральных и региональных выборах. Таким образом, императивный метод, доминировавший в нормах Федерального закона № 95-ФЗ, усилился в избирательном законодательстве.

В конституционном праве, напротив, императивный метод различными способами сочетается с диспозитивным и смешанным в зависимости от объекта регулирования. В призме партийной деятельности доминируют диспозитивные конституционно-правовые нормы, что характерно для многих европейских государств. Аналогичным образом в положениях конституции, как правило, закрепляются политические свободы и гарантии субъективного права на объединение в политическую партию, что расценивается в качестве первичного предела правового регулирования и государственного вмешательства в партийные отношения [12, с. 41; 13, с. 37, 58].

В российском конституционном праве сложился уникальный подход к решению данного вопроса, в силу которого закрепление в Конституции РФ субъективного права граждан на объединение в партию предполагает его детализацию (сужение) в других федеральных законах. Это прямо прослеживается в содержании ст. 1 и 2 Федерального закона № 95-ФЗ. В частности, предметом партийного законодательства выступают:

- 1) отношения по реализации конституционного права граждан на объединение в политическую партию;
- 2) отношения по регистрации партийной организации.

Не случайно в п. 1 и 4 ст. 3 Федерального закона № 95-ФЗ говорится об общей политической воле, выражаемой партией, что конкретизируется в целях партийной деятельности:

- формирование общественного мнения, а равно политическое просвещение;
- публичное выражение гражданской позиции;

² См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 10 июля 2014 г. по делу № 33-27725 «В удовлетворении требования отказано, поскольку наименование политической партии не соответствует требованиям законодательства РФ» (Ап.опр.); Кассационное определение Костромского областного суда от 5 октября 2011 г. № 33-1492 «В удовлетворении исковых требований о регистрации обращений и предоставлении ответов отказано правомерно, поскольку действующим законодательством на политические партии не возложена обязанность регистрации обращений граждан и направления на них ответов» (Кас.опр.).

– участие в выборах всех уровней, в том числе посредством партийного выдвижения кандидатов.

По существу, базовым предметом партийного законодательства выступает осуществление субъективного конституционного права каждого гражданина на соответствующее политическое объединение. Одновременно с этим реализуется конституционная ценность «многопартийности», которая в самих конституционно-правовых нормах не получила никакой детализации. Таким образом при воплощении рассматриваемого субъективного права возникает смежная группа правоотношений уже между партиями и государством, что не должно означать их сугубо административно-правового характера. Последнее подтверждается, в свою очередь, запретом на вмешательство органов власти в партийные дела в силу ст. 10 Федерального закона № 95-ФЗ.

В названных нормах прослеживается диспозитивный метод правового регулирования с одновременным доминированием правовых абстракций: «общественное мнение», «воля», «просвещение», «участие» и т. п. Тем самым в ст. 9 Федерального закона № 95-ФЗ содержатся указания в форме ограничений партийной деятельности, а в ст. 11, 15, 23 и др. выявляются императивные требования, направленные на регламентацию порядка возникновения, изменения и прекращения партийных правоотношений.

В приведенных выше примерах можно говорить о разделении конституционно-правовых и административно-правовых норм, содержащихся как в рамках одного закона, так и в рамках одних и тех же положений, что является результатом сочетания диспозитивного и императивного методов внутри института политических партий. При этом в конституционно-правовых нормах заключено большинство известных абстракций, сопровождающих партийные правоотношения, в то время как административно-правовой характер многих других положений партийного законодательства предполагает максимальную конкретизацию требований и условий, необходимых для государственной регистрации партий, осуществления административного контроля над их деятельностью и потенциально возможного принудительного прекращения.

Выявленная смешанная правовая природа политических партий в Российской Федерации обосновывает разрешительный тип правового регулирования, являющийся компонентом императивного метода. Вместе с тем сочетание разных отраслевых норм при правовом регулировании партийных отношений не препятствует применению частноправовых методов.

Следует признать, что попытка установить соотношение методов правового регулирования партийных отношений не может упираться лишь в характеристику тех или иных отраслевых норм. Предлагается выделять их специфику, исходя из объекта, а не предмета партийного права: в качестве подобного объекта выделяется коллективный интерес партийных членов (в формировании общественного мнения, проведении политической пропаганды и участии в политической системе страны), реализуемый в установленных законом формах.

На современном этапе конституционализации политических партий методы правового регулирования сложно считать самостоятельным институциональ-

ным критерием, ведь они приобретают принципиальные отличия в отраслевом масштабе, что наглядно продемонстрировано на примере соотношения норм партийного и избирательного права. Между тем сегодня отраслевые рамки могут значительно расширяться, нивелируя специфику задействованных методов правового регулирования. Последние подлежат ранжированию не по предмету отрасли, а по охраняемому правовыми нормами интересу. Тем самым внутри института политических партий приходится разграничивать методы частноправового и публично-правового характера.

Однако на примере проанализированных партийных правоотношений были выявлены обе группы методов, и данная особенность коррелирует с теорией межотраслевых правовых институтов. В актуальном российском законодательстве заложены механизмы его изменения посредством поддержания баланса между субъективными правами (свободами) и порядком их осуществления. Специальный конституционно-правовой статус политических партий предопределил ограничение в правовом регулировании лишь внешних правоотношений. Напротив, большинство внутренних организационных и политических вопросов входят в партийные свободы, не подлежащие никакому государственному вмешательству. Поэтому излишне часто меняющиеся законодательные нормы могут противоречить неизменности конституционных принципов, выступающих общеправовыми пределами регулирования.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Конституция РФ – Конституция Российской Федерации (принята 12 дек.1993 г., с изм. от 01 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2020. № 27. Ст. 4196.
- ФЗ № 95 – Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (ред. от 05 дек. 2022 г.) «О политических партиях» // СЗ РФ. 2022. № 50 (Ч. III). Ст. 8792.
- ФЗ № 19 – Федеральный закон от 10 янв. 2003 г. № 19-ФЗ (ред. от 28 фев. 2023 г.) «О выборах Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 10. Ст. 1574.
- ФЗ № 20 – Федеральный закон от 22 фев. 2014 г. № 20-ФЗ (ред. от 05 дек. 2022 г.) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 50. Ст. 8792.
- Опр. КС – Определение Конституционного Суда РФ от 05 июня 2012 г. № 1058-О «По жалобе гражданки Пеуновой Светланы Михайловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 36 Федерального закона “О выборах Президента Российской Федерации”» // СПС КонсультантПлюс.
- Реш. ВС – Решение Верховного Суда РФ от 25 янв. 2018 г. № АКПИ18-79 «Об отказе в удовлетворении административного искового заявления об оспаривании Постановления ЦИК России от 10.01.2018 N 125/1052-7 “Об отказе в регистрации группы избирателей, созданной для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации Василия Владимировича Пугачева, и ее уполномоченных представителей”» // СПС КонсультантПлюс.

Ап.опр. – Апелляционное определение Московского городского суда от 10 июля 2014 г. по делу № 33-27725 «В удовлетворении требования отказано, поскольку наименование политической партии не соответствует требованиям законодательства РФ» // СПС КонсультантПлюс.

Кас.опр. – Кассационное определение Костромского областного суда от 05 окт. 2011 г. № 33-1492 «В удовлетворении исковых требований о регистрации обращений и предоставлении ответов отказано правомерно, поскольку действующим законодательством на политические партии не возложена обязанность регистрации обращений граждан и направления на них ответов» // СПС КонсультантПлюс.

Литература

1. *Алисова Л.Н.* Современные политические партии России: испытание законом // Россия в процессе реформ: социально-политические аспекты / Отв. ред. Ю.С. Оганисьян. М.: Совр. экономика и право, 2009. С. 181–191.
2. *Иванова В.А.* Новый закон о партиях – смена формы или изменение принципов? // Власть. 2012. № 7. С. 118–120.
3. Институты конституционного права / А.Е. Постников, С.И. Носов, М.А. Мещерякова [и др.]; отв. ред. Л.В. Андриченко, А.Е. Постников. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Юриспруденция, 2013. 495 с.
4. *Постников А.Е.* Тенденции развития институтов конституционного права // Журн. рос. права. 2011. № 10 (178). С. 27–34.
5. *Дорошко М.П.* Роль институтов гражданского общества в формировании правовой политики современной России // Современное право. 2015. № 2. С. 24–30.
6. *Попова А.В.* Гражданское общество и лоббизм как институты государственно-правового развития России // Юридическая мысль. 2014. № 6 (86). С. 34–38.
7. *Шамсиева С.С.* Институты гражданского общества и их роль в реализации правовой политики России // Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства [Электронный ресурс] = Actual Problems of Improving Russian Legislation: Сборник научных трудов 1-й Международной научно-практич. конф. (18–19 сентября, 2014 г., Москва) / «РИМ Университет»; гл. ред. Т.П. Диордийчук. Электронные текстовые данные (1 файл; 2,21 Мб). М.: РИМ Университет, 2014. 114 с. (Прил. к Международному научному ж. «Современный юрист». Т. 1). С. 35–40. URL: <http://rimuniver.ru/wp-content/uploads/2015/01/%D0%A8%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf>, свободный.
8. *Савушкина О.В.* Парламентская деятельность политических партий // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2003. № 6. С. 10–14.
9. *Баринов Н.А.* Концепция частного и публичного права России: азбука частного права // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2014. Т. 4. № 60. С. 157–158.
10. *Гутерман А.Е.* О соотношении права частного и права публичного // Юрист. 2014. № 8. С. 34–39.
11. *Васильев В.В.* Частное и публичное право: вопросы единства и дифференциации // Вестн. Тверского гос. ун-та. Сер.: Право. 2014. № 1. С. 16–29.

12. *Агафонова К.А.* Категория политической свободы в конституционном праве (на примере свободы создания и деятельности политических партий): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 174 с.
13. *Моисеев А.М.* Конституционное право граждан на объединение в политические партии и судебная практика его защиты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 180 с.

Поступила в редакцию 25.02.2024

Принята к публикации 19.04.2024

Курочкин Анатолий Васильевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры конституционного, административного и международного права Набережночелнинского института

Казанский (Приволжский) федеральный университет

пр. Сююмбике, д. 10а, г. Набережные Челны, 423812, Россия

E-mail: kurochkin.tolik@bk.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 3, pp. 69–80

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.69-80

Correlation between the Methods of Legal Regulation in the Political Party Legislation of Russia

A.V. Kurochkin

Naberezhnye Chelny Institute, Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny, 423812 Russia

E-mail: kurochkin.tolik@bk.ru

Received February 25, 2024; Accepted April 19, 2024

Abstract

The legal methods for regulating political party relations in Russia were analyzed using formal logical, systematic, institutional, and hermeneutic approaches. The Russian constitutional law employs the mixed method, which underpins the constitutionalization of political parties. In contrast, the prevailing imperative method emphasizes the administrative and legal foundations of the standards that define the rights and obligations of political parties. In turn, the interplay of the imperative and mixed methods in the Russian political party law has resulted in covert obligations for political parties, which are also their subjective rights. However, not all rights of political parties align with the concept of subjective rights as developed in constitutional and legal doctrine. The results obtained suggest that the current constitutional legislation in Russia is abstract, impeding a clear understanding of the rights and obligations of political parties. By exploring the doctrinal approaches, the strategies for recognizing the methods of legal regulation were singled out, depending on the interests protected by the analyzed legal standards. Thus, the specific methods of private and public law were identified, which, with the institution of political parties as an example, explain the complex nature of most legal standards. Taken together, these standards outline a complex variety of legal means to influence political party relations. Therefore, being cross-sectoral, the political party standards facilitate the resolution of conflicts in law enforcement that arise in constitutional, party, electoral, and administrative legislation.

Keywords: political party, political party law, political party legislation, constitutional law, constitutionalization, methods of legal regulation

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Alisova L.N. Current political parties in Russia: The test of law. In: Oganis'yan Yu.S. (Ed.) *Rossiya v protsesse reform: sotsial'no-politicheskie aspekty* [Russia in the Era of Reforms: Socio-Political Aspects]. Moscow, Sovrem. Ekon. Pravo, 2009, pp. 181–191. (In Russian)
2. Ivanova V.A. The new law on parties – the change of form or principles? *Vlast'*, 2012, no. 7, pp. 118–120. (In Russian)
3. Postnikov A.E., Nosov S.I., Meshcheryakova M.A. et al. *Instituty konstitutsionnogo prava* [Institutions of Constitutional Law]. Andrichenko L.V., Postnikov A.E. (Eds. in Chief). Moscow, Inst. Zakon. Sravn. Pravoved. Pravitel'stve Ross. Fed., Yurisprudentsiya, 2013. 495 p. (In Russian)
4. Postnikov A.E. Trends in the development of constitutional law institutions. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2011, no. 10 (178), pp. 27–34. (In Russian)
5. Doroshko M.P. The role of civil institutions in the legal policy development of contemporary Russia. *Sovremennoe Pravo*, 2015, no. 2, pp. 24–30. (In Russian)
6. Popova A.V. Civil society and lobbying as the institutions driving the legal progress of the Russian state. *Yuridicheskaya Mysl'*, 2014, no. 6 (86), pp. 34–38. (In Russian)
7. Shamsieva S.S. Civil society institutions and their role in the legal policy of Russia. *Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya rossiiskogo zakonodatel'stva: Sbornik nauchnykh trudov 1-i Mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf. (18–19 sentyabrya, 2014 g., Moskva)* [Actual Problems of Improving Russian Legislation: Proc. I Int. Sci.-Pract. Conf. (Sept. 18–19, 2014, Moscow)]. Diordiichuk T.P. (Ed.). Moscow, RIM Univ., 2014. 114 p. Suppl. to *Sovremennyyi Yurist*, vol. 1, pp. 35–40. URL: <http://rimuniver.ru/wp-content/uploads/2015/01/%D0%A8%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf>. (In Russian)
8. Savushkina O.V. Parliamentary activity of political parties. *Predstavitel'naya Vlast' – XXI Vek: Zakonodatel'stvo, Kommentarii, Problemy*, 2003, no. 6, pp. 10–14. (In Russian)
9. Barinov N.A. The concept of private and public law in Russia: Getting to know private law. *Ekonomika. Predprinimatel'stvo. Okruzhayushchaya Sreda*, 2014, vol. 4, no. 60, pp. 157–158. (In Russian)
10. Guterman A.E. The interplay between private and public law. *Yurist*, 2014, no. 8, pp. 34–39. (In Russian)
11. Vasil'ev V.V. Private and public law: Navigating their unity and differentiation. *Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Pravo*, 2014, no. 1, pp. 16–29. (In Russian)
12. Agafonova K.A. The category of political freedom in constitutional law (a case study on the freedom to establish and run political parties). *Cand. Law Diss.* Moscow, 2009. 174 p. (In Russian)
13. Moiseev A.M. The constitutional right of citizens to establish and join political parties and its protection. *Cand. Law. Diss.* Moscow, 2009. 180 p. (In Russian)

Для цитирования: Курочкин А.В. Соотношение методов правового регулирования в российском партийном законодательстве // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 69–80. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.69-80>.

For citation: Kurochkin A.V. Correlation between the methods of legal regulation in the political party legislation of Russia. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 3, pp. 69–80. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.69-80>. (In Russian)

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ НАУКИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.4+347.918

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.81-96

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

С.А. Курочкин

*Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, 620066, Россия*

Аннотация

Проблематика арбитража (третейского разбирательства) занимает все более значимое место среди обращений, рассматриваемых Конституционным Судом Российской Федерации. Развитие социальной практики, эволюция подходов судов к феномену третейского разбирательства вынуждают высший российский орган конституционного контроля вновь и вновь возвращаться к оценке соответствия Основному Закону страны правовых конструкций, применяемых при рассмотрении третейскими судами и международными коммерческими арбитражами гражданских дел. Выработываемые в результате правоположения формируют конституционно-судебные основы арбитража в России. Отмеченные закономерности позволили применить к проблемам третейского разбирательства интегративную концепцию конституционализма, результатом исследования стали выводы о конституционализации самого арбитража и социальной практики его применения. В статье предложены авторский взгляд на проблемы укрепления конституционно-правовых начал в арбитраже, а также прогноз развития конституционализма в области российского третейского разбирательства.

Ключевые слова: арбитраж, третейское разбирательство, конституционализация, конституционные ценности, конституционализм, Конституционный Суд России

В последние годы Конституционный Суд Российской Федерации все чаще обращает внимание на проблемы арбитража (третейского разбирательства). В ответ на обращения граждан, организаций и судов высший российский орган конституционного контроля оценивает нормы законодательства, регулирующие отношения, возникающие в связи с разрешением споров третейскими судами и международными коммерческими арбитражами, на предмет их соответствия Основному Закону страны, его духу и букве. Внимание, которое Конституционный Суд РФ уделяет проблемам третейского разбирательства, акценты, которые он расставляет, позволяют задуматься о конституционном измерении такого непростого социального феномена, как арбитраж (третейское разбирательство).

Осмысление закономерностей развития арбитража, его места и роли в отечественной, а в перспективе – и в мировой социальной системе возможно с приме-

нением концепции конституционализма, отличной от устоявшихся в изучаемой области формально-догматических подходов. Новое интегративное понимание конституционализма позволяет иначе взглянуть на процессы и явления, вполне реальные и осязаемые, с которыми можно встретиться в сфере третейского разбирательства. «Конституционализм – понятие многоаспектное. Оно, как представляется, охватывает все, что связано с воплощением в жизнь конституции, понимаемой в самых разных значениях» [1, с. 41]. Как особая сложносоставная аксиологическая, телеологическая и праксиологическая система конституционализм является, с одной стороны, универсальной нематериальной (духовной) ценностью цивилизации, входя в этом качестве в состав мирового культурного наследия всего человечества, с другой – национально-культурным достоянием каждого отдельного народа, нации, государства [2, с. 28].

Найдется ли в подобной аксиологической, телеологической и праксиологической системе место для арбитража (третейского разбирательства)? Конституционализм как политико-правовой режим обеспечения верховенства права может сыграть важную роль в понимании такого сложного, сплетенного из публичных и частных элементов явления, как арбитраж, в его развитии на основе конституционных ценностей, интеграции достижений общемировой правовой культуры в отечественный правовой порядок. Можно с уверенностью утверждать, что российский арбитраж как социальный институт и как часть мирового правового наследия является универсальной нематериальной ценностью современной цивилизации, выступая при этом достоянием российской правовой культуры, проникнут духом российского общества, основан на отечественных традициях правового регулирования. Неслучайно Конституционный Суд РФ вновь и вновь подчеркивает, что Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45, ч. 2). Разбирательство в третейском суде относится к числу общепризнанных в демократическом обществе способов разрешения гражданско-правовых споров, проистекающих из свободы договора, которой наряду с автономией воли участников предпринимательской и иной экономической деятельности обусловлены диспозитивные начала гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношений (Пост. от 16.04.24, п. 2; Пост. от 18.11.14, п. 3). Признание есть результат доверия, принятия обществом полезности и ценности института, согласие с социальной практикой его действия.

Сторонники позитивистского правопонимания неизбежно зададутся вопросом, упоминается ли арбитраж (третейское разбирательство) в тексте Основного Закона. Очевидно, что Конституция Российской Федерации понятия арбитража сегодня не содержит, хотя в мировой практике подобные примеры есть. Так, Конституция Исламской Республики Иран (ст. 139) определяет условия одобрения передачи в арбитраж споров, касающихся государственной собственности. Означает ли отсутствие в тексте Конституции понятия «арбитраж» однозначный отказ от исследований его конституционных основ в России? Ответ на этот вопрос должен, на наш взгляд, прозвучать отрицательно. «Конституционализм предметно выходит за рамки конституции, как бы широко она ни понималась. Он рождается непосредственно в жизни первоначально на уровне политико-правового сознания и политико-правовых ценностей, выливающихся впоследствии в конституционные нормы,

материализуется в институции и правовые отношения, образуя широкую конституционную практику» [1, с. 42]. Конституционализм, указывает Н.С. Бондарь, есть объективно складывающийся порядок реальных общественных отношений, которые попадают в сферу конституционно-правового регулирования [2, с. 29]. Не арбитраж как понятие появляется в конституционном тексте, а конституционализм проникает в практику третейского разбирательства, материализуется в социальном институте арбитража, в правоотношениях по разрешению дел, расширяет сферу прямого конституционно-правового регулирования. Стоит также упомянуть и справедливый вывод А.Н. Кокотова о том, что, «в общем-то, все нормативное пространство государства предстает как конкретизация конституционных норм, материализующая, тем не менее, лишь часть их содержания» [3, с. 22]. В указанном смысле современное российское законодательство об арбитраже – это также форма конкретизации конституционно-правовых норм.

Как государственно-правовой институт, конституционализм, по оценке В.В. Лазарева, представляет собой противоречивое единство нормативных и институциональных актов следования легитимному образу конституции [1, с. 51]. Последовательно выработанное за последние 30 лет единство нормативных и институциональных актов в сфере арбитража, следующих образу Конституции Российской Федерации, ее духу и букве, сформировало, на наш взгляд, основу для включения третейского разбирательства в конституционное поле. В 2011 г. Конституционный Суд РФ указал: «...возможность разрешения гражданско-правовых споров посредством третейского разбирательства основана на положениях Конституции Российской Федерации (курсив наш. – С. К.), закреплена в гражданском законодательстве и соответствующих процессуальных нормах (предметом регулирования которых обусловлено и использование применительно к третейскому разбирательству как альтернативной форме защиты гражданских прав термина “суд”))» (Пост. от 26.05.11, п. 3).

Подобное указание высшего органа конституционного контроля имело весьма серьезные последствия для развития третейского разбирательства и обретения им своего статуса в российской социальной системе. Стало очевидным, что законодатель уже не может произвольно отказаться от самого феномена третейского разбирательства, отменив законодательные акты, определяющие его правовое положение. Вновь повторив приведенные выводы в решениях 2023 и 2024 гг., Конституционный Суд РФ поставил точку в общественной дискуссии о целесообразности арбитража, его правовых основах и перспективах. Граждане России, юридические лица вправе требовать от государства создания условий для эффективной работы этого социального механизма, коль скоро он основан на положениях Основного Закона страны. Вторым следствием стало постепенное развитие третейского разбирательства уже не путем слепого копирования зарубежных институтов, а на основе стандартов и ценностей, заложенных в Конституции России. Не произвол частных лиц, не безграничная воля участников гражданских правоотношений определяют основу конструкции негосударственного юрисдикционного механизма, но только Основной Закон в интересах обеспечения прав и свобод человека и гражданина образует правовую платформу для арбитража (третейского разбирательства). Как представляется, особое звучание приведенное положение приобрело в современных условиях. Подчеркнем, что

исторически арбитраж во многих странах развивался через восприятие международного опыта, подходов международных соглашений и конвенций, нередко модельного законодательства (например, Типового закона ЮНСИТРАЛ «О международном торговом арбитраже» 1985 г.). Сегодня такую платформу способен сформировать конституционализм в его интегративном понимании.

Старт конституционализации арбитража, новый вектор его развития задал Конституционный Суд России. В.Д. Зорькин подчеркивает: «Конституция, закрепляя ценностный приоритет прав человека для государства, тем самым устанавливает объективный критерий для оценки правового характера государства и правового (или неправового) характера закона, его отличия от произвольного установления государства» [4, с. 130]. Именно Конституция России, таким образом, определяет существование и дальнейшее развитие арбитража на основе ценностей прав человека и гражданина, задает ориентиры для оценки правового либо неправового характера законодательных установлений, регламентирующих возможность разрешения споров посредством арбитража (третейского разбирательства). Все вышеперечисленное, однако, не исключает творческого характера правового воздействия на отношения, возникающие в сфере арбитража. Законодатель, на наш взгляд, должен в целях развития правоположений Конституции России сформировать эффективный, конкурентноспособный правовой институт, отвечающий чаяниям российского общества.

Общая конституционализация арбитража, его конституционная основа не ограничивают усмотрение законодателя, как справедливо указано, «не затрагивают его право в рамках предоставленной дискреции в регулировании данного вопроса (пункты “в”, “о” статьи 71 Конституции Российской Федерации) определять – исходя из необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов – перечень видов споров, которые могут быть переданы на рассмотрение третейского суда, в зависимости от их социальной значимости, конкретных условий развития гражданского оборота и социально-экономической системы в целом, укоренения правовых начал рыночного хозяйства, правовой культуры и других факторов и вносить в этот перечень изменения» (Пост. от 26.05.11, п. 3.1). И, надо признать, российский законодатель указанным правом воспользовался. О.Ю. Скворцов отмечает, что «современное законодательство, устанавливающее ограничения компетенции третейских судов, сопровождалось и привнесением правовой определенности в круг возможностей, которыми обладает частный арбитраж. Более конкретно это выразилось в том, что был существенно сужен перечень арбитрабельных споров» [5, с. 63]. Возможно, это стало не столько проявлением государственного патернализма, сколько результатом оптимизации системы гражданской юрисдикции с учетом складывающейся социальной практики в интересах реализации конституционных ценностей.

Именно конституционализм, на наш взгляд, напрямую определяет эффективность арбитража (третейского разбирательства). В.В. Лазарев указывает: «...конституция – это не о том, как расцветить фасад государственного здания, конституция – это о том, какую эффективную власть учредить и какие властные полномочия дать ее органам для наиболее полномочного осуществления интересов государствообразующего(-их) народа(-ов)» [1, с. 50]. Выражая социальный компромисс, Конституция России задает стандарт эффективности власти (причем,

очевидно, не только власти государственной). Конституционные правоположения формируют основы эффективной власти, образуют каркас властных полномочий органов, применяющих право, на актуальном этапе развития государства и общества. В этом смысле конституционализация создает условия реальной эффективности арбитража (третейского разбирательства), обеспечивает развитие этого института в интересах не столько отдельных участников гражданских правоотношений, сколько всего российского народа. Не менее важен и противоположный аспект. Эффективность арбитража определяет действенность конституционных правоположений, образующих основу отношений, ставших предметом третейского разбирательства. Как отмечено, конституционализация направлена на обеспечение действенности конституционного установления (нормы), достигаемой при условии, что созданные в контексте его конкретизации (в соответствии с ним) нормы отраслевого уровня в общем и целом применяются и соблюдаются [6, с. 31]. Эффективная реализация законодательства об арбитраже как формы конкретизации конституционных установлений обеспечивает их действенность.

В качестве общего вывода В.В. Лазарев подчеркивает, что «конституционализм как идея, а затем как практика развивался из потребности процессуального опосредования организации и деятельности существующей власти. Связать (ограничить) власть – одна из целей, но не единственная и, как оказалось, не самая главная. Надо дать возможности для свободного и творческого осуществления власти. Любой, не только государственной» [1, с. 48]. Очевидно, что эффективная реализация власти в арбитраже (третейском разбирательстве) также требует особого процессуального опосредования, особой регламентации организации и деятельности на основе конституционных принципов. Именно принципы наряду с волей сторон арбитражного соглашения «связывают» власть третейских судей, ограничивают возможный произвол и обеспечивают действие конституционного принципа законности. Конституционализм в третейском разбирательстве – это основа его признания государством и обществом на современном этапе.

Неизменно возвращаясь к вопросу о статусе третейского суда и его компетенции по разрешению споров, Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что «третейские суды, будучи альтернативной формой защиты права и действуя в качестве институтов гражданского общества, наделены публично значимыми функциями, но не осуществляют судебную власть» (Пост. от 03.10.23). И если поначалу подобные утверждения разделяли арбитраж и правосудие, то сегодня они же, воспроизведенные в решениях 2023–2024 гг., приобрели новое звучание. Высший российский орган конституционного контроля встает на защиту арбитража, стремится продемонстрировать его социальный потенциал, позитивную роль как института гражданского общества, как механизма, способного обеспечить эффективность реализации правовых предписаний не только государственным принуждением, но и за счет поддержки их иными социальными регуляторами. В.Д. Зорькин напоминает, что и в правотворчестве, и в правоприменении мы должны серьезно, ответственно и бережно использовать те сохранившиеся в российской социальной ткани неписанные нормы здоровой массовой социальной регулятивности, которые хоть как-то восполняют все еще недостаточную эффективность законодательного правового регулирования [4, с. 23]. Арбитраж, на наш взгляд, способен стать механизмом претворения в жизнь норм социальной регулятивности.

Масштабная общественная дискуссия, состоявшаяся в ходе реформы арбитража 2016 г., – хорошая тому иллюстрация. Неудивительно, что Конституционный Суд РФ последовательно отстаивает ценность третейского разбирательства, акцентирует внимание на его конституционных основаниях. Анализируя знаковые постановления Конституционного Суда РФ, О.Ю. Скворцов подчеркивает их «умеренно проарбитражный характер, утверждающий идею необходимости стратегической защиты института третейского разбирательства и его поддержки. Конституционный Суд РФ обращается к арбитражу в те моменты, когда в практике государственных судов появляется разрушительное для третейских судов начало» [7, с. 58]. По нашей оценке, сохранение института арбитража, создание условий его развития сегодня обеспечиваются его укоренением в конституционном поле.

Известно, что в доктрине конституционализация рассматривается как составляющая процесса конституционно-правовой (юридической) институционализации и подразумевает такие аспекты, как: 1) перманентный процесс конкретизации начал, освоения ценностей и норм Конституции России в действующем законодательстве; 2) включение в Конституцию основных принципов и статусов тех или иных субъектов конституционно-правовых отношений [6, с. 26]. Наблюдаются ли подобные проявления в арбитраже (третейском разбирательстве)? Очевидно, что последние три десятилетия демонстрируют интеграцию ценностей и норм Конституции РФ, конкретизацию закрепляемых ею основных начал в действующем законодательстве об арбитраже. Несмотря на то, что Конституционный Суд РФ отказывает третейским судам в праве на обращение с запросом о проверке конституционности в соответствии с требованиями Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (см., например, (Опр. от 13.04.00)), последний тем не менее настойчиво подчеркивает статус третейских судов как институтов гражданского общества, наделенных публично значимыми функциями. В понимаемую в широком смысле конституцию, таким образом, практикой Конституционного Суда РФ включаются основные статусы особых субъектов (третейских судов), а в конституционно-правовое поле – соответствующие институты и отношения. Как же иначе расценивать выводы Конституционного Суда РФ о том, что «в Российской Федерации право сторон гражданско-правового спора на его передачу в третейский суд основано на статье 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 8 (часть 1)» (Пост. от 26.05.11, п. 2)? Конституционализация как важнейшая составляющая процесса конституционно-правовой и, на наш взгляд, социальной институционализации находит свое проявление в сфере арбитража (третейского разбирательства). Стоит также отметить, что конституционность законодательства об арбитраже (а также связанного с ним процессуального законодательства) в России достаточно часто становится предметом оценки со стороны высшего органа конституционного контроля.

Конституционализация подразумевает концептуально выверенные разработки и встраивание законодательства в непротиворечивую правовую систему, основанную на верховенстве Конституции РФ [6, с. 23]. В этом смысле конституционализация арбитража как явления транснационального, вбирающего доказавшие свою действенность конструкции различных правовых систем, будет способствовать встраиванию его нормативных основ в непротиворечи-

вую российскую правовую систему, основанную на верховенстве российского Основного Закона. Кроме того, на наш взгляд, конституционализация арбитража неизбежно влечет за собой расширение нормативного массива, увеличение объема законодательства о третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. Проведенное исследование подтверждает кратное увеличение объема такого законодательства в России за последние десятилетия. Реагируя на правоположения и акценты, расставляемые Конституционным Судом РФ, законодатель, по нашему мнению, будет и дальше закреплять новые нормы, расширять исходную правовую рамку.

Как действует сегодня механизм конституционализации применительно к арбитражу? Прежде всего, конституционно-правовая материя проникает в специальное законодательство. Н.С. Бондарем отмечено, что акты конституционного правосудия обеспечивают «сцепку» собственно конституционно-правовых норм и норм отраслевого законодательства, создают нормативное единство, основанное на выявленной в процессе рассмотрения дела объективной взаимосвязи, переплетении конституционных и отраслевых правоотношений. Основу подобного единства составляет выявляемый Конституционным Судом РФ баланс конституционных ценностей, что способствует, в свою очередь, конституционализации не только отраслевого законодательства, но и соответствующей сферы социальной действительности [8, с. 79]. Анализ постановлений и определений Конституционного Суда РФ, вынесенных по вопросам, связанным с арбитражем, демонстрирует примеры связи конституционно-правовых норм (как правило, правоположений гл. 2 Конституции России) и норм специального законодательства о третейском разбирательстве, а также связанного с ним процессуального и гражданского законодательства. Распространение эффекта действия конституционных правоположений на отношения, возникающие в связи с разрешением споров в третейских судах, позволяет ставить вопрос о конституционализации как отраслевого законодательства, так и соответствующей сферы социальной действительности. Конституционализм становится, таким образом, не только ориентиром в законотворчестве и правоприменении, но также и стандартом деятельности, реализуемой арбитрами и участниками третейского разбирательства. Важную роль в конституционализации играют правовые позиции Конституционного Суда РФ – «системы выводов и аргументов, выявленных в ходе рассмотрения конкретных дел по сугубо определенным проблемам и имеющих общий характер, т. е. приемлемых и необходимых для решения подобных проблем при рассмотрении других дел» [9, с. 15]. Анализ показывает, что выводы и мотивы, сформулированные в ходе разбирательства конкретных дел в сфере арбитража, определяют не только дальнейшие решения Конституционного Суда РФ, но также составляют основу правоприменительной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Второе важнейшее проявление действия механизма конституционализации связано с тем, что «Конституционным Судом РФ обеспечивается актуальная идентификация целей конституционно-правового регулирования» [10, с. 42]. Это обстоятельство имеет важное практическое значение, в том числе для правильного понимания правовых предписаний и их эффективного применения. Как известно, «цели закона выходят за пределы непосредственного содержания

нормы права» [11, с. 26]. По этим причинам высший орган конституционного контроля направляет законодателя и особенно правоприменителей тогда, когда под влиянием тех или иных факторов вектор правового воздействия отклоняется от заданного Конституцией России. Особую значимость подобная актуализация приобретает в процессе и после реформирования отраслевого законодательства. Так, например, в сфере арбитража остается в актуальной повестке проблема рассмотрения третейскими судами споров о правах на недвижимое имущество. Многочисленные научные исследования, разъяснения высших судебных инстанций и даже законодательные предписания, как показывает практика, не могут поставить точку в обозначенном вопросе. Конституционный Суд РФ в одном из последних постановлений вынужден был вновь актуализировать цели правового регулирования, указав, что ни процессуальные кодексы, ни иные федеральные законы непосредственно не исключают рассмотрения третейскими судами споров о правах на недвижимое имущество, равно как и не вводят для арбитража по таким спорам специальных требований. Отсутствует запрет на третейское разбирательство в отношении каких-либо категорий споров, в том числе споров о правах на недвижимое имущество (Пост. от 03.10.23, п. 3, 4). «Требование о государственной регистрации прав на недвижимость не влияет на природу спора об этих правах, а отношения по поводу регистрации нельзя считать элементом спорного правоотношения, суть которого остается гражданско-правовой» (Пост. от 16.04.24, п. 2). Действие конституционного механизма актуализации целей правового регулирования очевидно. Таким образом, идентификация целей правового воздействия на основе конституционных принципов и принципов – это важная составляющая конституционализации арбитража.

Принято считать, что предметом конституционализации являются значения (смыслы) актуально определенного – в модели конституционного правопорядка – «должного», нормативно значимым образом выраженные во внутренних (имманентных) и внешних (вторичных) формах позитивного права [10, с. 105]. Актуально определить «должное», выявить его смыслы (значения) – с этой ролью в аспекте конституционализации с успехом справляется Конституционный Суд РФ. В сфере арбитража высший орган конституционного контроля неоднократно предпринимал попытки обозначить ориентир, к которому должны стремиться законодатель и правоприменители; определить «должное» состояние отношений, возникающих в связи с разрешением гражданских дел третейскими судами (международными коммерческими арбитражами); указать смысл деятельности негосударственных юрисдикционных органов и их значение для социальной системы. Так, например, в одном из постановлений указано: «по смыслу статей 10, 11 (часть 1), 118 (часть 1) и 124–128 Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ “О судебной системе Российской Федерации”, третейские суды не осуществляют государственную (судебную) власть и не входят в судебную систему Российской Федерации, состоящую из государственных судов. Это, однако, не означает, что Конституция России исключает тем самым возможность разрешения гражданско-правовых споров между частными лицами в процедуре третейского разбирательства посредством третейских судов, действующих в качестве институтов гражданского общества, наделенных публично значимыми функциями»

(Пост. от 26.05.11, п. 2). Именно указанные смыслы должны быть раскрыты законодателем во внешних формах права позитивного. Обновление законодательства в ходе арбитражной реформы 2016 г. преследовало (выразим надежду), в частности, такие цели. Таким образом, в России значения (смыслы) актуально определенного в модели конституционного правопорядка «должного» в сфере арбитража (третейского разбирательства) стали предметом конституционализации.

По наблюдению специалистов, общим следствием конституционализации выступает генерация, появление (приращение, признание) конституционной по своему качеству, то есть однородной, правовой материи [10, с. 43]. Практика законодательства в сфере арбитража в последние десятилетия являет собой примеры подобной «генерации однородной правовой материи». Так, действующие сегодня законы, определяющие правовой статус третейских судов и международных коммерческих арбитражей, отличаются значительной унификацией подходов к регулированию отношений, возникающих в связи с разрешением арбитрами дел по внутригосударственным и международным спорам из гражданских правоотношений. Однородная, основанная на положениях Конституции Российской Федерации правовая материя последовательно распределена законодателем в процессуальных кодексах (гл. 46, 47, 47.1 ГПК РФ, гл. 30, 31 АПК РФ), в Федеральном законе от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и Законе РФ от 07 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (в ред. от 30 декабря 2021 г.). Появление подобной непротиворечивой правовой материи (которая, кстати, нередко является предметом анализа со стороны Конституционного Суда РФ) можно считать следствием общей конституционализации арбитража (третейского разбирательства), действия начал верховенства права.

Важнейшее значение в формировании конституционных основ арбитража имеет, на наш взгляд, знаковое Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П (Пост. от 26.05.11), принятое еще по запросу Высшего Арбитражного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 11 ГК РФ, п. 2 ст. 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», ст. 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», п. 1 ст. 33 и ст. 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)». Отмечая его системообразующий характер, В.Д. Зорькин указал, что в указанном постановлении Конституционный Суд РФ «осуществил системный анализ *конституционно-правовых основ организации и деятельности третейских судов* (курсив наш. – С. К.), их места и роли в защите прав личности, соотношения частного и публичного в их деятельности» [12, с. 423]. Правоположения упомянутого постановления определили не только содержание дальнейших решений Конституционного Суда РФ, но также и направления развития арбитражного законодательства. Не менее важную роль, как представляется, способно сыграть и недавнее Постановление № 46-П, принятое 3 октября 2023 г. по делу о проверке конституционности п. 1 ст. 131 ГК РФ и п. 5 ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобой гражданки Т.В. Солодовниковой (Пост. от 03.10.23), а также Постановление от 16 апреля 2024 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 426 ГПК РФ в связи

с жалобой гражданина И.Ю. Колосова» (Пост. от 16.04.24). Анализ показал, что значимый вклад в конституционализацию третейского разбирательства внесли также и другие решения. Все они образуют нормативный массив, проникнутый конституционными ценностями. Как особый вид актов нормоустановительного характера, решения Конституционного Суда РФ, как известно, – это «не закон, но по юридической силе выше, чем закон» [2, с. 127].

Конституционализация во многом есть актуальная сущностно-содержательная конкретизация прав и свобод человека и гражданина, конституционных обязанностей [10, с. 17]. Именно такой подход демонстрирует Конституционный Суд РФ, утверждая, что в Российской Федерации право сторон гражданско-правового спора на его передачу в третейский суд основано на ст. 45 (ч. 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее ст. 8 (ч. 1), согласно которой гарантируются свобода экономической деятельности и поддержка конкуренции, и ст. 34 (ч. 1), закрепляющей право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (Пост. от 26.05.11, п. 2). На наш взгляд, содержательная конкретизация прав, закрепленных в ст. 45 Конституции России во взаимосвязи с ее ст. 8 (ч. 1) и ст. 34 (ч. 1), реализованная Конституционным Судом РФ как «генератором судебного конституционализма», является искомым проявлением конституционализации арбитража (третейского разбирательства).

По мере своего развития, интеграции в социальную практику арбитраж неизбежно сталкивается с проблемами искажения правовых институтов и конструкций (нередко – злонамеренного), созданных для защиты, проблемами злоупотреблений правом со стороны лиц, вовлеченных в сферу третейского разбирательства. Оказалось, что созданные в расчете на высокую правовую культуру, проникнутую началами юснатурализма, экономического и социологического подходов к праву, скупые законодательные предписания оказались неэффективными в системе, построенной на принципах позитивизма. Уже много лет мы наблюдаем повторяющиеся, во многом безуспешные попытки синхронизировать, например, категории законности и нарушения публичного порядка в деятельности третейских судов. Возможный выход подсказывает, как представляется, именно конституционализм в его интегративном понимании. Мы согласны с В.И. Круссом в том, что только на основе конституционного правопонимания может быть обеспечено институционально-юридическое противодействие злоупотреблениям правами и свободами человека [10, с. 21]. Именно конституционное правопонимание способно стать основой институционального противодействия злоупотреблениям в сфере арбитража. Это, кстати, демонстрирует и Конституционный Суд РФ, однако, признаем, не всегда последовательно.

Характеризуя объект конституционного регулирования, ученые подчеркивают, что конституция вправе называться современной, если она регулирует основы общественных отношений: социальной, экономической, политической систем общества, его духовной жизни, правового статуса человека и гражданина, основы прямых и обратных связей индивида – коллектива – государства – общества путем применения государственной власти, используемой для создания и распределения социальных ценностей при сотрудничестве и состязательности различных сил общества [13, с. 74]. Третейское разбирательство (арбитраж), вы-

ступая юрисдикционным механизмом распределения социальных ценностей, как раз и основано на началах сотрудничества и состязательности самого общества и неизбежно включается в систему связей индивида – коллектива – государства – общества. Именно по обозначенным причинам, на наш взгляд, арбитраж все чаще становится предметом пристального внимания Конституционного Суда РФ, а в перспективе может стать объектом конституционного регулирования (в смысле широко понимаемой конституции, разумеется). Стоит отметить, что третейское разбирательство тесно связано с иными правовыми феноменами, занимающими важное место среди объектов конституционного регулирования, главным образом – с правосудием. Такая связь неизбежно обеспечивает постепенное распространение конституционно-правового воздействия на сопряженные элементы правовой системы. Примером может послужить криминализация коррупции в арбитраже и введение в 2020 г. в УК РФ комплекса норм об уголовной ответственности за подкуп арбитров (третейских судей) (ФЗ № 352). Основанная на подобных связях, «проникающая» конституционализация арбитража оказывает прямое влияние на основные объекты конституционного регулирования, на реализацию прав и свобод человека и гражданина в юрисдикционной сфере.

Предмет конституционного права любого государства, подчеркивал О.Е. Кутафин, не может быть раз и навсегда данным, он зависит от содержания конституции и основополагающих документов, действующих в государстве на данном этапе его развития. Объем отношений, образующих предмет конституционного права, по его оценке, зависит не от выявления тех или иных особенностей таких отношений, а от воли государства, придающего этим отношениям конституционный характер [14, с. 26]. Конституционализация арбитража, таким образом, отражает волю государства применительно к включению отношений в сфере третейского разбирательства в широко понимаемый предмет конституционного регулирования и конституционного права. Соглашаясь с высказанными в доктрине выводами о естественном характере динамики предмета конституционного права, подчеркнем, что конституционализация арбитража – это не «мнимое расширение предмета по горизонтали, посредством введения новых, не обоснованных терминов», а вполне реальное расширение предмета конституционного права, которое «видится в углублении, вызванном появлением в связи с развитием научно-технического прогресса новых процедур в механизме реализации конституционно закрепленных прав и институтов; изменением политической, экономической ситуации» [15, с. 20].

На наш взгляд, ученым еще только предстоит определиться с тем, как именно будут характеризоваться отношения в сфере арбитража в качестве объекта регулирования конституционного права. В этом смысле конституционное измерение арбитража еще только предстоит раскрыть. О.Е. Кутафин указывал, что «конституционное право как бы имеет своим предметом двуединый объект регулирования, ибо в одних сферах жизни общества нормы конституционного права регулируют лишь основополагающие отношения... а в других сферах жизни общества предметом конституционного права охватывается весь комплекс общественных отношений» [14, с. 308]. В таком представлении о предмете, ставшем классическим, отношения в сфере третейского разбирательства тяготеют к первому варианту, нормы конституционного права (прежде всего

ст. 45 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее ст. 8) регулируют лишь основополагающие основания арбитража.

В актуальной повестке неизменно остаются проблемы сопряжения арбитража и государственного правосудия. Не являются единичными доктринальные выводы о том, что «третейско-судебное экономическое правосудие служит одной из форм альтернативного экономического правосудия» [16, с. 183]. В подобном понимании арбитраж, очевидно, подлежит прямому регулированию нормами гл. 7 Конституции России. Практика, однако, развивается иначе. Конституционный Суд РФ последовательно напоминает, что «третейские суды, будучи альтернативной формой защиты права и действуя в качестве институтов гражданского общества, наделены публично значимыми функциями, но не входят в российскую судебную систему и не осуществляют судебную власть» ((Пост. от 03.10.23) и др.). При этом, как указывает высший орган конституционного контроля, право на судебную защиту – полную, эффективную и своевременную – обеспечивается возможностью обратиться в предусмотренных законом случаях в государственный суд, в частности путем подачи заявления об отмене решения третейского суда либо о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение ((Пост. от 03.10.23) и др.). Действуя как элементы юрисдикционного механизма (конечно, не равновеликие), правосудие и арбитраж нуждаются в координации, непротиворечивом встраивании третейского разбирательства в систему разрешения правовых конфликтов. Более того, по некоторым оценкам, развитие арбитража является отражением тенденции укрепления демократических начал правосудия. Конституция Российской Федерации задает основы подобной координации. Конституционный Суд РФ указал: «...пункт 1 статьи 11 ГК Российской Федерации во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1 Федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”, закрепляя статус третейского разбирательства как альтернативной формы разрешения гражданско-правовых споров, выражают тенденцию к упрочению демократических начал правосудия и как таковые не противоречат Конституции Российской Федерации, в том числе ее статьям 8 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1 и 3), 45 (часть 2), 46, 55 и 118» (Пост. от 26.05.2011, п. 3.3).

Еще один важный аспект – это конституционализация правовых конструкций и понятий, входящих в систему регулирования арбитража (третейского разбирательства). Так, например, Конституционный Суд РФ своими постановлениями закрепил понятие публичного порядка Российской Федерации, определил его действие как основание для отмены решений и отказа в признании и приведении в исполнение решений третейских судов и международных коммерческих арбитражей. Так, в 2017 г. Конституционный Суд РФ указал, что национальный публичный порядок формируется положениями Конституции Российской Федерации, прежде всего относящимися к правам и свободам человека и гражданина и основам конституционного строя (см. подробнее (Пост. от 19.01.17)). В Постановлении от 3 октября 2023 г. № 46-П Конституционный Суд РФ обратился к анализу законоположений, определяющих содержание «публичного порядка», «основ правопорядка» и «основных принципов российского права», сформулировав в результате конституционно-правовое понятие публичного порядка и обозначив конституционные принципы, которые опреде-

ляют его содержание (например, принцип добросовестности). С точки зрения юридической техники весьма примечательной является форма конституционализации – через закрепление в тексте постановления Конституционного Суда РФ разъяснений, сформулированных Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» (Пост. от 10.12.19). В Постановлении № 18-П категория публичного порядка получила дальнейшее развитие и конституционно-правовое наполнение.

В завершение подчеркнем, что единство нормативных и институциональных актов в сфере третейского разбирательства гражданских дел, следующих образу Конституции Российской Федерации, ее духу и букве, сформировало основу для его включения в конституционное поле. Именно Основной Закон образует сегодня правовую платформу для арбитража в России, обеспечивает права и свободы граждан и организаций, вовлеченных в сферу третейского разбирательства, закладывает базу эффективного действия соответствующего социального института. Отвечая на вызовы времени, Конституционный Суд РФ последовательно отстаивает ценность третейского разбирательства как механизма претворения в жизнь норм социальной регулятивности, акцентирует внимание на его конституционных основаниях. Трансформация арбитража, на наш взгляд, является следствием конституционализации, направляется смыслами и ценностями Конституции России. Распространение эффекта действия конституционно-правовых норм на отношения, возникающие в связи с разрешением споров в третейских судах, позволяет говорить о конституционализации не только отраслевого законодательства, но также и соответствующей сферы социальной действительности. Не менее важную роль играет конституционализация правовых конструкций и понятий, входящих в систему регулирования арбитража (третейского разбирательства).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Пост. от 16.04.24 – Постановление Конституционного Суда РФ от 16 апр. 2024 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 426 ГПК РФ в связи с жалобой гражданина И.Ю. Колосова» // Собр. законодательства РФ (СЗ РФ). 2024. № 18. Ст. 2512.
- Пост. от 18.11.14 – Постановление Конституционного Суда РФ от 18 нояб. 2014 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”, пункта 2 части 3 статьи 239 АПК РФ и пункта 3 статьи 10 Федерального закона “О некоммерческих организациях” в связи с жалобой открытого акционерного общества “Сбербанк России”» (пункт 3) // СЗ РФ. 2014. № 47. Ст. 6634.
- Пост. от 26.05.11 – Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 ГК РФ, пункта 2 статьи 1 Федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”, статьи 28 Федерального закона “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона

“Об ипотеке (залоге недвижимости)” в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда РФ» (пункт 3) // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3356.

Пост. от 03.10.23 – Постановление Конституционного Суда РФ от 03 окт. 2023 г. № 46-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса РФ и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона “О государственной регистрации недвижимости” в связи с жалобой гражданки Т.В. Солодовниковой» // СЗ РФ. 2023. № 42. Ст. 7596.

Опр. от 13.04.00 – Определение Конституционного Суда РФ от 13 апр. 2000 г. № 45-О «Об отказе в принятии к рассмотрению обращения Независимого арбитражного (третейского) суда при Торгово-промышленной палате Ставропольского края о проверке конституционности статьи 333 ГК Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

ФЗ № 352 – Федеральный закон от 27 окт. 2020 г. № 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 6894.

Пост. от 10.12.19 – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 дек. 2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3. С. 3–17.

Литература

1. *Лазарев В.В.* Об интегративном понимании конституционализма // Журн. рос. права. 2023. Т. 27, № 5. С. 39–53. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.050>.
2. *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 527 с.
3. *Кокотов А.Н.* О правотворческом содержании решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 21–24.
4. *Зорькин В.Д.* Цивилизация права и развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 416 с.
5. *Скворцов О.Ю.* О консервативной модели арбитража // Закон. 2017. № 9. С. 60–64.
6. *Кузьмин А.Г.* Конституционализация российского правосудия (арбитражно-судебный аспект): проблемы теории и практики. М.: Городец, 2016. 367 с.
7. *Скворцов О.Ю.* Конституционный Суд: идеология практики, касающейся третейских судов (постепенное продвижение либеральных идей, основанное на консервативном противостоянии радикализму судебной практики) // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 56–68.
8. *Бондарь Н.С.* Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журн. рос. права. 2007. № 4. С. 75–85.
9. *Саликов М.С.* О сущности правовых позиций Конституционного Суда РФ // Рос. юрид. журн. 2003. № 1. С. 14–17.
10. *Крусс В.И.* Конституционализация права: основы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 239 с.
11. *Насырова Т.Я.* Телеологическое (целевое) толкование советского закона: теория и практика. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 143 с.
12. *Зорькин В.Д.* Конституционный Суд России: доктрина и практика. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 592 с.
13. *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. 319 с.
14. *Кутафин О.Е.* Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001. 443 с.

15. Комарова В.В. Реальное и мнимое расширение предмета конституционно-го права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 11–23. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.95.10.011-023>.
16. Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М.: Волтерс Клувер, 2006. 579 с.

Поступила в редакцию 20.04.2024
Принята к публикации 25.06.2024

Курочкин Сергей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права им. С.С. Алексеева

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева
ул. Комсомольская, д. 21, г. Екатеринбург, 620066, Россия
E-mail: s.a.kurochkin@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 3, pp. 81–96

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.81-96

Constitutionalization of Arbitration

S.A. Kurochkin

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, 620066 Russia

E-mail: s.a.kurochkin@mail.ru

Received April 20, 2024; Accepted June 25, 2024

Abstract

The number of arbitration cases handled by the Constitutional Court of the Russian Federation has steadily increased over the years. The evolution of social practices and judicial approaches to arbitration procedures has prompted the supreme body for judicial protection of the Russian Constitution to repeatedly review whether the legal concepts used to resolve civil disputes by arbitration courts and international commercial arbitrations align with the nation's basic law. The outcome of this process is a set of legal principles that define the constitutional and judicial foundations of arbitration in Russia. The above trends have facilitated the use of the integrative concept of constitutionalism in arbitration. This study highlights the constitutionalization of both arbitration and its social application. From a standalone perspective, the problems of enhancing the constitutional and legal principles of arbitration were discussed, and the further progress of constitutionalism in Russian arbitration was predicted.

Keywords: arbitration, arbitration proceedings, constitutionalization, constitutional values, constitutionalism, Constitutional Court of Russia

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Lazarev V.V. On the integrative understanding of constitutionalism. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2023, vol. 27, no. 5, pp. 39–53. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.050>. (In Russian)
2. Bondar N.S. *Sudebnyi konstitutsionalizm: doktrina i praktika* [Judicial Constitutionalism: Doctrine and Practice]. Moscow, Norma, INFRA-M, 2015. 527 p. (In Russian)

3. Kokotov A.N. On the legislative aspects of the rulings issued by the Constitutional Court of the Russian Federation. *Rossiiskaya Yustitsiya*, 2014, no. 4, pp. 21–24. (In Russian)
4. Zorkin V.D. *Tsivilizatsiya prava i razvitie Rossii* [Civilization of Law and Development of Russia]. Moscow, Norma, INFRA-M, 2016. 416 p. (In Russian)
5. Skvortsov O.Yu. On the conservative model of arbitration. *Zakon*, 2017, no. 9, pp. 60–64. (In Russian)
6. Kuz'min A.G. *Konstitutsionalizatsiya rossiiskogo pravosudiya (arbitrazhno-sudebnyi aspekt): problemy teorii i praktiki* [Constitutionalization of Russian Justice (Arbitration and Judicial Settlement): Theoretical and Practical Issues]. Moscow, Gorodets, 2016. 367 p. (In Russian)
7. Skvortsov O.Yu. Constitutional Court: The legal stance on arbitration practice (gradually advocating for the liberal principles through conservative opposition against radicalism in judicial practice). *Treteiskii Sud*, 2023, no. 1/2, pp. 56–68. (In Russian)
8. Bondar N.S. Norms and doctrines behind of the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation as the legal sources. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2007, no. 4, pp. 75–85. (In Russian)
9. Salikov M.S. On the essence of the legal stance of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Rossiiskii Yuridicheskii Zhurnal*, 2003, no. 1, pp. 14–17. (In Russian)
10. Kruss V.I. *Konstitutsionalizatsiya prava: osnovy teorii: monografiya* [The Constitutionalization of Law: Fundamentals of Theory: A Monograph.] Moscow, Norma, INFRA-M, 2016. 239 p. (In Russian)
11. Nasyrova T.Ya. *Teleologicheskoe (tselevoe) tolkovanie sovetskogo zakona: teoriya i praktika* [Teleological (Targeted) Interpretation of the Soviet Law: Theory and Practice]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1988. 143 p. (In Russian)
12. Zorkin V.D. *Konstitutsionnyi Sud Rossii: doktrina i praktika* [The Constitutional Court of Russia: Doctrine and Practice]. Moscow, Norma, INFRA-M, 2018. 592 p. (In Russian)
13. Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E. *Teoriya sovremennoi konstitutsii* [The Theory of Modern Constitution]. Moscow, Norma, 2005. 319 p. (In Russian)
14. Kutafin O.E. *Predmet konstitutsionnogo prava* [The Subject of Constitutional Law]. Moscow, Yurist", 2001. 443 p. (In Russian)
15. Komarova V.V. Real and imaginary expansion of the subject of constitutional law. *Aktual'nye Problemy Rossiiskogo Prava*, 2018, no. 10, pp. 11–23. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.95.10.011-023>. (In Russian)
16. Kleandrov M.I. *Ekonomicheskoe pravosudie v Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Economic Justice in Russia: On the Past, Present, and Future]. Moscow, Wolters Kluwer, 2006. 579 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Курочкин С.А. Конституционализация третейского разбирательства // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 81–96. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.81-96>. ⟩

⟨ **For citation:** Kurochkin S.A. Constitutionalization of arbitration. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 3, pp. 81–96. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.81-96>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.09

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.97-109

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКИХ ТКАНЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л.Т. Волова, Н.А. Максименко, М.В. Левина

*Самарский государственный медицинский университет Министерства
здравоохранения РФ, г. Самара, 443099, Россия*

Аннотация

В статье обоснована необходимость отдельного правового регулирования отношений в сфере деятельности банков тканей, инновационных биомедицинских тканевых и гибридных технологий. Проведен анализ существующих в России проблем правового регулирования отношений, возникающих в сфере биомедицинских тканевых и клеточно-тканевых технологий. В ходе анализа действующего российского законодательства выявлены следующие основные недостатки и противоречия: отсутствуют федеральные законы, регулирующие деятельность банков тканей; не регламентированы отношения в сфере донорства человеческого биоматериала для производства медицинских изделий; нуждаются в урегулировании вопросы, связанные с порядком и особенностями изъятия, хранения, транспортировки биологического материала человека в целях изготовления медицинских изделий; не определены перечень и правовой статус организаций, осуществляющих соответствующую деятельность, и правовой режим биологического материала, используемого для указанных целей. Акцент в статье сделан на требующих законодательного урегулирования практических вопросах деятельности тканевых банков, инновационных биомедицинских технологий. Предложено внести изменения в законодательство и регламентировать общественные отношения, возникающие в обозначенной сфере.

Ключевые слова: медицинское право, биоимплантаты, правовое регулирование отношений в сфере биомедицинских тканевых технологий, правовое регулирование отношений в сфере деятельности банков тканей, донорство биоматериала для производства биоимплантатов

Сегодня в сфере российской медицины наблюдается ренессанс вузовской науки 60-х годов XX в., когда во всех подведомственных Минздраву СССР высших учебных заведениях страны были созданы научно-исследовательские лаборатории, ставшие центрами развития научных направлений. Важным современным аспектом деятельности медицинских вузов является создание новых продуктов и технологий, что коррелирует со Стратегией развития медицинской науки в Российской Федерации (далее – СРМН), цель которого заключается в разработке высокотехнологичных инновационных продуктов, обеспечивающих трансфер инновационных технологий в практическое здравоохранение, и в сохранении и

укреплении здоровья населения. Инновационные биомедицинские технологии и продукты позволяют при повреждениях и разрушениях различных тканей организма производить их полное восстановление с помощью изделий медицинского назначения биогенной природы (далее – биоимплантаты), которые могут применяться в различных областях реконструктивной и регенеративной медицины, таких как травматология, ортопедия, отоларингология, стоматология и др., для восстановления посттравматических и послеоперационных дефектов, различных патологических изменений в опорно-двигательной системе и покровных тканях организма. Особенно актуально их применение в условиях СВО в связи с увеличением числа пациентов со сложными и тяжелыми травмами для восстановления их утраченных функций.

Однако в настоящее время наблюдается несоответствие между развитием медицинских биотехнологий и регулируемыми данную сферу нормативными актами, что в конечном счете замедляет становление обозначенного стратегически важного направления, являющегося одним из главных трендов развития медицины в XXI в. Как отмечено в СРМН, научные достижения в новых областях медицины приводят к появлению продуктов и технологий, требующих разработки новых принципов контроля безопасности, эффективности, качества и требований к обороту инновационных продуктов. Стимулирование инновационного процесса предполагает устранение преград в развитии новых отраслей биомедицины и создание условий для ускоренного внедрения передовых научно-технических разработок в практическое здравоохранение, а значит, требует постоянного совершенствования нормативной правовой базы.

В научной литературе правовому аспекту обозначенного направления медицинской науки также уделено недостаточно внимания. В юридических источниках довольно широко рассмотрены вопросы и проблемы правового регулирования в сфере трансплантации органов и тканей человека [1–7], однако тема правового регулирования в области биомедицинских тканевых и гибридных клеточно-тканевых технологий, деятельности банков тканей не проработана, исследований по указанной тематике на текущий момент практически нет. В имеющихся научных публикациях в основном констатируется проблема отсутствия соответствующего законодательства.

Следует отметить, что темп развития медицинских биотехнологий существенно превышает скорость правотворческой реакции. Как отмечено в [7], процессы разработки и применения биомедицинских технологий, в том числе тканевых и гибридных клеточно-тканевых, нуждаются в своевременном и адекватном правовом регулировании, которое бы соотносило систему биологического знания с системой человеческих ценностей. В настоящее время вся обозначенная область с точки зрения социального регулирования является примером этического и правового «запаздывания» общественной оценки условий развития новых направлений медицины [8]. Биоимплантаты сейчас находятся вне правового поля, что резко затрудняет процесс как их разработки и производства, так и применения в клинической практике [9].

В юридической литературе предпринимаются попытки выделения биоправа как отдельной отрасли права [10–12]. Исследователи обосновывают существование биоправа как нового феномена, нового интенсивно развивающегося

ся правового комплекса, а в перспективе – отрасли права нового поколения, одновременно охватывающей нормы международного и национального права. Также отмечается, что в рамках данной отрасли уже обозначились ее субъекты, объекты и институты: в частности, к институтам биоправа отнесены институты биомедицины и биоинженерии, в сферу деятельности которых входят и биомедицинские тканевые и гибридные клеточно-тканевые технологии. В научной литературе доказывается необходимость системного и комплексного правового регулирования биотехнологий [13].

Проведенный нами анализ законодательства позволяет утверждать, что в настоящее время в Российской Федерации отсутствуют федеральные законы, регулирующие деятельность банков тканей. В частности, не регламентированы отношения в сфере донорства человеческого биоматериала для производства медицинских изделий, а также вопросы, связанные с порядком и особенностями изъятия, хранения, транспортировки биологического материала человека в целях изготовления изделий медицинского назначения; не определен перечень и правовой статус организаций, осуществляющих соответствующую деятельность, и правовой режим биологического материала, применяемого для указанных целей. Возможность использования биоматериала человека при производстве медицинских изделий в действующем российском законодательстве не определена, но и не запрещена. При этом на уровне отдельных подзаконных правовых актов подобная возможность предусмотрена. Так, в «Номенклатурной классификации медицинских изделий», утвержденной приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 6 июня 2012 г. № 4н (НКМИ), закреплены виды медицинских изделий, содержащих биологические материалы человека (например, в раздел 6.14 «Трансплантаты и сопутствующие изделия» включены следующие их виды: имплантат костного матрикса человеческого происхождения; матрица для регенерации кожи человеческого происхождения; имплантат суставного хряща биоматриксный человеческого происхождения; аллотрансплантат губчатого вещества кости/хряща от трупного донора; протез сердечного клапана трупный; аллотрансплантат костный трупный и др.).

Основу нормативного регулирования инновационных биомедицинских технологий сегодня составляют нормы федерального законодательства, напрямую или косвенно затрагивающие вопросы донорства человеческого материала. К ним можно отнести Конституцию Российской Федерации (Конституция РФ), Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее ФЗ № 323), Закон Российской Федерации № 4180-1 от 22 декабря 1992 г. «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее Закон РФ № 4180-1), Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» (далее ФЗ № 180), Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» (ФЗ № 125), нормативно-правовые акты Министерства здравоохранения РФ.

В соответствии с Конституцией РФ в Российской Федерации права и свободы человека признаются высшей ценностью и охраняются государством. Поправки к Конституции РФ 2020 г. (ФКЗ № 1) закрепили оказание доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни и формирова-

ния культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью. Несомненно, инновационные биомедицинские технологии позволяют увеличить продолжительность жизни и улучшить ее качество, что коррелирует с внесенными в Конституцию поправками.

Принятый в 1992 г. Закон РФ № 4180-1 был необходим, поскольку на тот момент наблюдалось бурное развитие направления трансплантации органов человека. Закон достаточно полно регламентирует юридические вопросы изъятия и заготовки органов и тканей человека, но только в целях их трансплантации, а также определяет перечень органов и (или) тканей человека – объектов трансплантации. При этом указанный закон не может применяться в целях правового регулирования изъятия биологического материала для производства медицинских изделий на основе тканевых и гибридных клеточно-тканевых компонентов ввиду того, что он не затрагивает вопросы изъятия и заготовки органов и тканей для целей дальнейшей переработки и производства биомедицинских тканевых и гибридных клеточно-тканевых продуктов. Кроме того, действие Закона РФ № 4180-1 не распространяется на препараты и пересадочные материалы, для приготовления которых использованы тканевые компоненты.

За более чем 30-летний срок в медицинской науке были сделаны существенные шаги в развитии инновационных тканевых и гибридных клеточно-тканевых медицинских технологий и использовании биоимплантатов, что, как было отмечено ранее, требует соответствующей законодательной базы. В отличие от трансплантации, при которой необходимо сохранение жизнеспособности донорских органов, трансплантируемых реципиенту, спецификой производства биоимплантатов является то, что процесс их создания не требует сохранения жизнеспособности тканей и тканевых компонентов, так как они используются для переработки и создания изделий медицинского назначения.

На наш взгляд, существует два пути развития правового регулирования в обозначенной сфере: внесение изменений в действующее законодательство или принятие отдельного самостоятельного федерального закона, регулирующего деятельность по производству изделий медицинского назначения из биоматериалов человека (биоимплантатов), и соответствующих подзаконных нормативных актов.

Для разработки нового законопроекта или предложений по внесению изменений в действующее законодательство особое значение приобретает уже имеющийся опыт функционирования исследовательско-производственных структур, связанный с разработкой инновационных биотехнологий и производством биоимплантатов и тканевых продуктов. Так, история разработки биотехнологий в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБОУ ВО СамГМУ Минздрава России) насчитывает уже более 40 лет, что позволило выявить существующие противоречия и недостатки нормативно-правовой базы в данной сфере. Учитывая специфику обозначенной отрасли здравоохранения (банков тканей), в новом законе необходимо закрепить нижеследующие основные положения.

Во-первых, следует разграничить понятия донорства органов и тканей, предназначенных для трансплантации (заместительной медицины), и донорства органов, тканей и тканевых компонентов, предназначенных для производства из-

делий медицинского назначения для реконструктивно-регенеративной медицины. Подобное разграничение можно осуществить путем дополнения ФЗ № 323 новой статьей 47.1 «Донорство органов и тканей человека в целях производства медицинских изделий». В указанной статье по аналогии со ст. 47 должны быть четко сформулированы основные принципы донорства, требования к учету, к перечню тканей и органов, подлежащих изъятию, к процедуре изъятия и порядку передачи органов и тканей в целях производства медицинских изделий.

Во-вторых, существенным недостатком действующего законодательства является отсутствие тезауруса специфических терминов и понятий, которые используются в области биомедицинских тканевых технологий и производства биоимплантатов. Необходимо ввести в законодательство новые юридические термины: «банк тканей», «биоимплантат», «биологический материал», «донорство биологического материала для производства биоимплантатов» и др. – и дать им четкое определение в соответствии с международной практикой в области биоимплантологии.

Законом РФ № 4180-1 определен перечень органов и тканей человека, используемых для целей трансплантации, но документ не содержит терминов и понятий. Достаточно полный перечень последних приведен в ФЗ № 180, однако, несмотря на определенные сходства, закрепленные в нем понятия могут быть использованы только в отношении предмета регулирования данного Федерального закона – биомедицинских клеточных продуктов.

По аналогии с ФЗ № 180 могут быть введены дефиниция «биомедицинский тканевый продукт» как класс изделий медицинского назначения, произведенных из тканей человека, имеющих биологическое происхождение и структуру, соответствующую натуральной человеческой ткани, используемых для вживления в организм человека и обеспечивающих максимально физиологический процесс регенерации повреждений, и понятие «гибридный клеточно-тканевый продукт» как класс изделий медицинского назначения, произведенных из человеческих тканей, имеющих биологическое происхождение и структуру, соответствующую натуральной человеческой ткани, и клеток, используемых для вживления в организм человека и обеспечивающих максимально физиологический процесс регенерации повреждений. Приведенные понятия могут быть инкорпорированы в статью 38 ФЗ № 323 как особые виды медицинских изделий.

Понятия «банк тканей» как медицинское (и/или научное) учреждение (подразделение медицинского учреждения), осуществляющее заготовление, транспортировку, хранение, переработку органов и тканей человека для последующего производства биомедицинских тканевых продуктов (биоимплантатов); «биологический материал для производства биоимплантатов» как биологические ткани, клетки, соскобы, смывы, биопсийный материал; «донорство биологического материала для производства биоимплантатов» как процесс посмертного предоставления биологического материала (посмертное донорство) или прижизненного предоставления биологического материала (прижизненное донорство) для производства биоимплантатов могут быть, в свою очередь, включены в специальную статью 47.1 ФЗ № 323.

ФЗ № 323 в ст. 34 «Специализированная, в том числе высокотехнологичная, медицинская помощь» указывает в качестве высокотехнологичной помощи

применение новых сложных и (или) уникальных, а также ресурсоемких методов лечения с научно доказанной эффективностью, в том числе клеточных технологий, роботизированной техники, информационных технологий и методов генной инженерии, разработанных на основе достижений медицинской науки и смежных отраслей науки и техники. Однако понятия «тканевые технологии», «тканевые продукты», «гибридные клеточно-тканевые продукты», «биоимплантаты» закрепления в указанном законе не получили. В пользу отнесения биомедицинских тканевых и клеточно-тканевых продуктов к высокотехнологичной помощи говорит тот факт, что они создаются как из нежизнеспособных тканей, так и из жизнеспособных клеток человека. При производстве гибридных клеточно-тканевых продуктов в качестве скаффолда (матрикса, каркаса) используются опорные и соединительные ткани человека, которые являются основой для жизнеспособных клеток, в результате чего получается высокотехнологичный гибридный продукт (препарат). Аналогично при 3D-биопечати органы и ткани создаются при помощи технологии биопринтинга с использованием живых тканей и клеток человека.

В-третьих, приведенные выше действующие федеральные законы (Закон РФ № 4180-1, ФЗ № 180) закрепляют презумпцию согласия на посмертное изъятие органов и тканей для целей трансплантации, а также производства биомедицинских клеточных продуктов. Данное положение, как мы полагаем, нужно сохранить в новом законопроекте. Кроме того, следует закрепить необходимость получения добровольного информированного согласия пациента на использование его послеоперационного и послеродового утилизируемого биоматериала для производства изделий медицинского назначения.

В-четвертых, в действующем законодательстве не определены субъекты, осуществляющие забор, заготовку, переработку органов, тканей и тканевых компонентов с целью использования биоматериала человека в тканевых и гибридных клеточно-тканевых технологиях. Приказ Министерства здравоохранения РФ и Российской академии наук от 10 ноября 2022 г. № 738н/3 «Об утверждении перечня медицинских организаций, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека» (Приказ МЗ № 738н/3) определяет круг субъектов, осуществляющих деятельность в целях трансплантации органов и/или тканей человека. Необходимо по аналогии с Приказом МЗ № 738н/3 определить перечень учреждений государственной системы здравоохранения, осуществляющих забор, транспортировку и хранение тканей (биоматериала), используемых для создания пересадочных материалов, производства медицинских изделий на основе тканевых компонентов для применения в реконструктивно-регенеративной медицине. Учитывая отмеченную выше важность опыта деятельности исследовательско-производственных структур, работающих в области инновационных биотехнологий и производства тканевых и гибридных клеточно-тканевых продуктов, право осуществления подобного вида деятельности целесообразно закрепить только за специализированными структурами – банками тканей, которые входят в государственные учреждения (вузы, профильные научно-исследовательские институты травматологии, ортопедии, офтальмологии и др.), имеющие в своем составе биотехнологические научно-исследовательские центры, позволяющие развивать разработку инновационных продуктов и техно-

логии их применения, а также обеспечивать надлежащий контроль и соблюдение требований безопасности биологической продукции.

В-пятых, в действующем законодательстве не определен перечень органов и тканей, изымаемых для производства изделий медицинского назначения. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации и Российской академии наук от 4 июня 2015 г. № 306н/3 «Об утверждении перечня объектов трансплантации» (Приказ МЗ № 306н/3) не может применяться для изъятия органов и тканей для производства медицинских изделий ввиду того, что содержащийся в нем перечень сформулирован исчерпывающим образом для целей трансплантации. В связи с этим необходимо расширить его допустимое нормативное использование для указанных целей или разработать иной нормативно-правовой акт, который бы устанавливал перечень анатомических объектов, разрешенных к изъятию для производства тканевых препаратов и медицинских изделий. Как справедливо отмечено в [7], для биотехнологий как особого объекта правового воздействия характерна высокая динамика их развития. Необходимость адаптации правовых систем к подвижности и нетипичной изменчивости биотехнологий предрасполагает к гибкости правового регулирования и использованию специального набора юридических инструментов [7]. В соответствии с вышеприведенной аргументацией упомянутый перечень для дальнейшего развития обозначенного направления медицинской науки и промышленности должен закреплять возможность использования биоматериала для производства изделий медицинского назначения, исходя из общегистологической классификации тканей (опорные и соединительные ткани), а не из наименований отдельных анатомических объектов (фрагменты верхних конечностей, оболочка яичка, пяточный жир и т. д.), как это сформулировано в Приказе МЗ № 306н/3 для целей трансплантации органов и тканей. Перспективное значение для разработки клеточно-тканевых продуктов имеет разрешение на уровне подзаконного акта Минздрава России использования послеоперационных и послеродовых утилизируемых тканей (пуповины, плаценты, амниотической оболочки, всех видов соединительной ткани, фрагментов и целых органов) для применения их каркасов (стромы) при изготовлении гибридных клеточно-тканевых продуктов и 3D-биопринтинга.

Ткани и тканевые компоненты, изымаемые в целях производства медицинских изделий (биоимплантатов), пересадочных материалов и изделий медицинского назначения, не требуют условий стерильности их забора ввиду дальнейшей их стерилизации и переработки. Поэтому будет оправданным нормативно закрепить возможность нестерильного забора донорского материала для создания банка кадаверных тканей, необходимого для производства изделий медицинского назначения на их основе и обеспечения лечебных учреждений высокотехнологичной продукцией для нужд реконструктивно-регенеративной и персонифицированной медицины.

Хорошей нормативной базой для подготовки изменений в законодательство может послужить опыт советского правового регулирования вопросов донорства биоматериала. Так, в частности, ранее действовал приказ Министерства здравоохранения СССР от 14 июня 1972 г. № 482 «Об улучшении обеспечения лечебно-профилактических учреждений и клиник трупными тканями, костным мозгом и кровью» (Приказ МЗ СССР № 482), который четко регламентировал во-

просы изъятия, маркировки и учета, а также передачи трупных тканей, костного мозга и крови лечебно-профилактическим учреждениям, лабораториям и производственным предприятиям. Данный Приказ утратил силу в 1988 г. (Приказ МЗ СССР № 750), нового нормативно-правового акта принято не было. Результатом этого стало резкое снижение количества исследований в области использования трупных тканей. Как отмечено в [14], в настоящее время большинство наиболее востребованных в клинике видов тканей оказалось вне правового поля, что резко затрудняет процессы как их производства, так и применения.

Следует отметить, что работы (услуги) по изъятию и хранению органов и (или) тканей человека для производства изделий медицинского назначения и гибридных клеточно-тканевых продуктов обладают специфическими особенностями, характеризующими их как особый вид медицинской деятельности. Соответственно, их следует ввести в классификатор работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность (утв. Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19 августа 2021 г. № 866н (Приказ МЗ № 866н)).

В действующих медицинских лицензиях и нормативно-правовых документах, регламентирующих деятельность по изъятию, хранению и транспортировке органов и (или) тканей человека для трансплантации, не охвачен весь спектр деятельности банков тканей, инновационной составляющей которых является создание новых продуктов и технологий. Возможность дальнейшего изготовления из тканей и тканевых компонентов изделий медицинского назначения лицензией не предусматривается. В связи с этим необходимо, во-первых, дополнить перечень видов деятельности, на которые требуются лицензии, включив в него деятельность по забору, транспортировке, хранению и переработке тканей для получения пересадочных материалов, медицинских изделий на основе тканевых и клеточно-тканевых компонентов для применения в реконструктивно-регенеративной медицине; во-вторых, определить порядок и (или) правила лицензирования деятельности по забору, транспортировке и хранению тканей для получения пересадочных материалов, медицинских изделий на основе тканевых компонентов для применения в реконструктивно-регенеративной медицине. В частности, потребуются внесение изменений в ст. 12 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ФЗ № 99) в части дополнения перечня видов деятельности, на которые требуются лицензии. Кроме того, в соответствии с требованиями ст. 8 указанного закона необходимо принятие нормативных актов Правительства РФ об установлении лицензионных требований к деятельности по забору, хранению, транспортировке биоматериала для целей производства медицинских изделий (биоимплантатов).

Сегодня, когда скорость всех социально значимых процессов приобретает кулулятивный характер, особо важной становится минимизация времени от создания инновационных научных разработок до их внедрения в медицинскую практику. Вторым важным фактором, помимо вышеуказанного, являются технологические возможности масштабирования производства новых медицинских тканевых и гибридных продуктов, что, в свою очередь, приведет к существенному снижению себестоимости изделий медицинского назначения. Поэтому государственным научным и образовательным учреждениям, имеющим опыт и соответствующую базу в разработке и производстве биоимплантатов, необходимо делегировать

возможность передачи тканей и тканевых компонентов (биоматериала человека) для серийного производства медицинских изделий, пересадочных материалов и изделий медицинского назначения организациям и малым инновационным предприятиям, созданным на основании Федерального закона от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной собственности» (ФЗ № 217). Кроме того, для скорейшего внедрения новых медицинских изделий, полученных при помощи тканевых технологий (биоимплантатов), для практического применения необходимо сократить длительность процедуры регистрации новых медицинских изделий.

Современные реалии убеждают нас в том, что нынешнее состояние медицинской науки и промышленности в области тканевых технологий, сделавших колоссальные шаги в развитии, требует переосмысления подходов к нормативному регулированию. Как отмечено Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию (ППРФФС), сейчас необходимо расставить приоритеты, сконцентрировать ресурсы на получении конкретных, принципиально значимых научных результатов в сферах, имеющих критическое значение для жизни страны, к которым, безусловно, относится медицина. Отсутствие правового регулирования определенным образом сдерживает развитие столь важного в настоящее время направления медицинской науки и практики, как тканевые технологии и производство биоимплантатов.

Таким образом, если резюмировать вышесказанное, выявлены основные недостатки действующего российского законодательства, препятствующие развитию биомедицинских тканевых и клеточно-тканевых технологий, производству биоимплантатов и достижению технологического суверенитета России в этом направлении, и предложены возможные пути их устранения. Следует отметить, что внесение изменений и дополнений в действующее законодательство является необходимой, но промежуточной, временной мерой, которая не решает поднятую проблему в полном объеме. В дальнейшем необходима разработка отдельного федерального закона, регламентирующего отношения, возникающие в сфере биомедицинских тканевых и гибридных технологий, которая в настоящее время имеет стратегически важное значение.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- СРМН – Распоряжение Правительства РФ от 28 дек. 2012 г. № 2580-р «Об утверждении Стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://government.ru/docs/3/>, свободный.
- НКМИ – Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 6 июня 2012 г. № 4н «Об утверждении Номенклатурной классификации медицинских изделий» (ред. от 7 июля 2020 г., вступ. в силу 21 авг. 2020 г.) // Рос. газ. 2012. № 245.
- Конституция РФ – Конституция Российской Федерации (ред. от 6 окт. 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>, свободный.

- ФЗ № 323 – Федеральный закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 4 авг. 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24 июля 2023 г.) // Собр. законодательства РФ (СЗ РФ). 2011. № 48. Ст. 6724.
- Закон РФ № 4180-1 – Закон Российской Федерации № 4180-1 от 22 дек. 1992 г. «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (ред. от 1 мая 2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сент. 2022 г.) // Рос. газ. 1993. № 4.
- ФЗ № 180 – Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» (ред. от 8 авг. 2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 8 авг. 2022 г.) // СЗ РФ. 2016. № 26. Ст. 3849.
- ФЗ № 125 – Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» (ред. от 28 июня 2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 окт. 2022 г.) // СЗ РФ. 2012. № 30. Ст. 4176.
- ФКЗ № 1 – Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
- Приказ МЗ № 738н/3 – Приказ Министерства здравоохранения РФ и Российской академии наук от 10 нояб. 2022 г. № 738н/3 «Об утверждении перечня медицинских организаций, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202211250012>, свободный.
- Приказ МЗ № 866н – Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 авг. 2021 г. № 866н «Об утверждении классификатора работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202108310012>, свободный.
- ФЗ № 99 – Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ред. от 4 авг. 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сент. 2023 г.) // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.
- ФЗ № 217 – Федеральный закон от 2 авг. 2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» // СЗ РФ. 2009. № 31. Ст. 3923.
- Приказ МЗ № 306н/3 – Приказ Министерства здравоохранения РФ и Российской академии наук от 4 июня 2015 г. № 306н/3 «Об утверждении перечня объектов трансплантации» (с изм. и доп. от 1 окт. 2018 г., 27 окт. 2020 г.). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201506220029>, свободный.
- Приказ МЗ СССР № 482 – Приказ Министерства здравоохранения СССР от 14 июня 1972 г. № 482 «Об улучшении обеспечения лечебно-профилактических учреждений и клиник трупными тканями, костным мозгом и кровью» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=19851#ag8H0qT4UF9Cr6OJ>, свободный.
- Приказ МЗ СССР № 750 – Приказ Минздрава СССР от 5 окт. 1988 г. № 750 «О признании утратившими силу нормативных актов Минздрава СССР» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=hLzfpw&base=ESU&n=46720&dst=103026&field=134#bZQH0qTdf4zY2b79>, свободный.
- ППРФФС – Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 февр. 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010>, свободный.

Литература

1. *Сергеев Ю.Д., Поспелова С.И.* Современное состояние и проблемы правового регулирования донорства и трансплантации органов и тканей человека // *Медицин. право.* 2013. № 1 (47). С. 3–9.
2. *Осипова Л.В., Юдин Е.В.* Трансплантация органов (тканей) человека в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // *Медицин. право.* 2016. № 3 (67). С. 34–38.
3. *Прилуков М.Д.* О современном состоянии правового регулирования трансплантации органов и (или) тканей человека как вида высокотехнологичной медицинской помощи в Российской Федерации // *Вестн. ННГУ.* 2020. № 6. С. 88–93.
4. *Правовое регулирование трансплантации в Российской Федерации: научно-практическое пособие / Н.В. Путило, Н.С. Волкова, О.О. Журавлева [и др.]; отв. ред. Н.В. Путило. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2021. 175 с.*
5. *Шахаева А.М., Мухомаяева К.М.* Правовое регулирование донорства и трансплантации за рубежом // *Евразийский юрид. журн.* 2021. № 5 (156). С. 412–413.
6. *Горячева Т.С.* Проблемы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека в России в конце XIX – середине XX века // *Вестн. СГЮА.* 2022. № 2 (145). С. 70–78.
7. *Право и биомедицина: монография / Отв. ред. Ф.В. Цомартова. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. 136 с. <https://doi.org/10.12737/1244960>.*
8. *Правовые модели и реальность / О.А. Акопян, Н.В. Власова, С.А. Грачева [и др.]; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2014. XIV, 280 с. <https://doi.org/10.12737/6431>.*
9. *Миронов А.С., Боровкова Н.В., Макаров М.С., Пономарев И.Н., Андреев Ю.В.* Банки тканей. Мировой опыт. История развития и современные подходы // *Трансплантология.* 2021. Т. 13, № 1. С. 49–62. <https://doi.org/10.23873/2074-0506-2021-13-1-49-62>.
10. *Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А.* Биоправо как отрасль права нового поколения // *Вестн. Том. гос. ун-та. Право.* 2021. № 41. С. 98–118. <https://doi.org/10.17223/22253513/41/9>.
11. *Мохов А.А.* Биоправо и стратегия его развития в Российской Федерации. Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 2. С. 201–210. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.135.2.201-210>.
12. *Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А.* Влияние научно-технического прогресса в биотехнологиях на права человека и принципы права // *Актуальные проблемы рос. права.* 2022. Т. 17, № 10 (143). С. 34–45.
13. *Мохов А.А.* Концепция четырех «био» в праве и законодательстве. Актуальные проблемы рос. права. 2020. Т. 15, № 8. С. 146–154. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.117.8.146-154>.
14. *Боровкова Н.В.* Банки тканей. Мировой опыт. История развития и современность // *Сборник тезисов I Междисциплинарного форума «Медицина молодая», г. Москва, 7 декабря 2021 / Тех. ред. Л.А. Елагина. М.: Международный фонд развития биомедицинских технологий им. В.П. Филатова, 2022. С. 20–21.*

Поступила в редакцию 20.03.2024

Принята к публикации 19.05.2024

Волова Лариса Теодоровна, доктор медицинских наук, профессор, директор НИИ «БиоТех»

Самарский государственный медицинский университет

ул. Чапаевская, д. 89, г. Самара, 443099, Россия

E-mail: l.t.volova@samsmu.ru

Максименко Наталия Анатольевна, заместитель директора НИИ «БиоТех»

Самарский государственный медицинский университет

ул. Чапаевская, д. 89, г. Самара, 443099, Россия

E-mail: n.a.maksimenko@samsmu.ru

Левина Марина Валентиновна, кандидат юридических наук, главный специалист Центра биомедицинских клеточных продуктов Центра НТИ «Бионическая инженерия в медицине»

Самарский государственный медицинский университет

ул. Чапаевская, д. 89, г. Самара, 443099, Россия

E-mail: m.v.levina@samsmu.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 3, pp. 97–109

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.97-109

Some Problems with the Legal Regulation of the Relations in the Field of Medical Tissue Technologies in the Russian Federation

L.T. Volova, N.A. Maksimenko**, M.V. Levina****

Samara State Medical University, Samara, 443099 Russia

E-mail: *l.t.volova@samsmu.ru, **n.a.maksimenko@samsmu.ru, ***m.v.levina@samsmu.ru

Received March 20, 2024; Accepted May 19, 2024

Abstract

This article substantiates the need for shaping a separate legal system to regulate the relations in tissue banking, as well as biomedical tissue and hybrid technologies. The key problems that have been faced by biomedical and cellular tissue technologies in Russia were analyzed. The major deficiencies and contradictions regarding organ and tissue transplantation in the current Russian legal system were pointed out. First, there have been no federal laws governing the activities of tissue banks. Second, the procedures of human biomaterial donation for medical use remain uncontrolled. Third, there has been no consistency in the retrieval, storage, and transportation of human biomaterials. Finally, the list and legal status of organizations engaged in relevant activities and the legal regime of biological material used for these purposes have not been defined. The study focuses on the practical problems of tissue banks and innovative biomedical technologies that require a legislative initiative. Possible ways to overcome the identified contradictions and problems were discussed.

Keywords: medical law, bioimplants, legal regulation of relations in biomedical tissue technologies, legal regulation of tissue banking, biomaterial donation for bioimplants production

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Sergeev Yu.D., Pospelova S.I. The current state and problems of legal regulation of human organ and tissue donation and transplantation. *Meditsinskoe Pravo*, 2013, no. 1 (47), pp. 3–9. (In Russian)
2. Osipova L.V., Yudin E.V. Human organ (tissue) transplantation in the Russian Federation: Problems of the regulatory framework. *Meditsinskoe Pravo*, 2016, no. 3 (67), pp. 34–38. (In Russian)

3. Prilukov M.D. The current legal regulation of human organ and (or) tissue transplantation as a quaternary healthcare type in the Russian Federation. *Vestnik NNGU*, 2020, no. 6, pp. 88–93. (In Russian)
4. Putilo N.V., Volkova N.S., Zhuravleva O.O. et al. *Pravovoe regulirovanie transplantatsii v Rossiiskoi Federatsii: nauchno-prakticheskoe posobie* [The Law Relating to Organ Transplantation in the Russian Federation: A Scientific and Practical Guide]. Putilo N.V. (Ed. in Chief). Moscow, IZiSP, INFRA-M, 2021. 175 p. (In Russian)
5. Shakhayeva A.M., Mukhumaeva K.M. The legal regulation of organ donation and transplantation in foreign countries. *Evrasiiskii Yuridicheskii Zhurnal*, 2021, no. 5 (156), pp. 412–413. (In Russian)
6. Goryacheva T.S. Problems with the legal regulation of human organ and tissue transplantation in Russia between the late 19th and mid-20th centuries. *Vestnik SGYuA*, 2022, no. 2 (145), pp. 70–78. (In Russian)
7. Tsmartova F.V. (Ed. in Chief) *Pravo i biomeditsina: monografiya* [Law and Biomedicine: A Monograph]. Moscow, IZiSP, Norma, INFRA-M, 2021. 136 p. <https://doi.org/10.12737/1244960>. (In Russian)
8. Akopyan O.A., Vlasova N.V., Gracheva S.A. et al. *Pravovye modeli i real'nost'* [Legal Models and Reality]. Tikhomirov Yu.A., Rafalyuk E.E., Khludeneva N.I. (Eds. in Chief). Moscow, IZiSP, INFRA-M, 2014. xiv, 280 p. <https://doi.org/10.12737/6431>. (In Russian)
9. Mironov A.S., Borovkova N.V., Makarov M.S., Ponomarev I.N., Andreev Yu.V. Tissue banks. Global perspectives. The history of development and current approaches. *Transplantologiya*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 49–62. <https://doi.org/10.23873/2074-0506-2021-13-1-49-62>. (In Russian)
10. Umnova-Konyukhova I.A., Aleshkova I.A. Biolaw as a new generation of laws. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Pravo*, 2021, no. 41, pp. 98–118. <https://doi.org/10.17223/22253513/41/9>. (In Russian)
11. Mokhov A.A. Biolaw and its development strategy in the Russian Federation. *Aktual'nye Problemy Rossiiskogo Prava*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 201–210. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.135.2.201-210>. (In Russian)
12. Umnova-Konyukhova I.A., Aleshkova I.A. The impact of biotechnological advances on human rights and legal standards. *Aktual'nye Problemy Rossiiskogo Prava*, 2022, vol. 17, no. 10 (143), pp. 34–45. (In Russian)
13. Mokhov A.A. The concept of four “bios” in law and legislation. *Aktual'nye Problemy Rossiiskogo Prava*, 2020, vol. 15, no. 8, pp. 146–154. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.117.8.146-154>. (In Russian)
14. Borovkova N.V. Tissue banks. Global perspectives. From inception to now. *Sbornik tezisov I Mezhdistsiplinarnogo foruma “Meditsina molodaya”, g. Moskva, 07 dekabrya 2021* [Proc. I Interdiscip. Forum “Young Medicine”, Moscow, Dec. 7, 2021]. Elagina L.A. (Layout Ed.). Moscow, Mezhdunar. Fond Razvit. Biomed. Tekhnol. im. V.P. Filatova, 2022, pp. 20–21. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Волова Л.Т., Максименко Н.А., Левина М.В. Проблемы правового регулирования отношений в сфере медицинских тканевых технологий в Российской Федерации // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 97–109. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.97-109>. ⟩

⟨ **For citation:** Volova L.T., Maksimenko N.A., Levina M.V. Some problems with the legal regulation of the relations in the field of medical tissue technologies in the Russian Federation. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 3, pp. 97–109. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.97-109>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.110-121

ИНСТИТУТ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ

Д.О. Николаев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В рамках гражданского процесса задача исполнительного производства заключается в обеспечении принудительного исполнения судебных решений. Однако свою актуальность не теряет проблематика возмещения вреда, причиненного Федеральной службой судебных приставов России, являющаяся предметом рассмотрения в настоящей статье. Исследованы вопросы, связанные с нормативно-правовым регулированием института возмещения вреда, причиненного действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя. Приведены примеры из судебной практики и данные статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, что позволяет выявить некоторые процессуальные особенности рассмотрения обозначенной категории дел как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах. В заключительной части исследования сделан акцент на прогнозировании развития законодательства и практики в области возмещения вреда, причиненного действиями государственных органов, включая Федеральную службу судебных приставов РФ; подчеркнута высокая степень актуальности и особая значимость изучаемой темы для юридической науки и практики.

Ключевые слова: исполнительное производство, гражданский процесс, возмещение вреда, судебный пристав-исполнитель, незаконные действия (бездействие), публичные органы власти

Интерактивное взаимодействие государственных институтов с обществом, охватывающее как физических лиц, так и юридические лица, является ключевым для современного управления, что предопределяет возникновение разного рода последствий, в том числе и негативных, включая возможное причинение вреда в результате деятельности публично-правовых органов. Законодательная модель российской правовой системы предусматривает различные механизмы возмещения вреда в зависимости от конкретных правоотношений. При этом И.С. Богдановой в ее работе отмечена проблематика отсутствия унифицированных методик и разрозненность правил в вопросах, связанных с урегулированием последствий действий или бездействия государственных органов, спровоцировавших убытки [1, с. 1806]. Тематика возмещения вреда, причиненного государственными структурами или их представителями, занимает важное место в рамках изучения гражданско-правовой ответственности государства и активно разрабатывается в научных кругах такими учеными-юристами, как В.Г. Голубцов [2], А.Л. Маковский [3], Д.А. Липинский [4], Н.И. Лазаревский [5], Е.А. Суханов [6];

проблематика юридической ответственности также освещалась в публикациях М.Р. Загидуллина [7]. Таким образом, квалификация и урегулирование юридической ответственности государства является одним из актуальных вопросов современного правоведения.

Традиционно источники возникновения обязательств подразделяются на деликтные и договорные. В.Г. Голубцов правомерно отмечает, что изучение особенностей участия Российской Федерации в правовых отношениях, которые регулируются нормами гражданского права об ответственности, должно проводиться в соответствии с указанным разграничением [2, с. 254]. Исходя из этого в настоящем исследовании акцент сделан на изучении вопросов деликтной ответственности органов власти, в частности на примере деятельности Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП России).

Прежде всего, следует подчеркнуть, что в соответствии со ст. 53 Конституции Российской Федерации (КРФ) лица имеют закрепленное право получать компенсацию за ущерб, причиненный незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или должностными лицами. Указанный принцип находит продолжение в положениях Гражданского кодекса РФ (ГК1 РФ, ГК2 РФ), а именно в ст. 15, 16, 16.1 и 1069, детально регламентирующих ответственность за причиненный вред. Кроме того, процедура возмещения урегулирована в ключевом нормативно-правовом акте, касающемся исполнительного производства, – Федеральном законе № 229-ФЗ от 2 октября 2007 года «Об исполнительном производстве» (229-ФЗ). В гл. 17 этого закона специально оговариваются меры защиты прав сторон, участвующих в исполнительном производстве, обеспечивая тем самым соблюдение принципов справедливости и законности при проведении исполнительных действий.

В иерархической лестнице в контексте регулирования поименованной проблематики особое место занимает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 года № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» (ПП ВС РФ № 50). Постановление посвящено вопросам единообразного применения законодательства судами в процессе исполнения судебных решений. В этом документе приведены конкретные рекомендации для судебной системы по регулированию вопросов, связанных с компенсацией ущерба, возникшего в результате неправомерных действий или бездействия судебного пристава, что напрямую способствует стандартизации применения права.

В соответствии с регламентацией процессуального законодательства Российской Федерации (к примеру, ч. 2 ст. 442 ГПК РФ, ст. 330 АПК РФ), а также норм материального права (в частности, ч. 1 ст. 119 Федерального закона № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», п. 1 ст. 349 и п. 1 ст. 449 ГК1 РФ) для указанного вида юридических ситуаций предусматривается исковое производство в качестве механизма обращения с претензиями в судебные органы. Иски о возмещении ущерба предъявляются к Российской Федерации. При этом, как подчеркивает Постановление Пленума Верховного Суда РФ, ошибка истца в определении конкретного ответчика или государственного органа, представляющего интересы Российской Федерации, не является основанием для отказа при принятии иска, его возврата, приостановления рассмотрения или отказа в удов-

летворении иска исключительно по обозначенной причине. Такие нормы представляют собой важную процессуальную гарантию и получают беспрекословную поддержку [8].

Необходимо подчеркнуть, что при анализе практики судебных разбирательств можно выявить несколько ключевых групп исков, подаваемых к Федеральной службе судебных приставов России: прежде всего, это претензии со стороны должников, часто связанные с неправильным обращением с арестованным имуществом; кроме того, существуют иски от лиц, взыскивающих задолженность: они направлены на возмещение убытков, причиненных противоправными действиями (или бездействием) со стороны судебных приставов, что ведет к невозможности взыскания долгов.

Согласно аналитическим данным, представленным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, наблюдается постепенное увеличение процентного соотношения положительно разрешенных исков в пользу заявителей как в рамках судов общей юрисдикции, так и в арбитражных судах. По результатам анализа периода с 2020 по 2023 г. можно отметить динамику увеличения удовлетворенных исков в судах общей юрисдикции с 41 % до 53 % и в арбитражных судах – с 25.7 % до 34.7 %¹. Отмеченный факт говорит о значительном повышении вероятности успешного исхода судебных споров и демонстрирует ориентацию судебной системы на обеспечение защиты прав и интересов истцов, при этом следует подчеркнуть необходимость строго соблюдать процессуальные нормы и условия при рассмотрении подобных дел, а также учитывать некоторые процессуальные особенности их рассмотрения.

Согласно п. 82 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 года № 50, касающемуся случаев компенсации ущерба, юридической обязанностью суда является верификация наличия ущерба, определение вины лица, причинившего вред, а также установление прямой связи между противоправными действиями (или бездействием) – в данном случае судебного пристава-исполнителя – и возникновением ущерба. Анализ судебной практики в области рассмотрения дел о компенсации убытков, вызванных неправомерным действием (или бездействием) судебного пристава-исполнителя, выявил, что главным обоснованием для отказа в удовлетворении исков преимущественно является отсутствие вины причинителя вреда и причинно-следственной связи между незаконными действиями (бездействием) и нанесенным вредом.

В соответствии с позицией Верховного Суда Российской Федерации взыскатель обязан предъявить в судебном процессе убедительные аргументы, подтверждающие его добросовестность, а также факт активных попыток вернуть задолженность (Опр. от 29.06.17). Эффективный надзор за действиями судебного пристава-исполнителя способствует укреплению доказательной базы в тех ситуациях, когда возникает необходимость доказать вину пристава, облегчая тем самым задачу суда в установлении причинно-следственных связей. В ситуациях, где подобного рода контроль выполнен в недостаточном объеме, судебные органы могут прийти к выводу о недобросовестности действий взыскателя.

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>, свободный.

Таким образом, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в рассматриваемом деле № А75-2206/2020 ссылается на позицию Верховного Суда Российской Федерации (зафиксированную в определении от 15 февраля 2017 г. № 305-ЭС16-14064), согласно которой взыскатель, занимающийся предпринимательской деятельностью и обладающий профессиональным статусом, не имеет оснований ожидать компенсации предпринимательского риска через гарантированные государственные выплаты. Такие выплаты, особенно в случаях возмещения убытков, приводят к несправедливому перераспределению бюджетных средств, нарушая баланс между различными общественными потребностями, и предназначены для лиц, проявляющих добросовестность и прилагающих значительные усилия для достижения успеха в своей профессиональной деятельности, без ориентации на получение компенсации от государства в качестве цели своей предпринимательской деятельности (Пост. от 5.10.21).

В описанной ситуации суд установил, что поведение истца не удовлетворяло стандартам высшего профессионализма для достижения успеха, что выражалось в его неучастии в процессе исполнения судебного решения на протяжении значительного времени, отсутствии инициативы в отношении поиска активов должника, а также необжаловании действий (или бездействия) судебного пристава.

Исследование судебных решений позволяет выявить определенные процессуальные особенности, играющие важную роль в рассмотрении иска о компенсации ущерба и приводящие к его отклонению. В число этих особенностей входят: отсутствие непосредственной причинно-следственной связи между действиями (или бездействием) судебных приставов и возникновением убытков (Пост. от 14.09.23); неспособность пристава осуществить взыскание из-за противодействия со стороны должника (Пост. от 17.02.21); неудача во взыскании долга, которая сама по себе не является основанием для признания убытков (Опр. от 22.12.20); некорректный расчет суммы долга судебным приставом, который не встретил возражений со стороны должника (Опр. от 26.01.23); противоправные действия пристава, не влияющие на возможность взыскания задолженности (Опр. от 08.09.21).

В сфере юридических наук длительное время продолжалась дискуссия о необходимости предварительного обращения за признанием фактов нарушений со стороны судебного пристава перед подачей требования о компенсации ущерба. Отдельные ученые утверждали обязательность первоначального оспаривания действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя перед подачей иска о возмещении вреда [9], в то время как альтернативная точка зрения состояла в мысли о том, что незаконность действий (бездействия) пристава должны быть установлены судом в ходе рассмотрения иска о возмещении вреда [10]. Окончательное разъяснение обозначенного вопроса предоставил Верховный Суд РФ, декларировав в Постановлении Пленума, что отсутствие предварительного формального признания действий пристава как противоправных не служит основанием для отказа в судебной компенсации убытков и задача суда – оценить допустимость действий (бездействия) при рассмотрении иска о компенсации. Данная позиция Верховного Суда РФ согласуется с позицией, указанной в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 мая 2014 г. № 27 «О некоторых вопросах применения законодательства об исполнительном производстве»

(ПП ВАС РФ № 27), подчеркивающим аналогичный подход к отсутствию требований о предшествующей недействительности решений пристава для рассмотрения запросов о возмещении.

В рамках процессуальных особенностей следует выделить разграничение обязанностей по доказыванию в ситуациях утраты заложенного имущества. Согласно п. 83 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 50, особое внимание уделяется тому, что при утрате предмета залога, по которому уже принято судебное решение о взыскании, вред подлежит возмещению взыскателю-залогодержателю. В подобных случаях размер компенсации определяется исходя из стоимости потерянного имущества и при этом не учитывается другое имущество должника, которое могло бы пойти на покрытие долга. От истца требуется только подтверждение факта утраты залога. Это правило отклоняется от стандартной схемы доказывания, в силу того что по данной категории спора нет необходимости отдельно доказывать вину судебного пристава и наличие прямой причинно-следственной связи с утратой имущества.

При затягивании процесса взыскания активов судебными приставами возможно получение компенсации за убытки. На примере дела № А11-17083/2018 в контексте исполнения судебного решения очевидно, что пристав произвел арест транспортного средства должника. Оценочный отчет установил рыночную стоимость автомобиля в размере 3 430 800 руб. Последующая продажа его на аукционе через электронную платформу принесла 2 320 169 руб. 80 коп., что на 1 110 630 руб. 20 коп. меньше оценочной стоимости. Из-за затянутых сроков исполнения судебного решения и задержки в передаче автомобиля его стоимость снизилась, что привело к финансовым потерям. Арбитражный суд Владимирской области признал основания для компенсации убытков, удовлетворив иск. Данное решение было подтверждено Первым арбитражным апелляционным судом и оставлено без изменений Арбитражным судом Волго-Вятского округа на кассационной стадии. Суды подчеркнули, что из-за неправомерных действий судебного пристава, которые заключались в отсутствии должной проверки сохранности имущества, что привело к возникновению повреждений, полученных в период хранения у ненадлежащего хранителя, автомобиль утратил часть своей первоначальной стоимости (Пост. от 25.06.20).

Примером успешного возмещения ущерба за счет деятельности Федеральной службы судебных приставов (ФССП) России выступает кейс А36-782/2020. В рассматриваемой ситуации ООО «Уралгазнефтьсервис» обратилось в Арбитражный суд Липецкой области с иском против Российской Федерации, представленной ФССП, с требованием возместить убытки в размере 2 024 784 руб. 74 коп. К убыткам привели действия судебного пристава, который неправомерно приступил к исполнительному производству и взыскал денежные средства с расчетного счета компании в ПАО «Сбербанк», несмотря на отсутствие оснований для таких действий по причине использования недостоверного документа. Действия пристава нарушили процедуры, предусмотренные Федеральным законом № 229-ФЗ, поскольку было проигнорировано отсутствие доказательств получения предприятием уведомления о возбуждении исполнительного производства и оспариваемый документ оказался недействителен. Арбитражный суд Центрального округа, а затем и Верховный Суд Российской Федерации признали

аргументы компании обоснованными и подтвердили правомерность требования о возмещении убытков, незаконно взысканных с ее счета, тем самым ставя заключительную точку в данной судебной тяжбе (Опр. от 17.09.21).

Приведенный инцидент наглядно демонстрирует критическую необходимость и значимость процесса верификации. Н.Н. Маколкин в своей научной работе достаточно точно и емко отмечает, что в контексте исполнительного процесса ключевым объектом для верификации выступает исполнительный документ, который служит фундаментом для запуска процедуры исполнения [11, с. 182]. Процедура верификации исполнительных документов представляется элементом системы, задачей которой является минимизация рисков приема к исполнению нелегитимных документов. Обозначенная проблематика привлекает внимание как в теоретической, так и в прикладной правовой сфере, что подчеркивает ее важность. Актуальность обсуждаемого вопроса была признана настолько высокой, что он нашел отражение в Обзоре судебной практики, проведенном Верховным Судом РФ (вопрос 10 Обз. ВС № 2).

Таким образом, когда банк производит операции по фальсифицированному исполнительному листу, он обязан компенсировать все потери, понесенные в результате неправомерного снятия средств с чьего-либо счета. Эта норма, установленная в п. 14 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с принудительным исполнением по исполнительным документам, акцентирует внимание на том, что банк, приступая к выполнению перевода средств по исполнительному документу без проверки его подлинности, проявил недостаточную аккуратность и предусмотрительность, ожидавшиеся от него как от специализированного субъекта в сфере гражданско-правовых отношений; поэтому предъявленные взыскателем требования к возмещению убытков за неосновательное списание средств с его счета были признаны законными (Обз. суд. пр.) (см. [11]).

В контексте дела номер А40-258290/18 компания «АмоЛит СК» обратилась в Арбитражный суд г. Москвы, предъявив иск к Российской Федерации, представленной Федеральной службой судебных приставов, с требованием компенсации финансовых потерь в размере 10 600 000 руб. за счет средств федерального бюджета (Пост. от 10.09.21). В основании своего искового заявления о компенсации ущерба заявитель аргументировал, что действия судебного пристава по инициированию исполнительного процесса против заявителя на основе несуществующего исполнительного документа, где в качестве должника указано ООО «АмоЛит СК», оказались незаконными. Приведенный факт был доказан письмом председателя Котласского городского суда Архангельской области, подтверждающим, что такой документ судом не выдавался. Документы о финансовых операциях в деле указывают на то, что изъятые у заявителя денежные средства не были немедленно перечислены получателю, а были сначала зачислены на счет органов судебных приставов, после чего судебный пристав произвел перевод этих средств на счет взыскателя.

Таким образом в тот период времени, когда денежные средства находились на счету государственного органа, заявитель имел право инициировать обращение к должностному лицу – судебному приставу – с запросом о временной остановке перевода средств взыскателю, выразить свои контраргументы, а также оспорить как постановления, так и действия судебного пристава. Однако упомя-

нутые действия не были предприняты. К моменту проведения судебного заседания ни одно из решений судебного пристава со стороны истца не подверглось оспариванию. Материалов, опровергающих вышеприведенное утверждение, также не было представлено.

Факт предъявления исполнительного документа, хотя и фальсифицированного, изготовленного по вымышленному судебному решению, для инициирования исполнительного производства не может полностью подтверждать незаконность действий судебного пристава, как подчеркнул суд кассационной инстанции. Отсутствие непосредственной причинно-следственной связи между действиями судебного пристава и причиненными истцу убытками по причине того, что возникновение гражданско-правовой ответственности подразумевает ряд необходимых условий, которые бы повлекли возмещение ущерба, и явилось главным аргументом.

Таким образом, кассационная инстанция приняла решение не удовлетворять кассационную жалобу, что в дополнение ко всему высвечивает проблематику наличия фальсифицированных исполнительных документов. В приведенной ситуации судебное разбирательство основывалось на том, что должник обязан был проявить большую осмотрительность, что, в свою очередь, помогло бы ему избежать указанных финансовых потерь (см. [11]).

В контексте обсуждения вопросов, связанных с возмещением ущерба, крайне актуальным является пример, когда судебные приставы-исполнители перечисляют суммы, превышающие задолженность, из-за неверного исчисления процентов. Примером такого случая служит дело № А76-39519/2019, в котором организация ООО «Челябстройкомплект» подала иск в Арбитражный суд Челябинской области против Российской Федерации, представленной ФССП и ее региональным подразделением, на взыскание 280 863 руб. 51 коп. в качестве компенсации убытков. Несмотря на отказ в удовлетворении иска в первой инстанции, апелляционная и кассационная инстанции поддержали заявителя, отметив, что в рамках исполнительного дела № 19250/18/74066-ИП неверно была исчислена и, соответственно, перечислена взыскателю сумма, превышающая действительный долг на 250 782 руб. 21 коп. Судами постановлено, что для рассмотрения спора не требуется фиксация потери возможности дальнейшего взыскания или исполнения судебного постановления из-за неправомерных действий или бездействия пристава, поскольку основание спора – исключительно некорректный расчет взыскиваемой суммы (Опр. от 13.09.21).

В свете указанных некорректных действий со стороны судебного пристава, выразившихся в неправильном исчислении процентов и их последующей передаче взыскателю, суд апелляционной степени пришел к обоснованному решению, подтверждающему законность требований истца о компенсации ущерба в объеме 250 782 р. 21 коп.

При изучении precedентов в рамках судебных разбирательств привлекает внимание дело № 48-КГ20-11-К7, в ходе рассмотрения которого было выявлено, что решение о введении запрета на выезд за границу, выданное судебным приставом, является незаконным. В результате суд постановил возместить ущерб, оцененный в 107 500 руб. Ключевая аргументация иска заключается в том, что 20 июля 2018 г. судебным приставом было вынесено постановление о временном

ограничении на выезд истца из Российской Федерации, о чем последний не был извещен (Опр. от 6.10.20).

9 августа 2018 г. заявитель произвел покупку тура в Турцию на срок со 2 по 15 октября того же года. Впрочем, в момент попытки пересечения границы 2 октября 2018 г. должностные лица пограничной службы проинформировали его о наличии запрета на выезд за пределы РФ, вручив соответствующее официальное уведомление, что стало причиной невозможности воспользоваться приобретенной путевкой.

В решении, вынесенном апелляционной инстанцией 12 февраля 2019 г., решение судебного пристава об установлении временного запрета на выезд заявителя за пределы Российской Федерации было признано противоправным. В ходе судебного разбирательства заявитель потребовал компенсации ущерба, вызванного данным решением, включая издержки на приобретение путевки на сумму 107 500 руб., транспортные затраты, а также указал на моральный вред, который, по его мнению, был ему причинен из-за действий пристава, оценив компенсацию за это в 50 000 руб.

Примечательно, что процесс дошел до рассмотрения дела Верховным Судом РФ, где после изучения документации, рассмотрения аргументов сторон, представленных в кассационной жалобе и контраргументов, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ постановила, что основания для удовлетворения жалобы имеются.

В завершение настоящего исследования необходимо подчеркнуть, что проблематика возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя, стоит в авангарде наиболее дискуссионных вопросов как в академических кругах, так и среди практикующих юристов, что подтверждается проанализированными судебными решениями. Подобная связь теоретического анализа и практического применения представляется критически важной для решения целого ряда задач как в сфере обеспечения баланса частного и публичного интересов, так и при компенсации вреда, причиненного органами публичной власти, в частности Федеральной службой судебных приставов.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- КРФ – Конституция Российской Федерации (ред. от 06 окт. 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>, свободный
- ГК1 РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/, свободный.
- ГК2 РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2: Федеральный закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/, свободный.
- ПП ВС РФ № 50 – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 нояб. 2015 г. № 50 «Об использовании законов судебными органами при анализе

- определенных аспектов в процессе исполнения судебных решений» // Рос. газ. 2015. 30 нояб.
- ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ // Парлам. газ. 2002. 20 нояб.
- АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Рос. газ. 2002. 27 июля.
- 229-ФЗ – Федеральный закон от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ «О процедурах исполнительного производства» // Рос. газ. 2007. 6 окт.
- Опр. от 29.06.17 – Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2017 г. № 153-ПЭК17 по делу № А40-119490/2015 «Об отказе в передаче надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ» // СПС Гарант.
- Пост. от 5.10.21 – Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 5 окт. 2021 г. № Ф04-4498/21 по делу № А75-2206/2020 // СПС Гарант.
- Пост. от 14.09.23 – Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 сент. 2023 г. № Ф05-36046/2021 по делу № А40-18704/2021// СПС Гарант.
- Пост. от 17.02.21 – Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17 февр. 2021 г. № Ф01-15521/20 по делу № А43-38565/2019 // СПС Гарант.
- Опр. от 22.12.20 – Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 дек. 2020 г. № 44-КГ20-16-К7 по делу № 2-83/2019. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22122020-n-44-kg20-16-k7/>, свободный.
- Опр. от 26.01.23 – Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 янв. 2023 г. № 302-ЭС22-27905 по делу № А19-9616/2021 «Об отказе в передаче жалобы в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации» // СПС Гарант.
- Опр. от 08.09.21 – Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 сент. 2021 г. № 307-ЭС21-14894 по делу № А56-37175/2020. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08092021-n-307-es21-14894-po-delu-n-a56-371752020/>, свободный.
- ПП ВАС РФ № 27 – Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16 мая 2014 г. № 27 «О некоторых вопросах применения законодательства об исполнительном производстве» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164035/, свободный.
- Пост. от 25.06.20 – Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25 июня 2020 г. по делу № А11-17083/2018. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/L1NWA1whQ6Ys/>, свободный.
- Опр. от 17.09.21 – Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17 сент. 2021 г. № 310-ЭС21-15449 по делу № А36-782/2020. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17092021-n-310-es21-15449-po-delu-n-a36-7822020/>, свободный.
- Обз. ВС № 2 – Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 6 июля 2016 г.). URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/15174/>, свободный.
- Обз. суд. пр. – Обзор судебной практики разрешения судами споров, связанных с принудительным исполнением требований исполнительных документов банками и иными кредитными организациями, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 июня 2021 г. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/30096/>, свободный.

- Пост. от 10.09.21 – Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 сент. 2021 г. № Ф05-22126/2019 по делу № А40-258290/18 // СПС Гарант.
- Опр. от 13.09.21 – Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13 сент. 2021 г. № 309-ЭС21-15174 по делу № А76-39519/2019. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13092021-n-309-es21-15174-po-delu-n-a76-395192019/>, свободный.
- Опр. от 6.10.20 – Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 окт. 2020 г. № 48-КГ20-11-К7, по делу № 2-1441/2019. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06102020-n-48-kg20-11-k7-2-14412019/>, свободный.

Литература

1. *Богданова И.С.* Правовая модель возмещения (компенсации) вреда, причиненного государством: российский и зарубежный опыт // Журнал СФУ. Сер.: Гуманит. науки. 2022. Т. 15, № 12. С. 1805–1818. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0954>.
2. *Голубцов В.Г.* Российская Федерация как субъект гражданского права. М.: Статут, 2021. 312 с.
3. *Маковский А.Л.* Гражданская ответственность государства за акты власти // Гражданский кодекс России: Проблемы. Теория. Практика: Сб. памяти С.А. Хохлова / Отв. ред. А.Л. Маковский. М.: Междунар. центр финансово-экон. развития, 1998. С. 67–112.
4. *Липинский Д.А.* О системе права и видах юридической ответственности // Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 27–37.
5. *Лазаревский Н.И.* Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. печатного и писчебум. дела в России «Слово», 1905. XVI, 712 с.
6. *Суханов Е.А.* Об ответственности государства по гражданско-правовым обязательствам // Вестн. ВАС РФ. 2001. № 3. С. 116–125.
7. *Загидуллин М.Р.* Юридическая ответственность в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 373 с.
8. *Валеев Д.Х.* Процессуальные гарантии прав граждан и организаций в исполнительном производстве. Казань: Унипресс, 2001. 163 с.
9. *Анохин В.С.* О подведомственности споров, связанных с оспариванием постановлений и действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей // Юрист. 2012. № 4. С. 27–34.
10. *Стюфеева И.В.* Возмещение вреда, причиненного приставом // Твой Консультант. 2016. № 34 (890). С. 12–13.
11. *Маколкин Н.Н.* Институт аутентификации и верификации в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2023. 248 с.

Поступила в редакцию 3.05.2024

Принята к публикации 3.07.2024

Николаев Дмитрий Олегович, аспирант кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: nikolaevd0@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.110-121

**The Institution of Compensation for Harm
Caused by the Russian Federal Bailiff Service**

D.O. Nikolaev

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: nikolaevd0@yandex.ru

Received May 3, 2024; Accepted July 3, 2024

Abstract

The primary task of enforcement proceedings in civil cases is to ensure that court decisions are executed appropriately. Much of the responsibility to timely and effectively enforce court decisions falls on bailiffs. However, their behavior is not always legal. This article discusses the important issues of compensating for harm caused by the Russian Federal Bailiff Service. The legal regulations that apply to a bailiff's actions or inactions were analyzed. The real legal cases were considered. The statistical data from the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation were summarized. Based on the results obtained, the procedural aspects of handling such cases in both general jurisdiction and arbitration courts were identified. Finally, the emphasis was placed on predicting the development of Russian legislation and procedures in compensation for harm caused by the public authorities, including the Russian Federal Bailiff Service. The enduring relevance of the studied issues for further advancement of legal science and practice was highlighted.

Keywords: enforcement proceedings, civil procedure, compensation for harm, bailiff, illegal actions (inactions), public authorities

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Anokhin V.S. On the jurisdiction of disputes related to appeals against the decisions or actions (inactions) of bailiffs. *Yurist*, 2012, no. 4, pp. 27–34. (In Russian)
2. Bogdanova I.S. The legal model of compensation for harm caused by the state: The Russian and foreign perspectives. *Zhurnal SFU. Seriya: Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 15, no. 12, pp. 1805–1818. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0954>.
3. Valeev D.Kh. *Protsessual'nye garantii prav grazhdan i organizatsii v ispolnitel'nom proizvodstve* [Procedural Guarantees of the Rights of Citizens and Organizations in Court Enforcement]. Kazan, Unipress, 2001. 163 p. (In Russian)
4. Golubtsov V.G. *Rossiiskaya Federatsiya kak sub'ekt grazhdanskogo prava* [The Russian Federation as a Civil Law Entity]. Moscow, Statut, 2021. 312 p. (In Russian)
5. Zagidullin M.R. Legal liability in civil proceedings: Theoretical issues. *Doct. Law Diss.* Yekaterinburg, 2022. 373 p. (In Russian)
6. Lazarevskii N.I. *Otvetstvennost' za ubytki, prichinennye dolzhnostnymi litsami* [Liability for Damages Caused by Public Authorities]. St. Petersburg, Tip. S.-Peterb. Akts. Obshch. Pechatnogo Pischebum. Dela Ross. "Slovo", 1905. xvi, 712 p. (In Russian)
7. Lipinskii D.A. On the legal system and types of legal liability. *Pravovedenie*, 2003, no. 2 (247), pp. 27–37. (In Russian)

8. Makovskii A.L. The civil liability of the state for administrative actions. In: *Grazhdanskii kodeks Rossii: Problemy. Teoriya. Praktika: Sb. pamyati S.A. Khokhlova* [The Civil Code of Russia: Problems. Theory. Practice: A Collection of Articles in Memory of S.A. Khokhlov]. Makovskii A.L. (Ed. in Chief). Moscow, Mezhdunar. Tsentr Finans.-Ekon. Razvit., 1998, pp. 67–112. (In Russian)
9. Makolkin N.N. The institution of authentication and verification in civil process. *Cand. Law Diss.* Kazan, 2023. 248 p. (In Russian)
10. Styufeeva I.V. Compensation for a bailiff's illegal behavior. *Tvoi Konsul'tant*, 2016, no. 34 (890), pp. 12–13. (In Russian)
11. Sukhanov E.A. On the state liability for civil obligations. *Vestnik VAS RF*, 2001, no. 3, pp. 116–125. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Николаев Д.О. Институт возмещения вреда, причиненного Федеральной службой судебных приставов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 110–121. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.110-121>. ⟩

⟨ **For citation:** Nikolaev D.O. The institution of compensation for harm caused by the Russian Federal Bailiff Service. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 3, pp. 110–121. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.110-121>. (In Russian) ⟩

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 348.8

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.122-134

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

В.К. Бакулин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу правозащитных механизмов как совокупности международных и внутригосударственных органов, наделенных законодательно закрепленными полномочиями для осуществления контрольно-надзорной деятельности по защите прав, свобод и законных интересов осужденных. Дана классификация системы правозащитных механизмов в пенитенциарной сфере с учетом универсального и регионального значения норм российского и международного права и их влияния на правовое положение осужденных в период отбывания уголовного наказания. Предложено (пока в постановочном плане) определение нового вида юридического процесса – уголовно-исполнительного (пенитенциарного). Поставлен вопрос о статусе межотраслевого института смертной казни и озвучена авторская позиция по разрешению обозначенной проблемы. С учетом приоритета норм международного права и международных договоров и их позитивного влияния на расширение и соблюдение прав, свобод и законных интересов осужденных отмечено наличие в российской законодательной системе правовой аксиомы, достойной интеграции в иные современные системы права. Речь идет о повышенных гарантиях, установленных в ч. 3 ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, то есть о полном запрете участия осужденных, даже с их согласия, в медицинских, научных и иных опытах. Рекомендовано обратить внимание на российский положительный опыт нормативно-правового регулирования указанной проблемы.

Ключевые слова: пенитенциарная система, правовые системы, правовое положение осужденных, правовой мониторинг, правозащитный механизм, пенитенциарный процесс

Анализ правозащитных механизмов и процедур контроля, имеющих разнородный характер с точки зрения интересующего нас контента соблюдения и защиты прав человека, отбывающего наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, можно проводить по разным основаниям. Поскольку правовая система России является по своему положению и предназначению одной из ведущих на правовой карте мира, ее включение в международно-пенитенциарное научное и практическое пространство защиты прав и свобод осужденных

является вполне логичным и очевидным. Кроме того, нельзя не отметить следующее: Основной Закон государства не относит уголовно-исполнительное законодательство к процессуальному законодательству (п. «о» ст. 71 Конституции РФ), однако достаточное наличие процессуальных (процедурных) норм Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) позволяет говорить о сочетании материальных и процессуальных норм в рамках одной самостоятельной отрасли права. Так, ст. 50, 60.4, 60.16, 114, 117 УИК РФ предусматривают процедуру исполнения уголовных наказаний; отсюда следует, что исполнение уголовного наказания есть процесс, осуществляемый субъектами, уполномоченными исполнять уголовные наказания, со всеми существенными характеристиками процесса как такового.

Уголовно-исполнительный (пенитенциарный) процесс – это регулируемая нормами уголовно-исполнительного законодательства целенаправленная и системная деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), реализуемая в рамках контрольно-надзорной функции уголовно-исполнительного права; направленная на выявление, устранение и предупреждение нарушений осужденными режимных требований, предусмотренных УИК РФ и иными нормативными правовыми актами; осуществляемая в целях обеспечения законности, правопорядка, соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов осужденных.

Правовое положение осужденных трактуется как закрепленная в международных и внутригосударственных нормативных правовых актах совокупность их прав, свобод, законных интересов и обязанностей на период отбывания уголовного наказания с изъятиями и ограничениями, предусмотренными (в данном случае) уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством РФ.

Данное утверждение имеет законодательное закрепление в ч. 1 ст. 3 УИК РФ, где констатируется, что уголовно-исполнительное законодательство и практика его применения основываются на Конституции РФ, а также на общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах РФ, не противоречащих Основному закону России.

Помимо этого, Российское государство на уровне закона (ч. 3 ст. 10 УИК РФ) уважает, охраняет и гарантирует осужденным в РФ, иностранным гражданам и лицам без гражданства права, которые установлены международным договором РФ, законодательством РФ о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства, но в рамках отечественного права, с определенным набором праволишений и правоограничений.

В Законе (ч. 2 ст. 3 УИК РФ) говорится об обязанности правоприменителя руководствоваться правилами международного договора, если им установлены иные правила исполнения уголовных наказаний и обращения с осужденными, нежели это предусмотрено внутригосударственным законодательством.

Тесная связь международного и внутригосударственного права и наличие определенной системы норм, являющихся, по мнению В.К. Бабаева, определяющим критерием самостоятельности отрасли права, регулирующей обособленную и относительно однородную область общественных отношений в сфере исполнения уголовных наказаний [1, с. 88], с нашей точки зрения, позволяет (пока в постановочном плане) говорить о формировании международного пенитенциарного права как комплексной отрасли права. А.И. Абрамова указывает на наме-

тившуюся в последние годы тенденцию к сближению отраслей права и законодательства, что приводит к увеличению степени интегративности межотраслевого правового регулирования [2, с. 32].

Правовой мониторинг правозащитных механизмов как совокупности международных и внутригосударственных органов, а также институтов гражданского общества, наделенных законодательно закрепленными полномочиями для осуществления контрольно-надзорной деятельности по защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина посредством применения правовых средств поощрительного и принудительного характера, сегодня становится необходимым условием совершенствования правовой реальности на различных уровнях его реализации, в том числе в рамках осуществления пенитенциарного процесса.

Законодательство в сфере исполнения уголовных наказаний с учетом универсального и регионального значения норм российского и международного права может быть классифицировано следующим образом:

- 1) пенитенциарные международно-правовые акты универсального характера, принятые под эгидой ООН и имеющие наднациональный характер;
- 2) пенитенциарные международно-правовые акты субрегионального характера, принятые Советом Европы и другими союзами, объединениями государств и имеющие международный характер;
- 3) пенитенциарные нормативно-правовые акты конкретной национальной системы права.

Следует сразу подчеркнуть, что в данной части исследования анализу будут подвергнуты не все российские и международные правовые акты универсального, субрегионального и регионального характера, а только те из них, которые, как нам представляется, вплотную, непосредственно, касаются пенитенциарной сферы.

В юридической литературе отмечается, что на протяжении своей более чем 60-летней истории существования Совет Европы, в частности, «принял значительное количество конвенций, резолюций и рекомендаций, относящихся к сфере исполнения наказаний» [3, с. 3–6]. Спустя более 25 лет участия России в Совете Европы наша страна 16 марта 2022 г. вышла из состава данной организации из-за русофобской позиции стран Евросоюза и НАТО.

В рассматриваемом контексте мы остановимся на следующих источниках международного пенитенциарного права, действовавших в пенитенциарных процессах в России и за рубежом:

- 1) международно-правовые акты универсальной направленности: Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.) (Конв. ООН); Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Прав. НМ) и др.;
- 2) международно-правовые акты, входящие в субрегиональную правовую систему: Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (1987 г.) (Евр.конв.); Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1983 г.) (Конв. о ЗПЧ); Европейские пенитенциарные правила 2006 г. (обновленная версия от 1 июля 2020 г.) (ЕПП) и т. д.;
- 3) нормативные правовые акты регионального характера.

Наиболее остро в обозначенной сфере изучения механизмов и процедур контроля в пенитенциарном праве стоит традиционный вопрос о применении смертной казни. В течение минувшего столетия в нашей стране смертную казнь отменяли пять раз, но через определенный промежуток времени восставляли [4, с. 7].

Каков же сегодня статус данного наказания в правовой системе России? Вот уже 25 лет, то есть с 2 февраля 1999 г., межотраслевой институт смертной казни находится в неразрешенном состоянии, поскольку фактически отменен, как пишет Д.А. Корецкий, «в ненадлежащем порядке и ненадлежащими субъектами, сколь бы значимыми, важными и авторитетными эти субъекты ни являлись» [5, с. 34]. Вынуждены констатировать, что указанный институт состоит из фактически не применяемых норм (впрочем, как и институт уголовного наказания в виде ареста, который не применяется в России 27 лет). Соответственно, как нам представляется, могло бы быть целесообразнее либо восстановить применение смертной казни, либо:

а) по воле Конституционного Собрания внести поправки в Конституцию РФ и по воле законодателя исключить обозначенные институциональные образования из УК РФ, УПК РФ, УИК РФ;

б) на основании международно-правовых актов ратифицировать Протокол № 6;

в) интенсифицировать реализацию института уголовного наказания в виде ареста.

На сложность, неоднозначность и по сути нерешенность рассматриваемой правовой проблемы указывает Председатель Конституционного Суда России В.Д. Зорькин. Им не исключается возможность возврата к вышеназванной мере наказания в будущем. Пока совершаются умышленные убийства, отмечает он, вопрос о применении смертной казни не может быть полностью закрыт [6, с. 80].

Не вдаваясь в дискуссию по поводу целесообразности смертной казни как таковой, мы полагаем, что поставленную проблему нужно решать путем восстановления смертной казни, сократив при этом количество статей УК РФ, за которые она установлена, и оставив только два состава преступлений, предусмотренных УК РФ. Во-первых, это ст. 357 «Геноцид», появившаяся в УК РФ в 1996 г. в результате инкорпорации норм специальной универсальной Конвенции 1948 г. о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него. Во-вторых, это преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство» (имеется в виду именно фактическое убийство, а не посягательство на жизнь (ст. 277, 295, 317 УК РФ)).

Мониторинг правозащитных механизмов и контрольной функции пенитенциарного процесса, которыми обладают международные правовые акты универсального и субрегионального характера, показывает важность наличия статуса обязательных для исполнения в силу подписания государствами актов и их ратификации. Международно-правовой акт обязателен для исполнения государством, если он им подписан и ратифицирован. В рамках сказанного и с учетом дискуссионности вопроса об институте ратификации мы солидарны со специалистами, полагающими, что «договоры, предметом которых являются основные права и свободы человека и гражданина, подлежат обязательной ратификации» [7, с. 139–140].

Тем не менее ряд международно-правовых актов в сфере исполнения уголовных наказаний носит рекомендательный характер и реализуется в уголовно-исполнительном процессе при наличии экономических и социальных возможностей, а также соответствующей политической воли. Важнейшими из них являются в универсальной правовой системе Правила Нельсона Манделы (2015 г.) (Прав. НМ), а в субрегиональной и региональной правовых системах – Европейские пенитенциарные правила в обновленной версии от 1 июля 2020 г. (ЕПП).

В УИК РФ и Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее – ИУ), принятых 16 декабря 2016 г., то есть через год после принятия Правил Нельсона Манделы, в отношении осужденных, которые являются инвалидами первой или второй группы, были закреплены «привилегированные» нормы, предусматривающие послабление условий отбывания наказания в ИУ (например, ч. 6 ст. 88, ч. 2 ст. 90, ч. 4 ст. 97, ч. 6 ст. 99, ч. 2 ст. 103, ч. 5 ст. 104 УИК РФ и др.) и коррелирующие с правилами № 5 и 25 из списка Правил Нельсона Манделы. В двух упомянутых правилах отмечается необходимость принятия различных мер со стороны тюремной администрации по размещению и адаптации заключенных-инвалидов и обеспечению для них полного и эффективного доступа к жизни в тюрьме на равноправной основе. В правиле № 25.1 конкретизируется, что медико-санитарная служба, занимающаяся здоровьем заключенных, должна уделять повышенное внимание заключенным с особыми потребностями в медико-санитарной помощи или имеющим проблемы со здоровьем, которые препятствуют их реабилитации. Новые Правила внутреннего распорядка ИУ от 4 июля 2022 г. еще более детализируют правовое положение осужденных, являющихся инвалидами (Прик. от 4.07.22).

Европейские пенитенциарные правила также рекомендуют обеспечить заключенным доступ к медицинским услугам, имеющимся в стране, без дискриминации по признаку их правового положения. В правиле № 40.4 подчеркивается, что медицинские услуги в тюрьме должны быть направлены на выявление и лечение физических и психических заболеваний или дефектов, от которых могут страдать заключенные.

Вместе с тем следует иметь в виду, что на внутригосударственном уровне осужденные за злостное нарушение режима отбывания наказания в виде лишения свободы инвалиды с учетом медицинского заключения могут быть водворены в штрафной изолятор на срок до 15 суток, что вполне соответствует правилу № 44 из списка Правил Нельсона Манделы. Что же касается перевода осужденных, отбывающих наказание в колониях особого режима и тюрьмах в одиночных камерах сроком до 6 месяцев, то эти законодательные нормативы (ч. 1 п. «г» ст. 115 УК РФ) явно противоречат п. b правил № 43 и 44, запрещающих длительное одиночное заключение, превышающее 15 дней подряд. Однако российский законодатель в одном случае (ч. 7 ст. 117 УИК РФ) делает исключение только для осужденных, являющихся инвалидами первой группы, установив запрет на перевод их в штрафной изолятор, помещения камерного типа и единые помещения камерного типа, оставив при этом без внимания одиночные камеры. В другом – запрещает держать на строгом режиме тюрьмы осужденных, являющихся инвалидами первой или второй группы (ч. 4 ст. 130 УИК РФ).

Компаративный анализ проблемы проведения медицинских опытов в отношении заключенных в универсальной, субрегиональной и региональной пра-

вовых системах, по нашему мнению, может способствовать обоснованию унификации международного пенитенциарного права. Например, правило № 32 из списка универсальных Правил Нельсона Манделы закрепляет абсолютный запрет на медицинские и научные опыты, которые могут причинить вред здоровью заключенного. В то же время ч. 2 данного правила допускает возможность участия заключенного в клинических испытаниях и других медицинских научных исследованиях при наличии его свободного и осознанного согласия, что подлежит научному объяснению в рамках создания международных нормативов, учитывающих мнение ученых в сфере международного права, европейской и национальной юридической науки.

Европейские пенитенциарные правила (например, № 48.1) по сути дублируют положения Правил Нельсона Манделы, в которых констатируется, что заключенные не должны подвергаться никаким экспериментам без их согласия.

На национальном уровне в ч. 2 ст. 21 Конституции РФ также подчеркивается, что никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

В отличие от рекомендаций международно-правовых актов и Конституции, которая имеет высшую юридическую силу и верховенство на всей территории Российской Федерации, УИК РФ в ч. 3 ст. 12 устанавливает полный запрет на медицинские, научные или иные опыты над осужденными независимо от их согласия. Итак, мы видим, что нормы национального отраслевого законодательства закрепляют повышенные гарантии осуществления и защиты прав осужденных. В связи с этим можно полагать, что международное и европейское право, а также практика его применения могут использовать положительный опыт нормативно-правового регулирования национальных правовых систем, создав тем самым единый правовой образец в сфере правовой регламентации пенитенциарного процесса.

Значимыми и существенными правовыми механизмами и контрольными полномочиями, как нами было уже отмечено, в пенитенциарной сфере обладают международно-правовые акты универсального и регионального характера, имеющие статус обязательных для исполнения в силу подписания и ратификации такого документа государством. Данные обстоятельства учитываются и в области контроля за исполнением уголовных наказаний на всех уровнях.

Контроль в пенитенциарной сфере – «это целенаправленная и системная деятельность уполномоченных субъектов международного права, федеральных органов государственной власти и институтов гражданского общества по выявлению, устранению и предупреждению нарушений законов, иных нормативных правовых актов и международных договоров органами и учреждениями, исполняющими уголовные наказания, осуществляемая в целях обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов осужденных, сотрудников и персонала УИС» [8 с. 28]. Институциональная модель исполнения уголовного наказания, существующая в той или иной стране, влияет на контрольно-надзорную деятельность в отношении мировых пенитенциарных систем. Исследователи данной сферы науки отмечают, что институт контроля и надзора более развит в тех странах, в которых пенитенциарная система находится в ведении Министерства юстиции [9, р. 47].

Уголовно-исполнительное законодательство и практика его применения в соответствии с ч. 1 ст. 3 УИК РФ основываются на строгом соблюдении га-

рантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными (УИК РФ, с. 4). Указанное законодательное закрепление является результатом подписания и ратификации РФ Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. На основании данных Конвенций были созданы контрольные органы как универсального (Комитет против пыток, далее – КПП) так и субрегионального характера (Европейский комитет по предупреждению пыток, далее – ЕКПП). Имеет место такой контроль и на уровне конкретного государственно-правового регулирования системы исполнения уголовных наказаний.

На наш взгляд, функционирование ЕКПП следует признать более эффективным для предупреждения и борьбы с пытками, поскольку контроль осуществляется специализированным органом в виде инициативной деятельности посредством посещений мест принудительного содержания. Решения ЕКПП носят рекомендательный характер, а задачей Комитета является не осуждение государства за нарушения, а сотрудничество с ним в целях защиты лиц, лишенных свободы (Евр.конв., с. 81).

Взаимодействие контролирующих органов разного уровня носит позитивный характер. Так, в октябре 2018 г. представители ЕКПП внепланово посетили Казанскую психиатрическую больницу (стационар) специализированного типа с интенсивным наблюдением и опубликовали выводы о несоответствии условий в данной больнице учреждению здравоохранения. Последний визит ЕКПП в Россию состоялся в октябре 2019 г. На этот раз они посетили один СИЗО в Омске и пять исправительных колоний в нескольких регионах РФ [10].

Полномочия КПП заключаются в рассмотрении докладов и – в некоторых случаях – посещении государств-участников Конвенции ООН. Последние раз в четыре года отчитываются о мерах, принятых для реализации предписаний конвенции. Кроме того, если имеется достоверная информация о систематических применениях пыток, то с согласия государства-участника КПП может посетить его территорию (Конв. ООН, с. 34).

Министерство юстиции заверило, что Россия представит очередной доклад о выполнении Конвенции ООН до 10 августа 2022 г. Следуя приверженности соблюдению положений обеих упомянутых выше Конвенций, Государственная Дума РФ 16 февраля 2022 г. приняла в первом чтении законопроект об ужесточении наказания за пытки для представителей органов власти (Зак. от 16.02.22).

Достаточно большим ресурсом правозащитных механизмов и особыми контрольными полномочиями в отношении пенитенциарной системы России в региональной правовой системе обладает Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). В России с 1998 г. на нормативно-правовом уровне закреплена обязательность исполнения постановлений ЕСПЧ для всех ветвей государственной власти, следовательно, решения ЕСПЧ являются источником права, в том числе уголовно-исполнительного права и процесса.

По мнению некоторых ученых (и мы с ними солидарны), решения ЕСПЧ относятся к нетрадиционным источникам права, отличающимся комплементар-

ным характером, то есть не просто добавочностью, субсидиарностью, а взаимным дополнением сопоставимых характеристик с тем источником гражданского процессуального права, который имеет прямое действие, а также неоднократно своего влияния на него [11].

На основании Федерального закона от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении РФ международных договоров Совета Европы» (43-ФЗ) в связи с выходом РФ из Совета Европы Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. прекратила действие в отношении РФ и, соответственно, учрежденный Конвенцией ЕСПЧ не распространяет свою юрисдикцию на РФ.

Россия входила в тройку лидеров по количеству жалоб, в том числе и от осужденных, на нарушение прав, закрепленных Конвенцией о защите основных прав и свобод человека. В январе 2021 г. ЕСПЧ вынес решение по делу «Шлыков и другие против России» за неоправданно длительное надевание наручников четверем осужденным «пожизненникам» и обязало государство выплатить им компенсацию морального вреда в размере от 1900 до 3000 евро (Пост. ЕСПЧ).

Следует отметить, что Российская Федерация в целом выполняла обязательства, взятые на себя при вступлении в Совет Европы, признавала юрисдикцию ЕСПЧ и выплачивала компенсацию осужденным, за исключением двух случаев. На основании постановления Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П не исполнялись решения по делам «Анчугов и Гладков против России» и «ОАО “НК ЮКОС” против России» как противоречащие Конституции РФ.

Правовой вакуум, возникший в РФ в сфере международной контрольной правозащитной деятельности, стимулирует создание новых, альтернативных межгосударственных органов и средств правовой защиты, основанных на принципах независимости и беспристрастности. Как известно, в настоящее время обсуждаются вариации создания межгосударственного суда в рамках БРИКС, СНГ, ЕАЭС.

Не снят с повестки и вопрос об учреждении в судебной системе России специализированных пенитенциарных судов и, следовательно, юрисдикционного пенитенциарного процесса.

Необходимо подчеркнуть, что Россия, следуя курсу гуманизации уголовно-исполнительной системы, на внутригосударственном уровне устанавливает повышенные гарантии соблюдения прав осужденных. Так, последние начиная с 2019 г. имеют возможность более эффективно защищать право на жизнь, здоровье, безопасность путем обращения в суд за компенсацией в случае нарушения условий их содержания в исправительном учреждении (ст. 12.1 УИК РФ).

Пенитенциарным международно-правовым актом субрегионального характера является Модельный УИК для государств-участников СНГ 1996 г. (Мод.код.).

В нашем понимании Модельный УИК СНГ – это законодательный акт, разработанный субрегиональной международной организацией, содержащий рекомендательные нормы для государств-участников в сфере правового регулирования исполнения уголовных наказаний, направленный на сближение правовых систем, унификацию и гармонизацию законодательства. Данный законодательный акт фрагментарно соотносится и с международными, и с региональными нормами пенитенциарного характера.

Модельный УИК СНГ дублирует ст. 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Конв. о ЗПЧ) об исчерпании всех имеющихся внутригосударственных средств правовой защиты при подаче осужденными жалоб в межгосударственные органы, в отличие от российского законодателя, исключившего эту оговорку (условие) из ч. 4 ст. 12 УИК РФ 8 декабря 2003 г.

В то же время прослеживается взаимосвязь норм УИК СНГ с универсальными, субрегиональными и региональными нормами, касающимися ратификации международных договоров. Так в ч. 2 ст. 3 УИК СНГ констатируется, что в случае противоречия между УИК и ратифицированными международными договорами первый приводится в соответствие с указанными международными договорами. Считаю важным сделанный в этом законодательном акте акцент именно на ратификации международного договора, а не только на его подписании, как это произошло с Протоколом № 6 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Вышеизложенное позволяет констатировать важность научных исследований в рассматриваемой проблематике с точки зрения обоснования методологических директив для отечественного и зарубежного правоведения [12]. Совершенствование способов и методов организации правовой (научной и практической) деятельности в области установления и реализации механизмов и процедур защиты прав и свобод человека [13] в пенитенциарном праве исходя из предложенной нами классификации может иметь существенное праксиологическое значение для цивилизационного развития правовой реальности на всеобщем правовом пространстве.

В практическом смысле механизм предоставления докладов в ООН и возможность посещения государств с целью контроля как на универсальном, так и на субрегиональном, а также региональном уровнях, обращения осужденных в межгосударственные органы способствуют обобщению информации по соблюдению прав осужденных, а также интенсификации систематической, реальной работы государств по защите прав осужденных в пенитенциарной системе при осуществлении пенитенциарного процесса.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы: во-первых, неопределенность современных международно-правовых отношений с рядом государств не снимает ответственности с пенитенциарных институтов в России и за рубежом за обеспечение гарантий национальных юрисдикций в области соблюдения прав и свобод лиц, осужденных за совершение преступлений. Во-вторых, развитие и совершенствование пенитенциарного процесса с точки зрения ценностного подхода в праве нацелено на перспективу и имеет прогностический характер [14], не зависящий в полной мере от отдельных метаморфоз конкретных исторических периодов. В-третьих, юридическая наука, как и научно-исследовательское пространство социогуманитаристики в целом, ощущает необходимость интернационализации научного контента, в котором и преступность, и пенитенциарный процесс должны изучаться системно, комплексно и со всесторонней опорой на гуманитарную миссию права вообще.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Конституция РФ – Конституция Российской Федерации. Новая редакция: [с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года]: с комментариями Конституционного суда РФ. М.: Проспект, 2022. 116, [1] с.
- УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2021. 112 с.
- УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ (СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.
- Конв. ООН – Конвенция ООН против пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // Защита прав человека в местах лишения свободы: сб. норматив. актов и офиц. док. / Сост.: В.И. Селиверстов, В.С. Радкевич; отв. ред. О.О. Миронов. М.: Юриспруденция, 2003. С. 34–65.
- Прав. НМ – Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (пересмотренный текст) (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 дек. 2015 г.). // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/1305346/>, свободный.
- Евр.конв. – Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания // Защита прав человека в местах лишения свободы: сб. норматив. актов и офиц. док. / Сост.: В.И. Селиверстов, В.С. Радкевич; отв. ред. О.О. Миронов. М.: Юриспруденция, 2003. С. 81–102.
- Конв. о ЗПЧ – Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями и дополнениями) // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/2540800/>, свободный.
- ЕПП – Европейские пенитенциарные правила 2006 г. в обновленной версии от 1 июля 2020 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420361984>, свободный.
- УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942>, свободный.
- Прик. от 4.07.22 – Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207060002>, свободный.
- Зак. от 16.02.22 – Законопроект № 42307-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за пытки)» (принят Государственной Думой в первом чтении постановлением № 816-8 ГД от 16 февр. 2022 г.). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/42307-8>, свободный.
- 43-ФЗ – Федеральный закон от 28 февр. 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/79355.html>, свободный.
- Пост. ЕСПЧ – Постановление ЕСПЧ по делу «Шлыков и другие против России» (жалоба № 78638/11) от 19 янв. 2021 г. URL: <https://european-court-help.ru/delo-78638-11-shlykov-i-drugie-protiv-rossii/>, свободный
- Мод.код. – Модельный уголовно-исполнительный кодекс для государств участников СНГ (принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 2 ноября 1996 г. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=175447>, свободный.

Литература

1. *Бабаев В.К.* Теория современного советского права. Н. Новгород: Нижегород. ВШ МВД РСФСР, 1991. 155 с.
2. *Абрамова А.И.* Современные тенденции интеграции и дифференциации правового регулирования // Журн. рос. права. 2018. Т. 6, № 9. С. 29–38. https://doi.org/10.12737/art_2018_9_3.
3. Сборник конвенций, рекомендаций и резолюций, касающихся пенитенциарных вопросов / Пер. с англ.; под общ. ред. Ю.И. Калинина. Рязань: Акад. ФСИН России, 2008. 235 с.
4. *Михлин А.С.* Высшая мера наказания: история, современность, будущее. М.: Дело, 2000. 174 с.
5. *Корецкий Д.А.* Проблема легитимности фактической отмены смертной казни // Ведомости УИС. 2011. № 2 (105). С. 31–35.
6. *Зорькин В.Д.* Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб.: КС РФ, 2021. 154 с.
7. *Тиунов О.И.* Ратификация международных договоров в РФ: законодательное регулирование и практика // Журн. рос. права. 2008. № 4 (136). С. 137–156.
8. *Бакулин В.К.* Контроль и надзор в сфере исполнения уголовных наказаний. М.: Проспект, 2021. 208 с.
9. *Bakulin V.K., Bakulina L.V., Khalilov R.N.* Comparative European and International law and Russian Human Rights. EU Research Interests in Criminal Law Regulation: European, International Russian Federation Criminal Law Regulation in Penitentiary System. LAP Lambert Acad. Publ., 2021. 92 p.
10. *Аленова О.* ПНИ и пытки. Что увидел ЕКПП в российских психоневрологических интернатах. 2019. 29 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4141180>, свободный.
11. *Голубцов В.Г., Валеев Д.Х.* Современная дискуссия об источниках гражданского процессуального права // Ex Jure. 2022. № 2. С. 93–105. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2022-2-93-105>.
12. *Бакулина Л.Т., Степаненко Р.Ф.* Обзор материалов III Всероссийского «круглого стола» по общетеоретическим проблемам права «Современные тенденции в эволюции методологии правовых исследований» // Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 135–152.
13. Международная и внутригосударственная защита прав человека / А.Х. Абашидзе, А.И. Абдуллин, Э.Р. Адамова [и др.]; под редакцией Л.Х. Мингазова. М.: Проспект, 2021. 848 с.
14. *Степаненко Р.Ф.* Процессуальность права в аксиологическом измерении: общетеоретические и методологические проблемы // Вестн. гражд. процесса. 2019. Т. 19, № 3. С. 34–44.

Поступила в редакцию 20.05.2024

Принята к публикации 19.07.2024

Бакулин Валерий Константинович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: peltonen_87@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.122-134

**Legal Monitoring of the Modern Penitentiary Process
in Russian and Foreign Legal Systems***Bakulin V.K**Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia**E-mail: peltonen_87@mail.ru*

Received May 20, 2024; Accepted July 19, 2024

Abstract

This article explores human rights mechanisms as a set of international and domestic bodies that are legally authorized to perform oversight and supervisory activities for protecting the rights, freedoms, and legitimate interests of convicts. A classification of human rights mechanisms within the penitentiary system was given, taking into account the universal and regional value of Russian and international laws and their influence on the legal status of convicts serving their criminal sentences. A new type of legal process, (penitentiary) criminal enforcement, was proposed for future consideration and defined. The status of the cross-sectoral institution of death penalty was discussed from our own perspective on the matter. With regard to the primacy of international legal norms and treaties in expanding and upholding the rights, freedoms, and legitimate interests of convicts, it was concluded that the Russian legislative system has a legal axiom worthy of integration into other modern legal systems.

Keywords: penitentiary system, legal systems, legal status of convicts, legal monitoring, human rights mechanism, penitentiary process

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Babaev V.K. *Teoriya sovremennogo sovetskogo prava* [The Theory of Modern Soviet Law]. Nizhny Novgorod, Nizhegorod. VSh MVD RSFSR, 1991, p. 88. (In Russian)
2. Abramova A.I. Contemporary trends in the integration and differentiation of legal regulation. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2018, vol. 6, no. 9, pp. 29–38. https://doi.org/10.12737/art_2018_9_3. (In Russian)
3. *Sbornik konventsii, rekomendatsii i rezolyutsii, kasayushchikhsya penitentsiarnykh voprosov* [Compendium of Conventions, Recommendations, and Resolutions Relating to Penitentiary Issues]. Kalinin Yu.I. (Ed.). Ryazan, Akad. FSIN Ross., 2008. 235 p. (In Russian)
4. Mikhlin A.S. *Vysshaya mera nakazaniya: istoriya, sovremennost', budushchee* [Capital Punishment: Past, Present, and Future]. Moscow, Delo, 2000. 174 p. (In Russian)
5. Koretskii D.A. The concern regarding the legitimacy of de facto abolition of death penalty. *Vedomosti UIS*, 2011, no. 2 (105), pp. 31–35. (In Russian)
6. Zor'kin V.D. *Konstitutsionnoe pravosudie: protsedura i smysl* [Constitutional Justice: Procedure and Essence]. St. Petersburg, 2021, p. 80. (In Russian)
7. Tiunov O.I. Ratification of international treaties under the laws of the Russian Federation: Legislation and practice. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2008, no. 4 (136), pp. 137–156. (In Russian)
8. Bakulin V.K. *Kontrol' i nadzor v sfere ispolneniya ugovnykh nakazanii* [Oversight and Supervision in the Field of Execution of Criminal Penalties]. Moscow, Prospekt, 2021. 208 p. (In Russian)

9. Bakulin V.K., Bakulina L.V., Khalilov R.N. *Comparative European and International Law and Russian Human Rights. EU Research Interests in Criminal Law Regulation: European, International Russian Federation Criminal Law Regulation in Penitentiary System*. LAP Lambert Acad. Publ., 2021. 92 p.
10. Allenova O. Mental asylums and torture: What the Committee for the Prevention of Torture found in Russian psychiatric hospitals. 2019. Oct. 29. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4141180>. (In Russian)
11. Golubtsov V.G., Valeev D.Kh. The current debate on the sources of civil procedure law. *Ex Jure*, 2022, no. 2, pp. 93–105. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2022-2-93-105>. URL: <http://ex-jure.psu.ru/images/2022-2/2022-2-7.pdf>. (In Russian)
12. Bakulina L.T., Stepanenko R.F. Review of the proceedings of the III All-Russian “Round Table” Conference on General Theoretical Problems of Law “Contemporary Trends in the Evolution of the Methodology of Legal Research”. *Pravo i Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*, 2016, no. 7 (139), pp. 135–152. (In Russian)
13. Abashidze A.Kh., Abdullin A.I., Adamova E.R. et al. *Mezhdunarodnaya i vnutrigosudarstvennaya zashchita prav cheloveka* [Protecting Human Rights at the Global and National Levels]. Mingazov L.Kh. (Ed.). Moscow, Prospekt, 2021. 848 p. (In Russian)
14. Stepanenko R.F. The procedural nature of law from axiological perspective: General theoretical and methodological issues. *Vestnik Grazhdanskogo Protsessa*, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 34–44. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Бакулин В.К. Правовой мониторинг современного пенитенциарного процесса в российской и зарубежных правовых системах // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 122–134. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.122-134>. ⟩

⟨ **For citation:** Bakulin V.K. Legal monitoring of the modern penitentiary process in Russian and foreign legal systems. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 3, pp. 122–134. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.122-134>. (In Russian) ⟩

Индекс 19421